ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

I.

Первыя впечатлѣнія.

Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ я подыскиваю для самого себя разные предлоги, чтобы только не писать своихъ писемъ.

Иногда у меня буквально нѣтъ времени, вслѣдствіе цѣлой массы всевозможныхъ визитовъ, rendez-vous и пр.; иногда совѣсть не позволяетъ мнѣ взяться за перо, такъ какъ мнѣ кажется, что наблюденія мои слишкомъ кратки, а впечатлѣнія слишкомъ поверхностны и къ тому же не приведены въ стройность. Откровенно же говоря, я не писалъ до сихъ поръ, потому что былъ страшно утомленъ.

Въ началѣ я не отдавалъ себѣ отчета; я воображалъ, что, проведя весь день на улицѣ, перескакивая изъ кареты въ карету, изъ поѣзда въ поѣздъ, изъ трамвая въ трамвай, присматриваясь, прислушиваясь, занося замѣтки въ записную книжку, я буду въ состояніи сѣсть вечеромъ за работу. Но даже только живя въ этой ужасной атмосферѣ, въ этомъ безпрерывномъ гигантскомъ желѣзномъ грохотѣ, невольно значительно растрачиваешь запасъ нервной энергіи. Возвращаясь вечеромъ къ себѣ домой, я, несмотря на все доброе желаніе, работать не могъ,—мозгъ отказывался функціонировать.

Не я одинъ испытывалъ это ощущеніе, всѣ иностранцы говорятъ мнѣ то же самое. Даже самъ Теккерей въ своихъ замѣткахъ объ Америкѣ разсказываетъ, что въ Нью-Іоркѣ ему въ продолженіе долгаго времени не удавалось сѣсть за работу, такъ какъ улица неотразимо притягивала его къ себѣ.

Я отлично понимаю это состояніе духа: ожесточенная, нервная жизнь громаднаго города врывается въ вашу комнату, проникаетъ въ васъ, заполняетъ, захватываетъ. По возвращеніи домой въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи сдѣлать ничего, кромѣ развѣ какъ отправить коротенькую телеграмму.

Мало-по-малу, однако, привыкаешь къ этому вѣчному раздраженію нервовъ и къ концу мѣсяца уже входишь въ колею. Въ настоящее время я прогуливаюсь по Бродвэй (Широкая дорога) почти съ

той же увѣренностью, какъ прогуливался по Итальянскому бульвару въ Парижѣ. Въ этой странѣ такъ быстро растворяешься, она такъ неудержимо поглощаетъ васъ, что уже я теперь считаю себя почти что американцемъ.

Но начну по порядку. Что сказать вамъ о моемъ пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ? Это было въ вокресенье, да еще въ туманное воскресенье. Выйдя изъ шлюпки, я сѣлъ въ карету и покатился по скверной мостовой, вдоль прямыхъ улицъ, окаймленныхъ плоскими фасадами, окрашенными въ красный, темный и сѣрый цвѣта, снабженными одинаковыми лѣсенками въ дюжину ступеней, съ желѣзными или каменными перилами. Здѣсь впервые я понялъ, какую тоску и уныніе наводитъ однообразіе.

Прежде всего я отправился въ отель «Вальдорфъ», гдѣ предполагалъ, что мнѣ приготовили комнату, но оказалось, въ данный моментъ не было ни одного свободнаго номера. Тысяча пятьсотъ комнатъ были всѣ заняты! Я отправился въ другой отель, но едва успѣлъ переодѣться, какъ по телефону былъ увѣдомленъ, что въ отелѣ «Вальдорфъ» освободилась комната. Пообѣдавъ въ городѣ и вернувшись около 11 часовъ вечера обратно, я засталъ всѣ корридоры и залы ресторана переполненными людьми въ вечернихъ туалетахъ. Я коекакъ протолкался черезъ эту толпу, вскочилъ въ ассензоръ, гдѣ уже стояло до пятнадцати человѣкъ, и черезъ семнадцать секундъ находился у себя, въ четырнадцатомъ этажѣ.

Глухой непрерывный шумъ долеталъ съ улицы. Я подошелъ къ окну. У моихъ ногъ лежалъ весь городъ. Среди безконечныхъ линій огней, гирляндъ фонарей и разноцвѣтныхъ рекламъ царила тьма. Я начинаю считать освѣщенные предо мной этажи и насчитываю двадцать этажей ослѣпительно освѣщенныхъ оконъ. Дымовыя трубы упираются въ темное небо. Съ залива доносились дикія завыванія корабельныхъ сиренъ. Электрическіе трамваи катились внизу подъ моими окнами, то съ возрастающимъ, то съ замирающимъ шумомъ, который смѣшивался съ грохотомъ воздушной желѣзной дороги, мчавшейся съ быстротой молніи въ ста метрахъ отъ отеля, на высотѣ второго этажа. Къ этому шуму присоединялись другіе звуки, Богъ вѣсть откуда идущіе и которые, казалось, составляли неотъемлемую часть отеля. Казалось, что я весь проникнутъ былъ вибраціями и стоялъ, прислушиваясь и приглядываясь, ни о чемъ не думая, точно меня погрузили въ какой-то невѣдомый мнѣ составъ, въ которомъ я не могъ двигаться. Мнѣ казалось, что я все еще нахожусь на кораблѣ и какая-то чуждая сила непреодолимо давитъ меня.

На другой день, проснувшись рано утромъ, я снова былъ охваченъ шумомъ вихря, поднимавшагося съ улицы. Мнѣ хотѣлось анализировать его и я спустился на улицу.

Шумъ происходилъ отъ феноменальнаго количества трамваевъ, которые въ буквальномъ смыслѣ пересѣкали другъ другу путь каждую минуту, непрерывно трезвоня въ колокольчикъ; отъ воздушной желѣзной дороги, устроенной на желѣзныхъ доскахъ, поддерживаемыхъ желѣзными столбами, которые въ сто разъ увеличиваютъ резонансъ вибрацій; отъ обычнаго стука каретъ, ломовыхъ телѣгъ и людей; отъ стукотни молотовъ о камень и желѣзо, такъ какъ повсюду или строили, или разрушали. Чтобы вполнѣ насладиться гармоніей этихъ звуковъ,

мнѣ посовѣтовали прогуляться на перекрестокъ улицъ Бродвэй, 6-ой аллей и 34-ой улицы.

Бродвэй—самая длинная улица въ Нью-Іоркѣ. Она вмѣстѣ съ своимъ продолженіемъ, называемыл Бульваромъ, составляетъ отъ 18 до 20 километровъ!

Бродвэй и 6-ая аллея имѣютъ каждая двѣ линіи электрическихъ трамваевъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ ежеминутно. Кромѣ того, наискось проходитъ 34-ая улица, тоже имѣющая двойную линію электрическихъ трамваевъ. Поверхъ этихъ шести линій непрерывно катятся поѣзда воздушной дороги. Желѣзный мостъ грохочетъ, какъ громъ, при проходѣ вагоновъ. Нерѣдко два поѣзда перекрещиваются; нѣкоторые извергаютъ цѣлые клубы дыма и огня. Въ то же время внизу съ невѣроятной быстротой мчатся электрическіе трамваи, звонки звонятъ, не умолкая ни на минуту, и несчастный пѣшеходъ, угрожаемый со всѣхъ сторонъ смертью, оглушенный грохотомъ, мечется въ разныя стороны, и въ то время, какъ онъ сторонится отъ одного трамвая, на него катится другой, или, избѣгая кэба, едва не попадаетъ подъ автомобиль, ломовую телѣгу или ландо.

Нѣсколько человѣкъ спеціально приставлены только для того, чтобы слѣдить за мчащимися трамваями, направлять ихъ или задерживать, когда того требуютъ обстоятельства. Однако, они настолько привыкли и присмотрѣлись ко всему, что, повидимому, не обращаютъ вниманія на бѣгущіе мимо поѣзда, обмѣниваясь лишь на-лету съ кондукторами разными шуточками, точно они не были отвѣтственны за цѣлость пассажировъ.

Но всѣхъ этихъ способовъ передвиженія все еще недостаточно—кромѣ воздушной дороги, кромѣ трамваевъ, есть еще подземная дорога.

На воздушной желѣзной дорогѣ прокатиться очень недурно. Но нужно торопиться вскакивать въ вагонъ. Поѣздъ останавливается всего лишь на нѣсколько секундъ, и если вы будете хотя бы въ трехъ шагахъ отъ дверей, кондукторъ не станетъ дожидаться васъ; онъ захлопнетъ автоматическую дверцу передъ вашимъ носомъ, и поѣздъ на всѣхъ парахъ покатитъ дальше.

Поэтому передъ вагонами во время каждой остановки происходитъ невообразимая давка и толкотня. Въ каждомъ вагонѣ помѣщается до пятидесяти человѣкъ, а иногда набирается и сто, и даже болѣе. Каждый устраивается, какъ можетъ. Американцы, привыкшіе къ подобному порядку вещей, читаютъ стоя газеты, держась свободной рукой за кожаную лямку, спускающуюся съ потолка.

На всѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ и трамваяхъ есть только одинъ классъ. Поэтому каждый день вы можете наблюдать, какъ шикарный дамскій туалетъ трется о грязный костюмъ поденщика.

При выходѣ изъ вагона тоже слѣдуетъ спѣшить, иначе вы рискуете быть столкнутымъ и смятымъ задними рядами.

Относительно трамваевъ можно сказать то же самое. Электрическія каретки, пересѣкающія улицы съ быстротой экспресса, останавливаются по одному вашему мановенію; вокзаловъ и станцій нѣтъ ни въ началѣ, ни въ концѣ пути.

Какъ бы вагонъ ни былъ переполненъ, вамъ никогда не откажутъ. Вы втискиваетесь между посторонними животами, вы давите и въ свою очередь другіе давятъ васъ. Извиненія не просите, это безполезно:

вамъ не отвѣтятъ той же монетой. Если вы получите ударъ локтемъ въ грудь, возвратите его и можете при этомъ даже не оборачиваться. Дамы стоятъ, также какъ и мужчины. Иногда вѣжлывый господинъ уступитъ свое мѣсто, но вообще это не принято.

На потолкѣ трамвая напечатано слѣдующее объявленіе: «Запрещается плевать на полъ; виновные подвергаются штрафу въ 500 долларовъ или тюремному заключенію на одинъ годъ, или тому и другому вмѣстѣ. Распоряженіе совѣта охраненія народнаго здравія».

Коротко и ясно. Во Франціи вѣжливо просятъ не плевать, и всетаки плюютъ.

Отношенія служебнаго персонала трамваевъ другъ къ другу чрезвычайно несложны. Разъ какъ-то контролеръ замѣтилъ кондуктору, что онъ прозѣвалъ три мѣста въ кареткѣ. Тотъ, не говоря ни слова, подставилъ ему синякъ подъ глазомъ и свернулъ на сторону челюсть, причемъ путешественники съ большимъ интересомъ слѣдили за манипуляціями кондуктора.

Кромѣ шума, здѣсь поражаютъ васъ въ первое время безчисленныя прямыя улицы, пересѣкаемыя черезъ каждые 60 метровъ другими такими же прямыми улицами. Вы разглядываете съ удивленіемъ эти громадные дома, нерѣдко достигающіе двадцати этажей, усѣянные безчисленнымъ количествомъ оконъ, и невольно рѣшаете про себя, что жить въ такихъ домахъ должно быть ужасно скучно.

Кругомъ этихъ однообразныхъ домовъ нѣтъ ни одного деревца Куда ни поглядишь—камень, желѣзо, кирпичъ. Два или три сквера, гдѣ можно пересчитать всѣ деревья, и только.

На 5-ой аллеѣ, самой элегантной и самой богатой улицѣ, видъ нѣсколько иной.

Эта аллея, гдѣ стоятъ дворцы милліонеровъ, тянется на протяженіи 10 километровъ и пересѣкаетъ, подобно Бродвэй, весь городъ. Въ одной части этой улицы дома идутъ только по одну сторону, по другой же расположенъ паркъ.

Въ настоящее время паркъ находится подъ снѣгомъ, но красота его необычайна. Прелестныя аллеи, деревья, полянки, кустарники, скалы и холмы покрыты дѣвственной бѣлизны снѣгомъ. По всѣмъ направленіямъ мчатся сани, автомобили, коляски-викторіи. Сани, однако, преобладаютъ.

По большей части это легкія двухмѣстныя санки, съ сидѣньемъ, отстоящимъ довольно высоко отъ полозьевъ. Они необыкновенно быстро скользятъ по пушистому снѣгу, уносимыя кровными рысаками. Чтобы дать знать о своемъ присутствіи пѣшеходамъ, лошади снабжены маленькими серебряными пластинками, которыя, стукаясь другъ о друга, производятъ мелодичный, пріятный для слуха звонъ, который весело нарушаетъ молчаніе снѣга.

Теперь, изъ любви къ антитезамъ, я опишу другое мѣсто, не менѣе эффектное и еще болѣе захватывающее.

Я уже говорилъ, что туманъ помѣшалъ мнѣ увидѣть Бруклинскій мостъ при моемъ пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ. Я далъ себѣ слово поглядѣть на него при другихъ обстоятельствахъ и сперва проѣхалъ его по желѣзной дорогѣ, потомъ прогулялся обратно пѣшкомъ.

Вы, вѣроятно, знаете, что этотъ желѣзный мостъ имѣетъ въ длину 2 километра, поднимается надъ уровнемъ воды до 40 метровъ и что въ ширину онъ имѣетъ 26 метровъ.

На Бруклинскомъ мосту помѣщаются двѣ линіи электрической желѣзной дороги, двѣ линіи электрическихъ трамваевъ, двѣ дороги для экипажей и одна дорога для пѣшеходовъ. 250.000 человѣкъ каждый день переходятъ его. 1.200 поѣздовъ проносятся по немъ въ тотъ же промежутокъ времени и такое же количество трамваевъ. Когда мнѣ назвали всѣ эти цифры, я не могъ повѣрить. Какое воображеніе могло бы представить себѣ такую фантасмагорію?

Даже теперь я не знаю, какъ приступить къ этому описанію.

Подхваченный волною людей, я не помню самъ, какъ и по какимъ лѣстницамъ и корридорамъ добрался до поѣзда. Я былъ буквально втолкнутъ спѣшившей толпой въ вагонъ, въ которомъ люди жались другъ къ другу, какъ селедки въ бочкѣ. Нельзя было сдѣлать ни одного движенія, даже носовой платокъ было невозможно достать изъ кармана.

Поѣздъ трогается. Онъ летитъ стрѣлой мимо желѣзныхъ балокъ, телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, издавая желѣзный грохотъ. Черезъ пять минутъ мы уже пріѣхали. Люди, какъ безумные, бросаются изъ вагоновъ и бѣгутъ, обгоняя другъ друга, по корридорамъ, лѣстницамъ и затѣмъ снова по корридорамъ; вы невольно останавливаетесь, въ недоумѣніи спрашивая себя, вы ли сошли съ ума или эта толпа бѣгущихъ людей?

Но все это еще пустяки.

Я хотѣлъ прогуляться по мосту одинъ и для этой цѣли отправился отыскивать пѣшеходную дорогу, чтобы по ней вернуться обратно. Въ этотъ часъ дорога была почти пустынна. Я пустился въ путь, и всѣ абстрактныя цифры относительно размѣровъ моста затанцовали передъ моими глазами, какъ реальныя существа. Съ каждой стороны дороги мчались по разнымъ направленіямъ поѣзда, слѣдуя другъ за другомъ почти безпрерывно, на разстояніи всего какихъ-нибудь 20 метровъ одинъ отъ другого. Меня отдѣляла отъ нихъ только желѣзная ажурная рѣшетка. Въ двухъ метрахъ разстоянія отъ желѣзной дороги летѣли трамваи, тоже въ разныхъ направленіяхъ и тоже почти безпрерывно. Рядомъ съ трамваями находился свободный промежутокъ, по которому ѣхали кареты и телѣги съ грузомъ—однѣ по направленію къ Нью-Іорку, другія къ Бруклину. Грохотъ, производимый этими экипажами, не поддается описанію.

Это было какое-то непрерывное грохотанье, происходившее въ одно и то же время отъ стука желѣзныхъ досокъ, желѣзныхъ стѣнъ, звука колесъ, взрыванія воздуха, лошадинаго топота и многократнаго эхо всѣхъ этихъ звуковъ, всей металлической бури, разыгрывающейся на громадномъ желѣзномъ остовѣ, распростертомъ надъ пропастью. Доски, по которымъ я шагалъ, стонали подъ моими ногами, и когда я достигъ середины моста, арка котораго по высотѣ равнялась Тріумфальной аркѣ, я сѣлъ на скамью, покрытую снѣгомъ, и окинулъ взоромъ раскинувшуюся передо мной картину.

Я былъ на самой серединѣ рѣки. Въ этой странѣ сумерокъ не существуетъ, вечеръ наступаетъ сразу. Со стороны Нью-Іорка уже зажигались огни. Я долго созерцалъ дома, которые иллюминовались точно по волшебству. Вскорѣ моимъ глазамъ представился великолѣпный видъ. Это было первое впечатлѣніе истинной красоты, полученное мною въ Америкѣ. Но какъ могуче, какъ грандіозно было это впечатлѣніе!

Вотъ влѣво отъ меня горитъ и переливается огнями весь городъ.

Вечеръ затушевалъ архитектуру домовъ и теперь нельзя различить ихъ непривлекательности. Лишь сотни, тысячи, пожалуй, даже милліоны маленькихъ квадратныхъ стеколъ мерцаютъ, посылая свои лучи отъ земли къ небу! Двадцатиэтажные свѣтящіеся дома уходятъ вдаль, теряясь за горизонтомъ; небольшіе дома перемежаются съ громадными, которые, въ свою очередь, превосходятъ еще большіе, образуя такимъ образомъ нѣчто вродѣ гигантской лѣстницы къ недоступнымъ небесамъ.

Казалось, будто неисчислимое количество дворцовъ освѣтилось праздничными огнями! Видъ на Парижъ вечеромъ съ высотъ Монмартра ничто въ сравненіи съ этой картиной.

Можно было подумать, что всѣ небесныя звѣзды вдругъ сгруппировались въ симметрическомъ порядкѣ въ трехъ стахъ метрахъ отъ меня. Это былъ видъ удивительный по красотѣ, подавляющій, великолѣпный, чудовищный! Это глубокое впечатлѣніе красоты, проистекающей отъ одного громаднаго числа огней, отъ математическаго порядка ихъ расположенія, собственно говоря, было противно всѣмъ правиламъ эстетики и искусства. Сила, неизмѣримая энергія порождали это могучее, громадное ощущеніе.

Я былъ въ одно и то же время пораженъ, обрадованъ и удивленъ. И когда холодъ началъ леденить мои члены, я съ сожалѣніемъ оставилъ свой наблюдательный постъ и пошелъ, боясь забыть это новое ощущеніе, какъ забываешь сонъ при пробужденіи.

Мнѣ хотѣлось бы это объяснить: все время я находился здѣсь, охваченный меланхоліей уединенія, чуждымъ для меня климатомъ, чуждыми нравами, обычаями и идеями; мои интимнѣйшія ощущенія оставались безъ отзвука со стороны друга, пріятеля или просто знакомаго; всѣ нити, связывавшія меня съ родными мѣстами, были оборваны, и вдругъ забвеніе, полное забвеніе всего подъ наплывомъ могучихъ ощущеній, полученныхъ отъ этого феерическаго зрѣлища...

Я зашагалъ по направленію къ Нью-Іорку, посреди грохота поѣздовъ, не пугавшаго больше меня. По рѣкѣ взадъ и впередъ двигались корабли и пароходы, издавая пронзительные свистки, мерцая красными и зелеными фонарями.

Вскорѣ я очутился у пункта моего отправленія, внизу лѣстницы, ведущей на улицу. Было около 6 часовъ вечера. Трамваи, шедшіе изъ Бруклина, сбѣгали съ лѣвой стороны моста, описывали короткій полукругъ и тотчасъ же отправлялись съ правой стороны въ обратный путь. То, что я увидѣлъ здѣсь, нельзя себѣ вообразить. Не успѣетъ вагонъ еще остановиться, какъ толпа пассажировъ, рискуя попасть подъ колеса, бросается на него и приступомъ занимаетъ мѣста. Замѣчательно, что каждый, участвующій въ давкѣ, выгадываетъ какихъ-нибудь двѣ, три минуты, такъ какъ трамваи отходятъ безпрестанно.

Безъ криковъ, безъ словъ и восклицаній двадцать пять человѣкъ локтями пробиваютъ себѣ дорогу къ площадкѣ вагона, двадцать пять другихъ подталкиваютъ ихъ своими тѣлами, стараясь въ то же время протиснуться между ними, третья группа работаетъ сзади, тщетно пытаясь оттѣснить кого-нибудь и схватиться за скобку вагона.

Никто не издаетъ ни звука жалобы; кондукторъ стоитъ безучастнымъ зрителемъ, ни во что не вмѣшиваясь; полисмэнъ заботится только, чтобы люди не попали подъ поѣздъ, въ остальномъ каждый самъ себѣ хозяинъ.

Никогда нигдѣ я не видѣлъ ничего подобнаго. Это грубо и несложно, какъ игра въ футболъ. Среди этой давки находятся и женщины, но на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Онѣ карабкаются наравнѣ съ мужчинами, защищая поскольку возможно свои платья и шляпы. Само собой разумѣется, нерѣдко онѣ не достигаютъ цѣли, притиснутыя грубымъ движеніемъ локтя или плеча. Онѣ, впрочемъ, не протестуютъ, преклоняясь передъ силой мужчинъ, какъ передъ чѣмъ-то стихійнымъ; онѣ останавливаются и въ ожиданіи слѣдующаго вагона поправляютъ головныя шпильки. Среди нихъ не встрѣтишь старухи: все это въ большинствѣ случаевъ молодыя дѣвушки или молодыя женщины.

Я чуть не часъ простоялъ, наблюдая эту новую для меня картину. Я смѣшался съ толпой, какъ будто тоже хотѣлъ сѣсть въ вагонъ, хотя не дѣлалъ къ тому никакой попытки. Тѣмъ не менѣе я десять разъ былъ самымъ грубымъ образомъ отброшенъ отъ вагона.

Молодая женщина, не старше двадцати лѣтъ, пытавшаяся нѣсколько разъ безуспѣшно вскочить въ трамвай, вдругъ залилась горькими слезами: у ней украли во время давки маленькій сакъ со всѣмъ содержимымъ. «Что скажетъ мужъ?», жаловалась она. Была суббота и она несла съ собой недѣльный заработокъ и нужныя бумаги.

Трое или четверо нагнулись, чтобы поискать на рельсахъ пропавшій кошелекъ, но черезъ минуту подошелъ новый вагонъ, и давка возобновилась съ прежнимъ ожесточеніемъ.

Я видѣлъ, какъ маленькая женщина, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, почти раздавленная, ухватилась какимъ-то чудомъ за скобку и кое-какъ взобралась на площадку. Шляпка ея была сдвинута набокъ, волосы растрепаны, на глазахъ еще блистали слезы.

II.

Отель «Вальдорфъ-Асторія».

Когда я уѣзжалъ, опытные люди мнѣ говорили: «Остановитесь непремѣнно у Вальдорфа. Тамъ вы лучше всего познакомитесь съ американской жизнью».

Я прожилъ здѣсь шесть недѣль и начинаю понимать справедливость этихъ словъ. Это дѣйствительно одинъ изъ самыхъ модныхъ отелей. Здѣсь можно увидѣть людей всѣхъ слоевъ общества, отъ архимилліонера до человѣка неопредѣленныхъ занятій. Жизнь здѣсь бьетъ ключомъ круглыя сутки.

Положимъ, въ другихъ ресторанахъ и гостинницахъ Нью-Іорка недостатка въ суетѣ и многолюдствѣ не чувствуется, но «Вальдорфъ-Асторія» одно изъ колоссальнѣйшихъ учрежденій, которыя только можно встрѣтить въ Америкѣ. Это чудовище заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія.

Выстроенный въ красивомъ стилѣ, весь изъ краснаго камня, онъ помѣщается въ самомъ центрѣ 5-ой аллеи и занимаетъ всю площадь между 33-ей и 34-ой улицами. Постройка его обошлась въ 40 милліоновъ. Домъ состоитъ изъ 17 этажей и 1.500 комнатъ, изъ которыхъ 1.200 съ ваннами.

Веранда, служащая главнымъ подъѣздомъ для каретъ и пѣшеходовъ, представляетъ двѣнадцать желѣзныхъ арокъ, украшенныхъ зеленью, и по вечерамъ буквально утопаетъ въ электрическомъ свѣтѣ. Нижній

этажъ отеля состоитъ изъ громадныхъ столовыхъ залъ, очень высокихъ, обставленныхъ въ различныхъ стиляхъ, съ массой отдѣльныхъ столиковъ, такъ какъ табльдотъ здѣсь неизвѣстенъ. Стѣны или выложены мраморомъ, или украшены скульптурными работами. Мраморъ же вы встрѣтите и въ корридорахъ, мраморъ на лѣстницахъ, однимъ словомъ, всюду, при этомъ съ разными украшеніями, съ позолотой, точно въ византійскомъ соборѣ. Всюду бархатныя канапе, шелкомъ обтянутыя кресла, софы и стулья, обитые кожей.

По всѣмъ корридорамъ, которые идутъ вокругъ этого гигантскаго караван-сарая, вдоль обѣихъ стѣнъ прохаживаются и сидятъ разные люди, которые болтаютъ, курятъ, пьютъ, такъ какъ входъ сюда свободенъ всякому: салоны, бары, ресторанъ, курительныя комнаты—все предоставлено для общаго пользованія публикѣ.

Оркестръ, помѣщенный на антресоляхъ между двумя корридорами, играетъ съ утра до вечера для тѣхъ, кто хочетъ его слушать. Каждый уголокъ здѣсь утилизированъ: есть даже небольшое отдѣленіе банкирскаго дома, гдѣ ведутся дѣловые разговоры; по телефону сообщаются курсъ и настроеніе одновременно съ биржей.

Тутъ же по близости находится витрина цвѣточницы, выставка фотографа, мастерская котораго находится въ 17-мъ этажѣ, телефонное бюро для переговоровъ съ городомъ и окрестностями, телеграфное бюро, кабинетъ врача (всѣхъ ихъ въ гостинницѣ три, и они дежурятъ поочереди). Вотъ магазинъ журналовъ и газетъ, вотъ театральная касса, вотъ контора отеля съ 1.500 занумерованныхъ ящиковъ. Когда приходитъ письмо, на немъ отмѣчается часъ и минуты поступленія, и оно опускается въ соотвѣтствующій ящикъ. Если кто-нибудь спрашиваетъ одного изъ жильцовъ, карточка посѣтителя посредствомъ пневматическихъ трубъ въ тридцать секундъ посылается въ указанный этажъ на глазахъ у посѣтителя. Если жильца нѣтъ дома, то на конвертѣ ставится штемпель «Not in room» (нѣтъ въ комнатѣ).

Великолѣпныя, просторныя подъемныя машины въ стилѣ Людовика XV, въ которыхъ свободно могутъ помѣститься 15 человѣкъ, безпрерывно то опускаются, то поднимаются. Никто никогда не ходитъ по лѣстницамъ. Электрическій звонокъ указываетъ приставленному къ машинамъ человѣку, куда онъ долженъ подать ассензоръ и гдѣ нужно остановиться. Подъемныхъ машинъ на каждый этажъ полагается семь или восемь; на площадкѣ каждаго этажа находится циферблатъ, который указываетъ, гдѣ въ данный моментъ находится «элеваторъ», въ который собираешься сѣсть. Ждать никогда не приходится дольше нѣсколькихъ секундъ.

Во второмъ этажѣ комнатъ не имѣется. Съ одной стороны находятся два громадныхъ бальныхъ зала съ ложами, сценами и со всѣми прочими театральными приспособленіями. Залы эти обставлены съ неслыханной роскошью: мраморныя стѣны, мягкіе восточные ковры, громадныя зеркала, расписанные лучшими американскими художниками потолки. Онѣ отдаются внаймы за 1.000 долларовъ въ вечеръ или 1.500 долларовъ въ день. Въ нихъ устраиваются художественныя выставки, благотворительные базары и даже семейныя торжества, какъ, напримѣръ, свадьбы. Съ другой стороны идетъ безконечный рядъ салоновъ и столовыхъ всѣхъ стилей и всѣхъ размѣровъ, которые отдаются внаемъ для обѣдовъ, устраиваемыхъ различными корпораціями, или оставляются для тѣхъ изъ кліен-

товъ, которые не желаютъ обѣдать въ общихъ залахъ. Но въ нихъ не подаютъ двумъ лицамъ, необходимо, чтобы пришло нѣсколько человѣкъ.

Нѣкоторые изъ этихъ салоновъ довольно сомнительнаго вкуса, другіе, наоборотъ, очень красивы, но всѣ безусловно обставлены съ чрезвычайной роскошью. Входъ въ эти салоны ведетъ черезъ вестибюль, украшенный растеніями и мраморными статуями. Послѣ обѣда въ нихъ можно пѣть, танцовать, устраивать пріемы или курить. Здѣсь принцъ Генрихъ Прусскій, который во время своего пріѣзда въ Америку остановился въ отелѣ Вальдорфа, принималъ своихъ гостей.

Я побывалъ въ комнатахъ перваго этажа. Нѣкоторыя изъ нихъ поистинѣ великолѣпны: шелковые и бархатные обои, софы, громадныя золоченыя кресла, постели съ инкрустаціей изъ слоновой кости, богатые ковры, картины, вазы, маленькія столовыя, очень шикарныя, очень элегантныя, будуары, туалетныя комнаты, ванныя, залы. Нѣкоторые изъ этихъ апартаментовъ имѣютъ по нѣскольку комнатъ и стоятъ до 500 долларовъ въ сутки.

Въ каждомъ этажѣ имѣется своя особая прислуга, полный комплектъ бѣлья, посуды, серебра; но всѣ кушанья доставляются изъ кухни по спеціальнымъ подземнымъ машинамъ. Заказъ передается по пневматическимъ трубамъ и исполняется въ подземельѣ. Какъ только блюдо доставлено ассензоромъ, оно ставится на маленькій столикъ, который слуга и вноситъ въ комнату, уже вполнѣ сервированнымъ.

И такъ съ 1-го до 16-го этажа. Въ 17-мъ крыша отеля. Лѣтомъ тамъ подъ тентомъ посреди цвѣтовъ, растеній устраивается ресторанъ на открытомъ воздухѣ.

Въ обыкновенной комнатѣ, какъ, напримѣръ, моя (35 кв. метр.), находится десять электрическихъ лампочекъ: три на потолкѣ, двѣ съ каждой стороны зеркала, одна на ночномъ столикѣ, одна въ ванной комнатѣ и одна въ туалетномъ кабинетѣ.

Обстановка каждой комнаты состоитъ изъ громадной двухспальной постели, ночного столика съ переносной электрической лампочкой, камина съ часами, качалки, двухъ креселъ, трехъ стульевъ, вмѣстительнаго комода, двойныхъ шторъ, мягкаго ковра, бюро съ ящиками и стола. Вся мебель изъ краснаго дерева.

Въ ванной комнатѣ стѣны выложены фаянсомъ, полъ мозаичный, покрытый холщевымъ ковромъ. Ванна тоже фаянсовая, два крана съ горячей и холодной водой по желанію. Тутъ же висятъ дюжина салфетокъ, электрическіе согрѣватели, а около двери маленькая ниша съ дверцей краснаго дерева съ надписью: «Поставьте на ночь сюда вашу обувь для чистки». Со стороны коридора эта ниша имѣетъ тоже дверцу, и слуга, не безпокоя васъ, беретъ чистить ваши сапоги.

Теперь спустимся въ подземелье, гдѣ тоже кипитъ жизнь непрерывно круглыя сутки.

Первый этажъ подземелья съ одной стороны занятъ парикмахерской съ отдѣльными залами для дамъ и мужчинъ, педикюромъ и маникюромъ, русскими банями; съ одной стороны идутъ апартаменты эконома отеля: комнаты для пріема товаровъ, кухни, булочныя, пирожныя, депо сигаръ, винный погребъ, консервный магазинъ, бѣльевой складъ, комнаты для храненія багажа и Богъ знаетъ что еще. Помѣщенія эти занимаютъ все пространство отеля. Взять хоть бы бѣльевой складъ: девяносто пять женщинъ заняты здѣсь цѣлый день однимъ лишь складываніемъ салфетокъ.

Семь служащихъ съ утра до вечера работаютъ надъ раскрываніемъ устрицъ. Ихъ старшій получаетъ 500 фр. жалованья въ мѣсяцъ. Посуда и серебро моются въ особо устроенныхъ громадныхъ котлахъ, нагрѣваемыхъ паромъ. 165 судомоекъ заняты этимъ дѣломъ круглыя сутки.

Винный погребъ имѣетъ въ общемъ на милліонъ франковъ винъ. Тамъ находится 28 приказчиковъ.

Въ сигарномъ складѣ находится на 300.000 долларовъ сигаръ, табаку и сигаретъ. Самыя дорогія сигары стоятъ $1^1/_2$ доллара за штуку. Самый скадъ напоминаетъ собой прекрасно устроенную библіотеку, элегантную и душистую, температура въ которой строго поддерживается въ такихъ предѣлахъ, чтобъ возможно лучше сохранять сигары.

Но есть еще и другое подземелье, такое же обширное, какъ и первое. Очутившись тамъ, можно подумать, что попалъ на какой-нибудь большой заводъ. Здѣсь находятся чудовищной величины динамо-машины, освѣщающія, вентилирующія, согрѣвающія гостинницу и фабрикующія также зеркала. Сила 8-ми машинъ составляетъ въ общемъ 3.000 лошадиныхъ силъ. 115 инженеровъ, механиковъ и простыхъ рабочихъ заняты здѣсь день и ночь. Здѣсь расходуется ежедневно до 160 тоннъ угля. Подъ тротуарами улицы находятся склады, гдѣ хранятся на случай стачки 20.000 тоннъ угля.

Далѣе идутъ мастерскія слесарныя, столярныя и пр. для починокъ въ отелѣ. Есть даже часовая мастерская и серебряная для подновленія приборовъ и сервизовъ.

Неожиданно носъ ощущаетъ нестерпимый запахъ аммiака, который выходитъ изъ зеркальной фабрики. Ежедневно здѣсь приготовляется 50 тоннъ стекла; само собой, что такая масса не можетъ потребоваться отелю, и стекло продается на сторону.

Въ прачешной ежедневно стирается и гладится 60.000 штукъ бѣлья. Сюда попадаетъ все бѣлье съ трехъ тысячъ человѣкъ (путешественниковъ и служащихъ отеля). 3.000 простынь ежедневно! 8.000 полотенецъ, столовыхъ салфетокъ, занавѣсей, шторъ, скатертей и пр.

Каждый разъ, когда вы спрашиваете стаканъ воды, слуга приноситъ и маленькую салфетку, которая уже вторично не употребляется. Цѣлыя дюжины автоматическихъ машинъ для стирки, глаженья находятся безпрестанно въ работѣ.

Въ одномъ изъ закоулковъ, въ герметически закрытой комнатѣ, мнѣ показали до ста большихъ ящиковъ, наполненныхъ разными остатками: мясомъ, рыбой, хлѣбомъ, лимонами, скорлупами. Это вчерашніе объѣдки, которые скупаетъ какой-то барышникъ и за которые отель выручаетъ въ годъ до 5.000 долларовъ.

Затѣмъ идутъ погреба. Пройдясь по этимъ комнатамъ, числомъ до пятидесяти, я пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь хватило бы пищи для цѣлаго города. Безчисленные ряды окороковъ, подвѣшенныхъ къ потолку, громадные куски сырого мяса, вскрытыя туши телятъ, сотни и даже тысячи индюшекъ, куръ, голубей, канареекъ, фазановъ, молочныхъ поросятъ... Приторный влажный запахъ исходитъ отъ всей этой груды мяса.

Далѣе размѣщены овощи, грибы, картофель, спаржа, томаты, морковь, салатъ. Затѣмъ идутъ фрукты: яблоки, груши, ананасы, сливы, виноградъ, апельсины, лимоны; все это распространяетъ свѣжій пріятный ароматъ.

Трубы-холодильники пересѣкаютъ всѣ эти комнаты, такъ что послѣ нѣкотораго пребыванія здѣсь становится холодно.

Расходъ и приходъ этого отеля-завода прямо феноменальны. При основанiи отеля одного серебра куплено было на 250.000 долларовъ. Съ тѣхъ поръ было прикуплено приблизительно еще на 125.000. Каждый годъ любители чужой собственности, главнымъ образомъ служащіе гостинницы, похищаютъ серебра на 10.000 долларовъ.

Бѣлья пропадаетъ и изнашивается на 30.000 долларовъ въ годъ.

Въ среднемъ въ годъ одной почтовой бумаги исписывается около милліона листовъ.

Въ день расходится 2.000, а иногда и 6.000 обѣдовъ, не считая ужиновъ. Для такого огромнаго количества требуется, конечно, немало и провизіи, и дѣйствительно, ежедневно въ отель «Вальдорфъ» поставляется 25 быковъ.

Въ Нью-Іоркѣ почти совсѣмъ не ѣдятъ телятины. Зато одинъ отель «Вальдорфъ» поглощаетъ каждый день отъ 20 до 25 ягнятъ, 20 окороковъ, около ста штукъ куропатокъ, 100 индюшекъ, 30 дюжинъ голубей, 10 дюжинъ домашнихъ канареекъ, на 175 долларовъ молока, на 100 долларовъ грибовъ, 8.000 маленькихъ хлѣбцевъ и 5.000 хлѣбцевъ, подаваемыхъ къ утреннему кофе. Однимъ словомъ, расходъ на провизію составляетъ въ среднемъ 7.500 долларовъ, и, кромѣ того, ежемѣсячно около 100.000 долларовъ расходуется на разные консервы.

За одну только воду отель платитъ городу ежегодно 50.000 долларовъ.

Персоналъ служащихъ отеля достигаетъ почтенной цифры 1.636 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ 96 поваровъ, 18 булочниковъ, 165 судомоекъ, 177 пажей и грумовъ, 105 носильщиковъ и метельщиковъ, 560 лакеевъ, 175 горничныхъ и т. д. Весь этотъ составъ обходится отелю приблизительно въ 65.000 долларовъ въ мѣсяцъ. Оффиціанты получаютъ 40 долларовъ въ мѣсяцъ, лакеи, служащіе въ нумерахъ,—50, конторщики—отъ 100 до 500 долларовъ. Всѣ служащіе получаютъ продовольствіе.

Теперь, когда я скажу вамъ, что бываютъ дни, когда чистый доходъ отеля достигаетъ до 2.000 долларовъ, вы поймете, почему Больдтъ, нынѣшній хозяинъ гостинницы, бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ простымъ оффиціантомъ, находится на вѣрномъ пути, чтобы стать въ скоромъ времени однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Америкѣ.

III.

Футболъ.

Самой блестящей партіей въ футболъ считается въ Америкѣ состязаніе между двумя старѣйшими университетами—Гарвардскимъ и Яльскимъ, которое происходитъ каждый годъ въ началѣ ноября. Партія эта считается чуть ли не національнымъ событіемъ, чѣмъ-то вродѣ розыгрыша grand Prix въ Парижѣ или Derby въ Лондонѣ.

Въ силу этого всѣ поѣзда, отправлявшіеся сегодня утромъ изъ Нью-Іорка въ Новую Гавань, гдѣ находится Яльскій университетъ, производили впечатлѣніе увеселительныхъ поѣздовъ. У всѣхъ пассажировъ въ петлицахъ находились красныя гвоздики и розы или фіалки, или, вмѣсто

этого, маленькіе флачки въ рукахъ краснаго или голубого цвѣта, такъ какъ Яль и Гарвардъ имѣютъ каждый свой цвѣтъ—одинъ красный, другой голубой.

Пятнадцать тысячъ человѣкъ покинули въ этотъ день Нью-Іоркъ, чтобы побывать въ Новой Гавани. А сколько еще пріѣхало туда изъ другихъ городовъ!

Погода была превосходная—сухая, морозная. Отели маленькаго городка были переполнены народомъ. Цѣлыя вереницы проголодавшихся людей толпились на порогахъ ресторановъ и гостинницъ. Наиболѣе предусмотрительные захватили съ собой корзинки съ провизіей. Продавцы выкрикивали шоколадъ и сандвичи, которые они продавали невообразимо дорого. Я, напримѣръ, за одинъ сандвичъ заплатилъ полдоллара, и что это былъ за сандвичъ! Тонкій и узкій кусокъ стараго бѣлаго мяса, положенный между двумя ломтями хлѣба, напоминавшими собой губку!

Путь, длиной въ два километра, который ведетъ отъ станціи къ мѣсту состязанія, былъ весь запруженъ толпой, спѣшившей полюбоваться предстоящимъ зрѣлищемъ. Электрическіе трамваи были биткомъ набиты, человѣлъ пятьдесятъ буквально осаждали каждый вагонъ, прицѣпляясь всюду, гдѣ только можно было прицѣпиться.

Но вотъ, наконецъ, мы и на мѣстѣ. Представьте себѣ громадный помостъ въ десять метровъ высоты, окруженный безчисленнымъ количествомъ мѣстъ, идущихъ амфитеатромъ, въ центрѣ котораго находится площадка въ шестьдесятъ или восемьдесятъ метровъ длины и двадцать метровъ ширины. Уже одинъ видъ толпы, достигающей сорока тысячъ человѣкъ, является самъ по себѣ интереснымъ зрѣлищемъ.

Двѣ стороны прямоугольника заняты студентами Гарвадскаго университета и ихъ гостями, другія двѣ находятся въ распоряженіи ихъ противниковъ—яльскихъ студентовъ.

На сторонѣ гарвардской преобладаетъ красный цвѣтъ, на сторонѣ яльской—голубой и фіолетовый.

Партія предстоитъ очень оживленная. Уже тридцать лѣтъ происходитъ эта ежегодная встрѣча, причемъ яльскіе студенты почти всегда выходятъ побѣдителями. Но въ прошлый годъ побѣдилъ Гарвардъ. Пари заключаются повсюду, даже на нью-іорской биржѣ въ послѣдніе дни дѣлались крупныя ставки какъ за Яль, такъ и за Гарвардъ.

Наконецъ, насталъ моментъ открытія состязаній, и вотъ на площадкѣ появилась такъ называемая «Маскотта» Яля. Это маленькая собачка, которую ведетъ на лентѣ грумъ, одѣтый въ костюмъ XV вѣка. По мнѣнію студентовъ Яля, она должна принести имъ счастье.

Я сажусь на свое мѣсто, приготовленное для меня на сторонѣ гарвардскихъ студентовъ, посреди другихъ американскихъ журналистовъ, которые отдѣлены отъ прочей толпы барьеромъ. Здѣсь меня ожидалъ сюрпризъ. За деревянными столами сидѣло до пятидесяти репортеровъ. Они быстро набрасывали стенографическимъ способомъ первыя замѣтки въ то время, какъ одинъ изъ товарищей, имѣя передъ собой телеграфный аппаратъ Морза, тотчасъ же передавалъ ихъ замѣтки въ Нью-Іоркъ или въ другіе города, смотря по нуждѣ.

Такимъ образомъ, каждая строчка репортера черезъ секунду уже извѣстна въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи или Бостонѣ. Нѣкоторые изъ журналистовъ захватили съ собой пишущія машины и работаютъ на нихъ,

не теряя изъ виду происходящаго спектакля. У всѣхъ у нихъ имѣется съ собой холодная закуска, и они подкрѣпляются, не переставая въ то же время работать.

При громкихъ крикахъ и аплодисментахъ участвующіе, наконецъ, появились на аренѣ. Первыми вышли яльскіе студенты—ихъ было одиннадцать человѣкъ, всѣ въ голубыхъ костюмахъ съ кожаными наколѣнниками противъ ударовъ ногой, съ кожаными же наушниками и даже съ поддѣльными носами, по крайней мѣрѣ у одного я замѣтилъ большой каучуковый носъ; затѣмъ вышли и гарвардскіе студенты въ темно-красныхъ костюмахъ. Снова раздались крики.

Однако, какъ въ первый, такъ и во второй разъ крики эти не были безпорядочными восклицаніями, а походили больше на пѣніе. Внизу эстрады стояло нѣсколько человѣкъ, исполнявшихъ роль капельмейстеровъ. Махая въ тактъ маленькими флачками, они руководили пѣніемъ. У каждаго университета былъ свой боевой кличъ.

Кличъ яльскихъ студентовъ состоялъ изъ куплета, заимствованнаго изъ «Лягушекъ» Аристофана, который скандировался слѣдующимъ образомъ:

Брекекекексъ! Кексъ-Кексъ!
Брекекекексъ! Кексъ-Кексъ!
Го! Опъ! Го! Опъ!
Параболоо!
Яль!

Крикъ гарвардцевъ былъ еще болѣе дикъ:

Ра! Ра! Ра! Ра!
Ра! Ра! Ра! Ра!
Гарвардъ!

Представьте себѣ тысячъ двадцать солидныхъ глотокъ, скандирующихъ подъ открытымъ небомъ эти слоги въ тактъ ритмическихъ помахиваній палочки капельмейстера. И во все время борьбы эти крики поперемѣнно раздавались то на одномъ, то на другомъ концѣ эстрады, возбуждая энергію бойцовъ.

Наконецъ, посреди гробового молчанія шаръ былъ брошенъ... Въ настоящее время футболъ—распространенная игра: двѣ партіи по одиннадцати человѣкъ стараются забросить мячъ въ лагерь противника. Я присутствовалъ на блестящихъ партіяхъ въ Англіи и во Франціи, но то, что мнѣ пришлось видѣть здѣсь, буквально не поддается описанію.

Какъ только былъ поданъ сигналъ, ничего нельзя было разобрать, кромѣ пестрой кучи человѣческихъ тѣлъ, вытянутыхъ рукъ, согнутыхъ ногъ; затѣмъ послѣ того, какъ былъ брошенъ шаръ, произошла невообразимая давка, противники тянули другъ друга за ноги, падали, поднимались, растаптывались другими. Если кому-нибудь изъ участниковъ удавалось схватить мячъ, то за нимъ устраивалась бѣшеная погоня. Обогнавшіе бросались ему подъ ноги, онъ летѣлъ кувыркомъ на землю, продолжая, однако, прижимать къ груди мячъ, какъ какую-нибудь драгоцѣнность. Если же убѣгавшему удавалось во-время уклониться отъ этой опасности, то другіе старались схватить его за голову, за ноги, однимъ словомъ, за что придется, пока онъ въ изнеможеніи не падалъ.

Въ то же время остальные участники не остаются ни на минуты пассивными зрителями. Они бросаются на тѣхъ, которые стараются поставить препятствіе на пути бѣгущему съ шаромъ, они толкаютъ ихъ, оттѣс-

няютъ съ дороги, вслѣдствіе чего опять происходитъ давка, въ которой невозможно разобратся.

Энтузіазмъ публики подчеркиваетъ каждую перипетію борьбы. Крики студентовъ «Кексъ» и «Ра», могучіе и ритмичные, наполняютъ воздухъ, и, увѣряю васъ, въ это время они нисколько не кажутся смѣшными. И это понятно почему: приходится дышать въ электрической атмосферѣ, насыщенной силой и энергіей. Видъ толпы прямо прекрасенъ. У всѣхъ вытянуты шеи, у всѣхъ глаза блестятъ воинственнымъ пыломъ, пальцы судорожно впиваются въ балюстраду, кулаки сжимаются, и я слышалъ самъ, какъ одинъ изъ студентовъ въ критическій моментъ крикнулъ: «Kill him! (убей его) Break his neck!» (сломай ему шею).

Само собой разумѣется, это были только слова и кричавшій не былъ убійцей, но во всякомъ случаѣ игра такая не можетъ служить на пользу цивилизаціи. Впрочемъ, относительно моральнаго вліянія игры въ футболъ американцы придерживаются разныхъ воззрѣній. Одни хотятъ совсѣмъ уничтожить эту игру, другіе, наоборотъ, поддерживаютъ ее. Мнѣ думается, однако, что никто не станетъ утверждать, что эта игра дѣйствуетъ смягчающе на нравы. Но зато она въ высокой степени вліяетъ на развитіе глазомѣра и выносливости въ борьбѣ. Злоба въ эту игру не входитъ. Окончивъ партію, молодые люди остаются попрежнему друзьями. Точно также и въ началѣ игры яльцы привѣтствуютъ гарвардцевъ, а гарвардцы привѣтствуютъ яльцевъ тремя долгими привѣтственными кликами.

Я могъ видѣть вблизи этихъ бойцовъ. Ихъ римскіе профили дѣйствительно мало говорятъ о кротости. Ихъ подбородки, скулы, ихъ холодные, быстрые взгляды, ихъ плечи, руки и грудь далеко не такіе, какъ у затворниковъ, и когда они вступятъ въ жизнь, это будутъ опасные конкуренты при штурмѣ трамваевъ на Бродвэй, но въ выраженіяхъ ихъ лицъ замѣтны храбрость, откровенность и хладнокровіе. И если футболъ развиваетъ эти качества, то, пожалуй, его стоитъ защищать.

Какъ бы то ни было, но онъ возбуждаетъ страсти американцевъ до самой высшей точки. Нужно самому поглядѣть на эту толпу, когда одна изъ партій близка къ выигрышу. Когда готовится рѣшительный ударъ, вся эта толпа, какъ одинъ человѣкъ, задерживаетъ дыханіе, и только послѣ ловкаго отраженія мяча поднимаются бѣшеные крики и аплодисменты.

Время отъ времени одинъ изъ игроковъ падаетъ и остается лежать на землѣ. Тогда къ нему сейчасъ же спѣшитъ врачъ, несутъ воду. Происходитъ маленькое замѣшательство, но затѣмъ партія снова продолжается. Въ большинствѣ случаевъ раненый отказывается уходить изъ строя.

Только разъ послѣ отчаянной схватки я видѣлъ какъ одинъ изъ игроковъ въ голубомъ костюмѣ схватился за голову и грохнулся на землю. Ударъ былъ, должно быть, слишкомъ силенъ, такъ какъ его унесли на рукахъ съ площадки.

Послѣ трехъ часовъ ожесточенной борьбы Яль вышелъ побѣдителемъ: онъ выигралъ 22 очка и не проигралъ ни одного. Это называется побѣдить!..

IV.

Бостонъ.

Ради разнообразія я на нѣкоторое время отправился въ Бостонъ. Что меня туда влекло или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ я оправдывалъ свое любопытство, это то, что всѣ мнѣ говорили: «Бостонъ это столица Новой Англіи, городъ чисто англійскій, пуританскій, интеллигентный и скучный».

Я воображалъ, что попаду въ городъ мрачный, мертвый, религіозный и замкнутый, и былъ немало удивленъ, очутившись въ шумномъ водоворотѣ, посреди безчисленныхъ трамваевъ, громадныхъ десяти и пятнадцатиэтажныхъ домовъ, комфортабельно устроенныхъ отелей, т. е. почти въ такомъ же городѣ, какъ и Нью-Іоркъ.

Какъ разъ только-что передъ моимъ пріѣздомъ выпалъ снѣгъ; улицы подмерзли и по тротуарамъ буквально не было никакой физической возможности ходить. Бостонъ произвелъ на меня впечатлѣніе клоаки. Для того, чтобы перейти улицу, мнѣ приходилось шагать по колѣно въ грязи, и такъ продолжалось три дня!

Какъ объяснить, что городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ въ продолженіе трехъ дней утопаетъ въ грязи, какъ какая-нибудь запольная деревня?

Несмотря на грязь, улицы были переполнены народомъ. Здѣсь, пожалуй, правда, людей съ англійскими типами лица встрѣчается больше, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Говорятъ тоже на болѣе изысканномъ языкѣ и съ болѣе яснымъ англійскимъ акцентомъ.

Бостонъ—городъ по преимуществу аристократическій и традиціонный. Но все это мало замѣтно для пріѣзжаго.

Торговый оборотъ Бостонской гавани превышаетъ милліардъ франковъ въ годъ! Банкирскихъ домовъ здѣсь масса, милліонеры въ изобиліи.

Бостонская гавань скрыта отъ взглядовъ непосвященныхъ; можно прожить цѣлый мѣсяцъ въ городѣ и не увидѣть ея. Для того, чтобы взглянуть на нее, нужно совершить чуть не цѣлое путешествіе, такъ какъ это очень далеко.

Поэтому, когда пріѣзжаешь въ Бостонъ, первое, что показываютъ, это публичную библіотеку и музей. По всей вѣроятности, благодаря именно этимъ учрежденіямъ, за Бостономъ установилась репутація Сѣверныхъ Аѳинъ. Кромѣ того, нужно отдать справедливость, въ Бостонѣ, повидимому, меньше хлопочутъ о наживѣ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ.

Талантливые люди, профессора, артисты здѣсь уважаются больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Америкѣ, за исключеніемъ развѣ Вашингтона. Почему это такъ—сказать трудно. Одно только вѣрно, что въ Бостонѣ больше всего покупаютъ книги и книготорговцы дѣлаютъ тутъ хорошія дѣла.

Библіотека расположена на квадратной площади, окруженной прекрасными домами и памятниками. Дома, окружающіе библіотеку, построены въ разныхъ стиляхъ, поэтому при первомъ взглядѣ на нихъ можно подумать, что попалъ на архитектурную выставку, гдѣ безпорядочно перемѣшали и готику, и романскій стиль, и Ренессансъ, и style moderne всѣхъ оттѣнковъ. Библіотека построена по образцу Сенъ-Женевьевской въ Парижѣ и кажется нѣсколько миніатюрной сравнительно

съ окружающей обстановкой. Вестибюль и лѣстница производятъ очень хорошее впечатлѣніе своими стѣнами и колоннами, облицованными желтымъ съ черными жилами мраморомъ. Кромѣ того, лѣстница украшена аллегорическими картинами кисти Пювисъ-де-Шаваня. Здѣсь, въ этой библіотекѣ, я впервые со времени моего прибытія въ Америку вкусилъ нѣсколько минутъ полнаго покоя.

Но кромѣ Пювисъ-де-Шаваня здѣсь почти ничего нѣтъ. Имѣется еще мраморная репродукція Венеры Медицейской да нѣсколько превосходныхъ фотографій памятниковъ искусства Франціи, Австріи, Германіи и Италіи.

Когда, послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на шумныхъ улицахъ, въ вагонахъ, въ салонахъ, въ дѣловыхъ конторахъ, однимъ словомъ, всюду, гдѣ только работаетъ американецъ, попадаешь въ библіотеку, то испытываешь какое-то странное, необъяснимое чувство, проистекающее, главнымъ образомъ, изъ того, что видишь передъ собою американцевъ, которые не двигаются и не волнуются. Они совершенно покойно сидятъ за столами и читаютъ, какъ самые обыкновенные смертные. Такъ и хочется подойти и спросить ихъ, дѣйствительно ли они американцы и почему теряютъ за чтеніемъ свое драгоцѣнное время.

А какое у нихъ громадное желаніе всему научиться и все понять! Въ одномъ изъ корридоровъ я увидѣлъ пять или шесть женщинъ, которыя сидѣли передъ фреской Саржанта и читали длинную брошюру, объясняющую смыслъ картины. Спустя полчаса я снова проходилъ по тому же корридору—дамы все еще продолжали сидѣть.

* * *

Зима неблагопріятное время года для ознакомленія съ американскими городами. Въ этихъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ такъ холодно, погода такая отвратительная, такая сырая, такая измѣнчивая, что просто изъ рукъ вонъ. Единственное украшеніе городовъ—ихъ парки погребены подъ снѣгомъ.

Когда вѣтеръ начинаетъ дуть вдоль этихъ прямыхъ и длинныхъ улицъ, отъ него нѣтъ спасенія. Смертельный, острый, какъ ножъ, холодъ пронизываетъ все тѣло, несмотря на самую теплую одежду.

Разъѣздъ изъ театровъ происходитъ при самой мрачной обстановкѣ. Всѣ кафэ, куда можно было бы укрыться, прежде чѣмъ вернуться домой, закрыты, такъ какъ послѣ одиннадцати часовъ вечера никакими напитками, кромѣ воды, торговать нельзя.

Есть, положимъ, два, три отеля, двери которыхъ открыты, но тамъ можно получить только ужинъ. Между тѣмъ, театры кончаются половина одиннадцатаго. Кто же ужинаетъ въ это время? Въ Америкѣ рано ложатся спать!

Поэтому рѣшительно не знаешь, что предпринять послѣ обѣда, если въ театръ идти не хочется. И въ то же время разъ спектакли кончаются самое позднее безъ четверти одиннадцать, считаешь слишкомъ рано возвращаться домой. Поэтому, несмотря на холодъ, я каждый вечеръ прогуливаюсь по эспланадѣ, обсаженной деревьями и перерѣзанной прудами, на которыхъ днемъ катаются на конькахъ, или, что еще чаще, дохожу по главной улицѣ Тремонъ до закрытаго кладбища, расположеннаго какъ разъ посреди города, въ самомъ центрѣ Бостона. Кладбище окружено со всѣхъ сторонъ десяти и двѣнадцатиэтажными домами.

Тутъ же находятся и всевозможные магазины. Бѣдные покойники, они

даже и здѣсь, куда ихъ принесли для вѣчнаго успокоенія, не могутъ насладиться полнымъ покоемъ!

Прохожіе набѣгу бросаютъ черезъ желѣзную ограду окурки сигары, спички. Такъ и хотѣлось бы перенести всѣхъ этихъ покойниковъ куда-нибудь въ уединенныя поля, подальше отъ электрическихъ трамваевъ и сутолоки повседневной жизни американскаго города.

V.

Пуританизмъ.

Почему случилось, что въ такой новой странѣ, какъ Америка, населенной милліонами людей, принадлежащихъ къ латинской расѣ, нравы, несмотря на это, нисколько не латинизировались? Можно съ успѣхомъ доказывать, что американцы не англо-саксонцы, но нельзя, во всякомъ случаѣ, отрицать, что весь западъ Сѣверной Америки, отъ Нью-Іорка до Канады, не носитъ на себѣ отпечатка пуританизма. Конечно, здѣсь, какъ и всюду, встрѣчаются свободомыслящіе, но даже въ Нью-Іоркѣ не такъ давно вся пресса осудила за безнравственность пьесу Зудермана «Родина».

Среди впечатлѣній, воспринимаемыхъ путешественниками по Америкѣ, впечатлѣнія отъ знакомства съ нравами и идеями страны самыя глубокія. Обыкновенно послѣ нѣкотораго пребыванія иностранецъ кончаетъ тѣмъ, что привыкаетъ къ уличному шуму, къ холодности и индифферентности толпы, къ ея грубости и жестокости, но при ознакомленіи съ нравами и обычаями его, такъ сказать, захлестываетъ.

Какая причина, что у этого свободнаго, независимаго народа, традиціи котораго должны быть такъ сложны и противорѣчивы, такой суровый укладъ жизни, такая суровость во всемъ?

Конечно, путешественникъ, пріѣхавшій въ Масачузетцъ, Коннектикутъ, не можетъ на первыхъ порахъ уловить слѣды пуританскаго духа въ жизни населенія, за исключеніемъ того факта, что ему не подаютъ ни вина, ни пива въ воскресенье или въ будни послѣ 11-ти часовъ вечера, или, наконецъ, даже и днемъ, если ресторанъ расположенъ не далѣе ста метровъ отъ церкви или школы,—фактъ, который можно приписать борьбѣ съ алкоголизмомъ; путешественникъ не замѣтитъ ничего ни въ нравахъ, ни во внѣшнемъ видѣ людей, что бы «шокировало» его чувство свободы.

Но если онъ станетъ посѣщать мѣстные кружки, если ему представится случай поговорить по душѣ съ аборигенами, то онъ мало-по-малу пойметъ, что мораль этихъ людей сильно отличается отъ его собственной; онъ услышитъ ригорическія сужденія, которыя напомнятъ ему о мрачномъ средневѣковьѣ, объ отжившихъ и канувшихъ въ Лету идеяхъ.

Я почувствовалъ это впервые въ маленькомъ городкѣ Нортгэмптонѣ, находящемся въ штатѣ Масачузетцѣ, когда старый, бородатый мэтрдотель гостинницы отказалъ дать мнѣ поужинать, подъ тѣмъ предлогомъ, что было девять часовъ вечера.

— Столовая закрывается въ восемь часовъ вечера,—заявилъ онъ мнѣ.

— Дайте по крайней мѣрѣ холоднаго мяса и чаю.

— Закрыто.

— Но я голоденъ, и я плачу вамъ 30 франковъ въ день.

— Если вы голодны, то подите куда-нибудь: вы, быть можетъ, найдете еще открытымъ какой-нибудь ресторанъ.

Второй разъ я пришелъ въ изумленіе, когда въ Бостонѣ, на одной изъ главныхъ улицъ, мнѣ показали вывѣшенное на стѣнѣ объявленіе муниципалитета, запрещающее громко разговаривать на улицахъ, пѣть и свистать.

Я обращался къ разнымъ лицамъ по поводу такого состоянія умовъ, и повсюду мнѣ говорили: «Это столица пуританизма».

Въ Масачузетцѣ первыми колонистами были пуритане изъ Іоркшира. Это истинные хранители англійскихъ завѣтовъ. Впослѣдствіи они разсѣялись по Коннектикуту, Пенсильваніи, Нью-Іорку и еще дальше, и именно они, а ни какой другой народъ, давали тонъ въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ. Законы, созданные ими, послужили образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ колонистовъ, и если ихъ не примѣняютъ теперь, то всетаки за время своего существованія они успѣли наложить извѣстный отпечатокъ на нравы и идеи.

Непуритане Новой Америки до сихъ поръ не перестаютъ повторять «Голубые законы», ставшіе притчей во языцѣхъ:

«Запрещается въ воскресенье работать, варить обѣдъ, стлать постель, стричь волосы и бриться.

«Мужъ да не поцѣлуетъ своей жены, жена да не поцѣлуетъ своего ребенка въ воскресенье, а также въ праздничный день.

«Запрещается ѣздить верхомъ, прогуливаться въ саду или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ въ воскресный день».

Къ этому обыкновенно присовокупляютъ и наказанія, которымъ подвергались жители Новой Англіи въ XVIII и XIX вѣкахъ за несоблюденіе выше цитированныхъ правилъ. Нѣкій поселенецъ Плимута былъ жестоко наказанъ кнутомъ за то, что охотился въ воскресенье; другой былъ приговоренъ къ пяти шиллингамъ штрафа за то, что сбивалъ яблоки въ воскресенье; женщина, по имени Эдда, приговорена къ десяти шиллингамъ за то, что въ тотъ же день развѣшивала бѣлье. Капитанъ Кэмпбль былъ посаженъ подъ арестъ «за безстыдныя и неприличныя манеры». Что же сдѣлалъ капитанъ Кэмпбль? Онъ въ воскресенье поцѣловалъ свою жену на порогѣ дома, такъ какъ она вернулась изъ трехлѣтняго путешествія! И преступникъ, по показаніямъ хроники, былъ человѣкъ богатый и вліятельный. Многіе платили штрафъ за то, что въ воскресенье «ходили по улицѣ безъ большой нужды». Одинъ изъ такихъ оштрафованныхъ оправдывался тѣмъ, что хотѣлъ спровѣдать больного родственника, но его показаніе было оставлено безъ вниманія.

Но это еще не все. Нерѣдко подвергали штрафу за нехожденіе въ церковь. Нѣкто, приговоренный къ такому штрафу, оправдывался тѣмъ, что въ субботу вечеромъ онъ упалъ въ воду, въ воскресенье же не могъ развести огонь, чтобы высушить свое единственное платье. Несмотря на это, его все же приговорили и къ штрафу, и даже къ наказанію кнутомъ.

Курить по воскресеньямъ было запрещено, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ курить не разрѣшалось ни въ какой день недѣли. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ маленькихъ городкахъ восточной половины штата Масачузетца не разрѣшалось курить на улицахъ.

Въ строгой пуританской семьѣ празднованіе воскресенья начиналось съ субботы вечера. Послѣ ужина глава семьи въ продолженіе нѣкотораго времени поучалъ дѣтей и прислугу, а затѣмъ отправлялся во внутренніе покои и становился на молитву. На утро послѣ долгой общей молитвы онъ снова уединялся и читалъ Библію. Затѣмъ онъ шелъ въ церковь, а по возвращеніи предавался благочестивому размышленію. Въ полдень ему приносили легкій обѣдъ, послѣ чего онъ опять молился до того времени, когда нужно было идти къ вечернѣ. Онъ отправлялся во главѣ всего семейства, съ чадами, домочадцами, и по возвращеніи говорилъ проповѣдь семьѣ. Опять молились. Послѣ ужина пѣли одинъ, два псалма и расходились спать послѣ общей молитвы.

Замѣтьте, что на-ряду съ такимъ образомъ жизни, повторявшимся изъ-года-въ-годъ, всю жизнь приходилось неустанно работать надъ обработкой дѣвственной почвы, приходилось вести постоянную борьбу съ дикарями...

VI.

Школы.

Въ Бостонѣ я побывалъ въ трехъ разныхъ школахъ.

Сперва я попалъ въ Технологическій институтъ, куда ввелъ меня г-нъ Депрадель, молодой французъ-архитекторъ, преподающій архитектуру.

Технологическій Бостонскій институтъ—учрежденіе поистинѣ колоссальное. Въ немъ находится наше высшее училище мостовъ и дорогъ, политехническое училище, инженерное, центральное, консерваторія искусствъ и ремеслъ и архитектурное училище! Тотъ, кто имѣетъ понятіе о нашихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ представить себѣ все значеніе подобнаго учрежденія. Я же заранѣе говорю, что въ этомъ дѣлѣ не компетентенъ. Программы, показанныя мнѣ, повидимому, очень полны. Но что такое программа? Слова. Главное, какъ прикладывается программа къ образованію и какъ поставлено дѣло преподаванія. Изслѣдованіе этого, быть можетъ, раскрыло бы намъ причины, почему люди не такіе ученые, какъ мы, и даже вообще менѣе насъ культурные, далеко превосходятъ въ области изобрѣтеній лучшихъ нашихъ инженеровъ и самыхъ образованныхъ нашихъ мастеровъ.

Что меня поразило при бѣгломъ обзорѣ института, это то, что главнымъ предметомъ является практическое изученіе каждой отрасли науки. Американскій инженеръ не бѣлоручка, работающій только на бумагѣ, нѣтъ, при случаѣ онъ можетъ замѣнить и мастера, и подмастерья. Правда, онъ изучилъ науку цифръ и научную теорію, но въ глазахъ своихъ соотечественниковъ онъ былъ бы кукольнымъ инженеромъ, если бы собственными руками не сумѣлъ сложить и наладить печь. Быть можетъ, именно въ этомъ-то счастливомъ сочетаніи теоріи и практики и заключается весь секретъ.

Профессоръ прикладной механики заставилъ меня прогуляться по всѣмъ мастерскимъ, объяснивъ подробно назначеніе каждой изъ нихъ. Г-нъ Ланца преподаетъ своимъ ученикамъ, скажемъ, хотя бы теоріи сопротивленія тѣлъ слѣдующимъ образомъ: сперва изучаются цѣлыя колонны самыхъ отвлеченныхъ цифръ, затѣмъ онъ ведетъ ихъ къ спе-

ціальнымъ машинамъ, сложнымъ и дорогимъ, построеннымъ исключительно для демонстрацій, и показываетъ имъ, какъ гнутся желѣзные болты и какъ ломаются толстыя бревна подъ давленіемъ тяжести. На дворѣ онъ приказалъ построить кирпичный сводъ, скрѣпленный цементомъ, а надъ нимъ и по бокамъ его установилъ машину, которая должна давить на сводъ. Опытъ этотъ долженъ разрѣшить сложную проблему сопротивленія тѣлъ. Другія машины на глазахъ учениковъ производятъ опыты сжатымъ воздухомъ, съ гидравлической силой, съ давленіемъ газа. И эта метода примѣняется ко всѣмъ отраслямъ преподаванія.

Напримѣръ, на дворѣ у электротехниковъ находится до ста всевозможныхъ машинъ, представляющихъ послѣднее слово науки и которыя сейчасъ же будутъ замѣнены новыми, какъ только появится что-нибудь болѣе совершенное или улучшенное. Это обходится институту ежегодно въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ.

Подобное же изобиліе и заботу вы найдете во всѣхъ химическихъ лабораторіяхъ, въ отдѣленіяхъ физики, біологіи, геологіи и минералогіи.

Мнѣ кажется, такой способъ преподаванія плодотворнѣе всякаго другого. Онъ не ведетъ, пожалуй, къ великимъ открытіямъ въ области науки, но очень полезенъ для жизни.

* * *

Теперь перейдемъ въ музыкальную консерваторію Новой Англіи — самую большую въ мірѣ, какъ предупредили меня.

Консерваторія находится въ двухъ шагахъ отъ института, и я, входя въ дверь, со страхомъ подумалъ, неужели практическій методъ проникъ и сюда?

Въ классѣ опернаго пѣнія, куда мы попали прежде всего, я, однако, пріятно разочаровался. Преподаватель класса, синьоръ Бимбони, какъ разъ въ это время собирался аккомпанировать ученику одну изъ арій Верди. Ученикъ былъ блондинъ, съ золотыми очками на носу, учитель— живой итальянецъ съ всклокоченными, вихрастыми волосами.

У одной изъ стѣнъ находилась небольшая сцена, гдѣ могли размѣститься два-три человѣка. На полу валялась каска и деревянная сабля, а на стѣнѣ старое голубого цвѣта домино.

Синьоръ Орестъ Бимбони любезно отправился проводить насъ по классамъ и корридорамъ. Онъ съ гордостью показалъ намъ дѣйствительно громадное число роялей и органовъ, находившихся въ учрежденіи. Они разставлены повсюду, ихъ такъ много, что, повидимому, люди теряются, не зная, куда ихъ приткнуть.

Классъ игры на роялѣ колоссаленъ: имъ управляетъ восемнадцать профессоровъ. Въ каждомъ классѣ два рояля. Въ одномъ углу я увидѣлъ цѣлую груду металлическихъ струнъ, молоточковъ и другихъ принадлежностей рояля. Я полюбопытствовалъ узнать, къ чему эти вещи навалены здѣсь. Оказалось, что онѣ предназначены спеціально для учениковъ, которые разбираютъ и собираютъ рояли, чтобы вполнѣ ознакомиться съ структурой инструмента и умѣть самому и починить, и настроить его. Въ программы это входитъ, какъ обязательный предметъ.

Въ классахъ находится двѣнадцать большихъ органовъ, приводимыхъ въ движенніе электричествомъ, т. е. воздухъ наполняетъ ихъ мѣха путемъ примѣненія электричества.

Въ консерваторіи преподаютъ 80 профессоровъ, изъ которыхъ 18 для рояля, 2 для органовъ, 4 оперныхъ, 3 профессора языковъ (нѣ-

мецкаго, итальянскаго, французскаго), 5 для скрипокъ, віолончелей и контрбасовъ, 8 для духовыхъ инструментовъ, остальные профессора композиціи, сольфеджи, литературы, риторики, танцевъ, мимики, исторіи, развитія разговорнаго голоса.

Консерваторія очень многолюдна—2.000 учениковъ! Изъ нихъ, конечно, бо́льшая часть любители. Курсы платные. Средняя плата 250 долларовъ въ годъ, не считая платы за спеціальные уроки. Женщины принимаются во всѣ классы: ихъ много въ классѣ скрипки и есть даже, которыя учатся играть на корнетъ-а-пистонѣ и тромбонѣ.

Вблизи консерваторіи выстроены три большихъ дома для учениковъ, родители которыхъ не живутъ въ Бостонѣ. Меблированныя комнаты съ ванной отдаются въ такомъ домѣ отъ 40 до 60 франковъ въ недѣлю. Дѣвушки, которыя не живутъ въ этихъ домахъ, должны представить удостовѣренія, что находятся на попеченіи родныхъ или вполнѣ благонадежныхъ семей.

* * *

Французское правительство учредило въ Жуанвилѣ гимнастическую школу, и у насъ смотрятъ на нее, какъ на ненужную роскошь.

Въ Бостонѣ нѣкая дама на свой счетъ устроила нормальную гимнастическую школу для дѣвушекъ. Въ этой школѣ находится около восьмидесяти дѣвушекъ, окончившихъ высшее образованіе, т. е., значитъ, въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ, которыя рѣшили продолжить еще на два года образованіе, чтобы ознакомиться съ наукой движеній и спорта, а затѣмъ въ свою очередь распространять ее по всей Америкѣ. Въ институтѣ имѣется двадцать профессоровъ. Ученицы платятъ 750 франковъ въ годъ, не считая расходовъ по покупкѣ книгъ и гимнастическихъ инструментовъ.

Я пришелъ туда во время преподаванія. Посреди большого зала, уставленнаго всевозможными гимнастическими аппаратами, до сорока дѣвушекъ, лѣтъ 20-ти до 23-хъ, одѣтыхъ въ голубые костюмы велосипедистокъ, лазали по канатамъ, лѣстницамъ или прыгали черезъ кобылу.

Затѣмъ, выстроившись въ двѣ шеренги, онѣ по командѣ преподавательницы вытягивали руки, то поднимая, то опуская ихъ. Онѣ выпрямлялись, сгибались, маршировали, поворачивали голову.

Между ними немало было хорошенькихъ и всѣ были свѣжія и бодрыя.

Затѣмъ наступилъ урокъ «эстетическихъ танцевъ». Молодой человѣкъ сѣлъ за піанино. Преподавательница показала движенія, и ученицы стали подражать. Это были округленныя движенія руками, ногами взадъ и впередъ, граціозныя наклоненія бюста; все напоминало медленный танецъ съ ритмомъ польки.

Я обратился съ вопросомъ, преподаютъ ли «эстетическіе танцы» дѣвушкамъ въ общихъ школахъ.

— Въ настоящее время во всѣхъ школахъ,—былъ отвѣтъ.—Это теперь считается необходимымъ для изученія чувства ритма и координаціи движеній. Практическіе результаты этихъ танцевъ—грація, свобода и легкость жестовъ и походки.

Мнѣ показали программу курсовъ. Въ ней были даже такіе предметы, какъ физика, химія, физіологія, не говоря уже о всевозможныхъ родахъ гимнастики.

— Всѣ эти предметы необходимы,—объяснили мнѣ, видя на моемъ

лицѣ отпечатокъ удивленія.—Химія, напримѣръ, подготовляетъ къ изученію физіологіи, а физіологія необходима, если хочешь разумно изучить гимнастику. Такимъ образомъ курсы наши очень полны.

Въ институтѣ считаютъ необходимымъ, чтобы ученица знала, какъ слѣдуетъ лечить ненормальное сложеніе путемъ гимнастики и массажа, какъ избѣгать въ исключительныхъ случаяхъ естественныхъ движеній, въ какомъ соотношеніи другъ къ другу находятся мускулы и органы во время упражненій; для этого проходится анатомія, гистологія, физіологія. Ученицъ водятъ въ дѣтскія больницы для демонстрацій всякаго рода уродливыхъ уклоненій и ихъ леченія. На лекціяхъ гигіены ихъ учатъ объ уходѣ за тѣломъ и о предупрежденіи заболѣваній.

Кромѣ того, дѣвушки должны умѣть отличать сразу, какого рода гимнастика полезна для того или другого ученика. Ради этого ихъ научаютъ различать острыя заболѣванія отъ хроническихъ, имъ объясняютъ, что такое суставный ревматизмъ, рахитизмъ, діабетъ и пр.

Для пополненія своихъ познаній онѣ поочередно посѣщаютъ бостонскія школы и сами практикуются въ преподаваніи гимнастики подъ наблюденіемъ профессоровъ.

Есть также курсы атлетики или спорта. Ученицъ каждую недѣлю водятъ на берегъ рѣки, и тамъ онѣ упражняются въ различныхъ видахъ спорта. Это дѣлается для того, чтобы впослѣдствіи онѣ сами могли завести тотъ или другой родъ спорта тамъ, гдѣ имъ случится преподавать.

Для того, чтобы поступить въ институтъ, дѣвушка, кромѣ представленія свидѣтельства объ окончаніи общеобразовательнаго училища, подвергается еще физическому испытанію, причемъ малѣйшій недостатокъ, малѣйшее уклоненіе отъ нормы въ ея сложеніи, и двери института передъ ней закрыты навсегда. Кромѣ того, поступающая обязана еще дать себя измѣрить въ антропометрическомъ отдѣленіи. Полученная схема впослѣдствіи сравнивается съ другими, которыя отъ времени до времени должна представлять дѣвушка.

За десять лѣтъ своего существованія школа выпустила 260 дѣвушекъ, которыя въ настоящее время учатъ тысячи другихъ дѣвушекъ силѣ, ловкости, гибкости и граціи.

Упражненія окончены.

Съ блестящими глазами, съ разгорѣвшимися щеками, съ влажнымъ отъ испарины лбомъ, съ довольной улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ молодыя будущія преподавательницы легкой походкой промелькнули мимо меня и скрылись въ комнатѣ съ душами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

VII *).

Школы.

Въ общемъ, въ Бостонѣ до шестисотъ школъ, включая сюда школы для взрослыхъ, для малолѣтнихъ, для бѣдныхъ и богатыхъ. Изъ этой обширной коллекціи я о нѣкоторыхъ уже писалъ, теперь приведу еще краткія описанія другихъ, не претендуя на глубину и полноту свѣдѣній.

Вотъ, напримѣръ, школа, въ которой женщины всѣхъ возрастовъ обучаются способамъ, при помощи которыхъ онѣ могли бы зарабатывать хлѣбъ. Она называется Women's Educational and Industrial Union (Женскій образовательный и промышленный союзъ).

Въ какой-нибудь изъ центральныхъ улицъ снимается нѣсколько комнатъ, ставятся столы и стулья, затѣмъ распространяются объявленія, и женщины приходятъ. Я видѣлъ, напримѣръ, одну лѣтъ сорока, обучавшуюся дѣлать шляпы. Тутъ же какая-то негритянка пробовала воспроизводить на бумагѣ мотивы для вышиванія; четырнадцатилѣтняя дѣвушка покрывала лакомъ альбомы.

Здѣсь есть курсы шитья, модъ и рисованія: они называются отдѣленіе «промышленныхъ искусствъ». Одна вещь удивила меня: курсы всѣ платные. Женщины, приходящія сюда учиться, должны платить десять долларовъ за курсъ въ 24 урока, чтобы въ концѣ года получить аттестатъ.

Есть еще отдѣленіе, которое называется «продажа работъ». Всѣ женщины, которыя работаютъ у себя на дому, могутъ присылать свои работы: ихъ выставляютъ въ магазинѣ и продаютъ желающимъ. Нѣчто подобное есть и во Франціи. Нѣкая Луиза Коппе лѣтъ пятнадцать тому назадъ открыла въ Парижѣ подобную же контору. За каждую проданную вещь удерживаютъ десять процентовъ изъ проданной цѣны. Здѣсь же принимаются и заказы.

Въ прошломъ году союзъ продалъ болѣе чѣмъ на шестнадцать долларовъ. Третье отдѣленіе называется «съѣстные товары». Союзъ при-

---

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит.», кн. I. 1905 г.

нимаетъ и продаетъ варенье, пирожныя и всякаго рода консервы, которые приносятъ женщины же, приготовивъ ихъ у себя на дому. Въ 1902 году такихъ товаровъ продано болѣе чѣмъ на 40 тысячъ долларовъ.

При союзѣ имѣется порядочный ресторанъ, гдѣ можно получать завтраки и чай. Этотъ ресторанъ дѣлаетъ годовой оборотъ на сумму 37.000 долларовъ.

Другая школа, которую я имѣлъ случай видѣть,—это институтъ поваренпаго искусства. Устраиваются подобныя школы очень просто. Снимается нѣсколько комнатъ, печатается нѣсколько тысячъ проспектовъ на роскошной полуголландской бумагѣ, и институтъ готовъ. Президентомъ этого института состоитъ миссъ Фермеръ, женщина лѣтъ сорока, очень живая и дѣятельная блондинка, всегда въ золотыхъ очкахъ, въ маленькомъ красивомъ кружевномъ чепчикѣ, въ кофточкѣ изъ бѣлаго пике и при бѣломъ передникѣ. Она объяснила мнѣ организацію своего учрежденія, оказавшуюся чрезвычайно простой.

Молодыя ирландки, пріѣхавъ изъ своей страны, хотятъ получить мѣсто, но дѣлать ничего не умѣютъ. Онѣ уплачиваютъ миссъ Фермеръ три или четыре доллара, та позволяетъ имъ стряпать на своей кухнѣ, и недѣли черезъ двѣ онѣ выходятъ готовыми кухарками. Но это не все: ихъ учатъ еще служить у стола, объясняютъ имъ, что нужно имѣть вычищенные зубы, чистые ногти, быть причесанной, учатъ, какъ подбирать крошки, и пр.

Но у института есть еще другая цѣль, а именно обучать молодыхъ дѣвушекъ средняго и высшаго сословія, какъ вести хозяйство. Онѣ раздѣлены на группы; въ каждой группѣ по восьми человѣкъ, которые составляютъ одинъ классъ. Онѣ платятъ по одному или по два доллара за урокъ. Все обученіе раздѣлено на шесть курсовъ, по десяти уроковъ въ каждомъ.

Я видѣлъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, облеченныхъ въ маленькія чепчики и въ передники, которые онѣ одѣваютъ при входѣ. Повидимому, ихъ страшно забавляетъ эта игра въ хозяйство.

— Онѣ поступаютъ сюда какъ только дѣлаются невѣстами,—пояснила мнѣ миссъ Фермеръ.—Онѣ сами замѣшиваютъ тѣсто, пекутъ, прислуживаютъ по очереди другъ другу и сами же ѣдятъ приготовленныя ими кушанья.

Я спросилъ у миссъ Фермеръ, выдерживаютъ ли ученицы до конца всѣ шестьдесятъ уроковъ?

— Въ большинствѣ случаевъ да,—отвѣтила она.—Вѣдь у насъ есть чему поучиться. На первомъ курсѣ обучаютъ растоплять плиту, умѣть пользоваться газомъ, умѣть сварить картофель, яйца, поджарить хлѣбъ, испечь яблоки, сварить кофе, испечь простой хлѣбъ, сварить самый несложный супъ и приготовлять нѣкоторые пудинги. На второмъ и третьемъ курсахъ учатъ приготовлять болѣе сложныя блюда. На четвертомъ идетъ приготовленіе сладкихъ блюдъ, салатовъ и десертовъ. На пятомъ учатъ, какъ подавать къ столу, какъ нужно распоряжаться. Мои ученицы умѣютъ чистить столы, полировать доски, подметать и смахивать пыль, дѣлать кружки изъ масла, устанавливать блюда, чашки, стаканы въ столовыхъ буфетахъ, чистить серебро, разставлять украшенія на столахъ, заваривать чай по-русски, по-англійски, угощать гостей, приготовлять сандвичи, выбирать различные вины и ликеры...

На шестомъ курсѣ обучаются кухнѣ для больныхъ. Я хожу съ ученицами въ госпитали и при случаѣ устраиваю демонстраціи въ больничныхъ палатахъ. Наконецъ, я пріучаю ихъ торговаться и покупать въ магазинахъ. Такимъ образомъ, онѣ знаютъ цѣны необходимымъ продуктамъ. Время отъ времени въ институтъ пріѣзжаютъ лучшіе французскіе повара изъ лучшихъ бостонскихъ гостинницъ, а иногда главный поваръ изъ общества трансатлантическаго пароходства.

Другая школа, болѣе значительная и которая все же въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближается къ двумъ первымъ, называется Simmons College.

Мысль, положенная въ основаніе иниціаторомъ этого колледжа, такова: дать женщинѣ при помощи искусства, науки и промышленности возможность заработать кусокъ хлѣба.

Поэтому было предусмотрѣно четыре курса или отдѣленія: отдѣленіе «домашней экономіи», отдѣленіе «секретарскихъ работъ», «библіотечнаго дѣла» и наконецъ отдѣленіе «научное».

Каждый курсъ длится четыре года. Это можетъ показаться слишкомъ долго, но судите сами, какова программа.

Чтобы стать хозяйкой, экономкой, домоправительницей или, наконецъ, учительницей домашней экономіи, требуется представить удостовѣреніе въ прохожденіи общихъ наукъ, затѣмъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ изучать физику, кухню, французскій и нѣмецкій языки, исторію, математику, гимнастику, химію, біологію, физіологію, архитектуру, декоративное искусство, шитье, бактеріологію, діэтику, соціологію, гигіену, счетоводство, рынокъ.

Если дѣвушка избираетъ профессію секретаря, она должна изучать стенографію, умѣть писать на пишущей машинѣ, учить французскій, англійскій, нѣмецкій и испанскій языки, исторію, гигіену, гимнастику и законодательство.

Если она пожелаетъ стать библіотекаршей, то обязана брать уроки чистописанія, писанья на пишущей машинѣ, учиться составленію каталоговъ, англійскому, французскому, нѣмецкому языкамъ, исторіи, гигіенѣ, физикѣ, гимнастикѣ, библіографіи, классификаціи и устройству библіотекъ.

Плата за уроки на каждомъ курсѣ 100 долларовъ въ годъ, но можно обучаться и за 8 долларовъ, только тогда разрѣшается посѣщать лекціи не болѣе одного раза въ недѣлю. Удивительно, какъ это все поставлено на коммерческую ногу и какъ все практично!

Ученицы имѣютъ право жить лишь въ кварталахъ, указанныхъ правленіемъ училища. Есть также и пансіонатъ, въ которомъ отдѣльныя квартиры отдаются лишь двумъ дѣвушкамъ вмѣстѣ. Каждая такая квартира состоитъ изъ спальни, рабочаго кабинета и ванны. Цѣны колеблются отъ 1.200 фр. до 1800 фр. за годъ, смотря по положенію квартиры.

Въ 1903 году въ коллежѣ было 140 ученицъ.

Ученицы преимущественно принадлежатъ къ торговому классу и классу служащихъ, но между ними попадаются и дочери богачей; такъ, напримѣръ, дочь одного изъ первыхъ милліонеровъ Бостона, миссъ Уитней, слушаетъ здѣсь курсъ домашней экономіи.

Въ самомъ учрежденіи нѣтъ ничего замѣчательнаго. Проходя, я ви-

дѣлъ, какъ нѣсколько дѣвушекъ приготовлялись начать переписывать на машинахъ Ремингтона; другія въ это время раскладывали какія-то записки по ящикамъ, очевидно, составляли каталогъ. Интереснѣе всего кухня. Здѣсь было десять—двѣнадцать дѣвушекъ, въ бѣлыхъ пикейныхъ чепчикахъ, въ бѣлыхъ передникахъ, приколотыхъ высоко у корсажа. Онѣ громко переговаривались свѣжими, молодыми голосами, пробуя сливки и мороженое, ими самими приготовленное.

Меня всегда поражали въ американскихъ дѣвушкахъ ихъ естественность, ихъ веселость, отсутствіе изнѣженности. Напрасно было бы искать существо, болѣе свободное въ своихъ движеніяхъ, лицо, болѣе свѣжее, и манеры, болѣе естественныя, чѣмъ у американки. Правда, у нихъ почти у всѣхъ большія ноги, но меня увѣряли, что дѣвушки изъ подражанія студентамъ носятъ большую и просторную обувь, чаще всего ботинки съ широкимъ рантомъ, что придаетъ походкѣ нѣчто утиное.

VIII.

Исправительное заведеніе для алкоголиковъ.

Только часъ ѣзды отдѣляетъ Бостонъ отъ маленькаго предмѣстья Фоксборо.

Здѣсь недавно устроено спеціальное заведеніе, куда государство посылаетъ на исправленіе закоренѣлыхъ пьяницъ послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ наказаній. Мнѣ сказали, что учрежденіе въ Фоксборо самое новое, такъ сказать, послѣдній крикъ науки по исправленію пьяницъ, и такъ какъ, путешествуя, я не задавался никакой другой цѣлью, кромѣ развлеченія своихъ читателей, то поѣхалъ посмотрѣть Фоксборо.

Посрединѣ обширной и пустынной поляны, въ настоящее время запорошенной снѣгомъ, возвышается шесть строеній изъ краснаго кирпича; впереди нихъ находится небольшой деревянный домикъ, гдѣ помѣщается контора управленія.

Одинъ изъ врачей заведенія вызывается быть моимъ провожатымъ. Сперва онъ показываетъ мнѣ столовую, уставленную десятью длинными столами, затѣмъ булочную, механическую прачешную; въ этомъ отдѣленіи наемнымъ служащимъ помогаютъ алкоголики, которыхъ сразу можно узнать по ихъ подозрительному и мрачному виду.

Не замѣтивъ нигдѣ ни загородокъ, ни рѣшетокъ, я выразилъ свое удивленіе.

— Мы содержимъ подъ замкомъ нашихъ «больныхъ» только первый мѣсяцъ,—отвѣтилъ мнѣ проводникъ. — Спустя этотъ срокъ они, за исключеніемъ времени для обязательной гимнастики, свободно могутъ ходить по всему помѣщенію и по окрестностямъ, давъ предварительно слово, что не будутъ пытаться бѣжать. Этого намъ достаточно.

— И никто никогда не убѣгаетъ?

— Нѣтъ, бываютъ случаи, но часто они возвращаются сами. Къ тому же къ намъ присылаютъ такихъ больныхъ, на выздоровленіе которыхъ есть еще надежда. Безнадежныхъ же отправляютъ въ другія

убѣжища. Такое раздѣленіе очень важно, иначе болѣе дурные развращали бы хорошихъ.

— Сколько времени они у васъ остаются?

— Ихъ посылаютъ сюда судья на два года. Но если мы убѣдимся по прошествіи перваго года, что они выздоровѣли или почти что выздоровѣли, то мы можемъ по ихъ личной просьбѣ или по просьбѣ ихъ семействъ предоставить имъ условную свободу. При первомъ же проступкѣ съ ихъ стороны ихъ снова сюда ссылаютъ, причемъ срокъ наказанія увеличивается. Иногда намъ приходится быть непреклонными въ интересахъ самихъ же больныхъ и отклонять патетическія просьбы родителей или друзей больныхъ, которые раньше времени настаиваютъ на ихъ освобожденіи. Есть такія податливыя натуры, которыя послѣ очень короткаго пребыванія здѣсь кажутся выздоровѣвшими точно по волшебству. Но съ такими нужно быть особенно осторожнымъ, такъ какъ часто выздоровленіе оказывается лишь поверхностнымъ, и, выйдя на свободу, больные снова возвращаются къ прежнему образу жизни.

«Срокъ, нужный для возстановленія здоровья алкоголика, точно установить нельзя. Воля у него отсутствуетъ, контроля надъ своими поступками не существуетъ, и поэтому посторонній контроль для него необходимъ. Въ то же время онъ долженъ имѣть и нѣкоторую свободу. Его помощь необходима. Вотъ въ силу именно этихъ соображеній по прошествіи мѣсяца мы предоставляемъ ему нѣкоторую свободу.

— Но къ какимъ методамъ леченія вы прибѣгаете?

— Какъ только больной пріѣзжаетъ сюда, мы прежде всего дѣлаемъ ему ванну и укладываемъ въ постель, затѣмъ ему очищаютъ желудокъ. А такъ какъ нерѣдко желудокъ у нихъ утомленъ, то мы предписываемъ имъ діэту. Въ продолженіе двухъ или четырехъ недѣль, а иногда и больше, мы кормимъ ихъ однимъ молокомъ, такъ какъ нерѣдко, прежде чѣмъ попасть къ намъ, они ничего не ѣли въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, питаясь исключительно алкоголемъ. Настоящее леченіе начинается только послѣ того, когда къ нимъ возвращается аппетитъ.

— Чѣмъ же вы лечите ихъ тогда?

Молодой врачъ объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— Алкоголикъ—это такой больной, который мало-по-малу отравилъ свой организмъ, и нужно возстановить его ему весь заново. Но онъ въ то же время такой больной, который потерялъ чувство воли, чувство собственнаго достоинства и способность вниманія. Поэтому въ одно и то же время его нужно лечить отъ физической и душевной болѣзней. Къ какимъ средствамъ прибѣгаемъ мы для леченія тѣла, я уже говорилъ. Какъ только больной становится на ноги, мы употребляемъ его для разныхъ работъ: онъ пашетъ, вскапываетъ огороды, рубитъ деревья, сѣетъ, собираетъ плоды и т. д. Зимой онъ работаетъ въ госпиталѣ соотвѣтственно своей профессіи или вяжетъ метла. Онъ привыкаетъ вставать половина седьмого утра, принимать въ извѣстные часы пищу и ложиться спать въ девять часовъ, такъ какъ именно въ этотъ часъ гасятся всѣ огни. Кромѣ того, каждый день въ продолженіе часа онъ занимается шведской гимнастикой. Г-нъ Э. Германнъ измѣряетъ каждаго больного, докторъ его выстукиваетъ и выслушиваетъ. Тогда же записывается ширина его груди, размѣръ его рукъ, муску-

ловъ, чтобы впослѣдствіи можно было убѣдиться въ достигнутыхъ результатахъ.

Въ общемъ, шведская гимнастика является гвоздемъ всей системы. Въ Фоксборо убѣждены, что при усиліи со стороны больного, которое необходимо ему дѣлать при гимнастическихъ упражненіяхъ, къ нему возвращаются воля, присутствіе духа, ясное пониманіе вещей, контролированіе своихъ поступковъ, однимъ словомъ, все то, что имъ было потеряно и безъ чего онъ былъ бы не въ состояніи бороться противъ своего порока... И въ то время, какъ мало-по-малу къ нему возвращаются сила и ловкость, въ немъ пробуждается гордость и сознаніе долга передъ собой, своими ближними и обществомъ. Тогда у него хватитъ достаточно энергіи избѣгать дурного общества и противостоять искушенію. Поэтому-то въ фоксборгскомъ госпиталѣ и играютъ главную роль физическія упражненія.

Въ какой степени истинна эта теорія? Но развѣ лишеніе употребленія спиртныхъ напитковъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, свѣжій воздухъ, гигіена не являются одними изъ главныхъ факторовъ леченія?

Эту интересную проблему я отдаю на рѣшеніе нашимъ спеціалистамъ, которые обращаются съ алкоголиками, какъ съ сумасшедшими.

— Если хотите присутствовать при упражненіи,—сказалъ мой проводникъ,—то я проведу васъ въ гимнастическій залъ; теперь какъ разъ тамъ начнутся занятія.

Онъ провелъ меня въ обширный залъ, уставленный всевозможными гимнастическими аппаратами: лѣстницами, трамплинами, кобылами для скаканія, шарами и пр. Въ глубинѣ возвышалась небольшая эстрада. На этой сценѣ время отъ времени больными разыгрываются небольшія пьески или устраиваются концерты. Иногда же отсюда читаются доклады людьми, относящимися съ симпатіей къ новому дѣлу. Декораціи... но ихъ нужно видѣть, такъ какъ онѣ нарисованы алкоголиками!

Но вотъ начинается урокъ. Человѣкъ тридцать мужчинъ, въ возрастѣ отъ двадцати до шестидесяти лѣтъ, входятъ шагомъ, съ непокрытыми головами и, ставъ въ три ряда, застываютъ въ неподвижныхъ позахъ. Всѣ они одѣты въ сѣрыя куртки, сѣрыя панталоны, таліи перетянуты чернымъ кушакомъ, всѣ въ черныхъ туфляхъ на каучуковыхъ подошвахъ.

Бѣдные!.. Черезъ минуту, однако, я себя спрашиваю, почему я ихъ жалѣю, потому ли, что они больные, или потому, что у нихъ такой покорный видъ. Они покорно повинуются быстрымъ, повелительнымъ командамъ профессора. Они запрокидываютъ назадъ голову, выпячиваютъ грудь и сильно вбираютъ въ себя воздухъ; они пытаются стоять на одной ногѣ, что нѣкоторымъ удается лишь съ неимовѣрными усиліями, задыхаясь и обливаясь потомъ. До сихъ поръ передъ моими глазами стоитъ образъ какого-то старика лѣтъ шестидесяти, сильнаго, совершенно лысаго, съ большими сѣдыми усами, старательно трудившагося: «Разъ два; разъ, два!». Врачъ сообщилъ мнѣ, что это капитанъ изъ Массачузетса, который страстно желаетъ излечиться отъ своего порока!

Рядомъ съ нимъ стоялъ молодой человѣкъ, едва достигшій двадцати лѣтъ, съ бритымъ лицомъ, худой, съ странной блуждающей улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ, который работалъ съ трудомъ.

Большинство причесано очень корректно, проборъ сдѣланъ отчетливо, волосы приглажены, лица серьезныя, англійскія. Въ особенности у одного былъ очень интеллигентный видъ. Я спросилъ, къ какому классу принадлежитъ большинство этихъ бѣдныхъ людей. Здѣсь были, какъ оказалось: одинъ военный врачъ, фотографъ, одинъ священникъ, инженеры, аптекаря, парикмахеры и пр. И всѣ изъ всѣхъ силъ стараются повиноваться командѣ. Въ настоящую минуту, вытянувшись на полу, они пробуютъ подняться на рукахъ; затѣмъ они бѣгутъ за большимъ мячомъ, стараясь пропустить его между ногами. И какъ они торопятся, какъ увлекаются! Тутъ вѣдь спортъ, и въ нихъ пробуждается природный спортивный духъ.

Но вскорѣ они утомляются, и преподаватель останавливаетъ ихъ слѣдующими словами:

— Thank you very much, gentlemen *)!

Всѣ немедленно бросаются къ душу. Тамъ они поспѣшно раздѣваются и всѣ тридцать человѣкъ становятся подъ душъ съ холодной водой. Слышатся крики. Это кричатъ наиболѣе нервные, которые не могутъ привыкнуть къ холодной водѣ. Спустя нѣсколько минутъ я вижу ихъ уже на улицѣ, одѣтыхъ въ обыкновенное платье, беззаботно курящими трубку или сигаретку, свѣжими и розовыми, какъ самые обыкновенные граждане.

Мы продолжали нашъ осмотръ, обходя дортуары на пятнадцать кроватей, на восемь и даже на одну, такъ какъ въ Фоксборо имѣются пансіонеры, поступающіе сюда по доброй волѣ. Но такъ какъ принимаютъ въ заведеніе только по приговору судьи, то обыкновенно это дѣло оформливаютъ родственники больного, которые подаютъ на него жалобу.

— Это слабые люди, которые не имѣютъ силъ бороться самостоятельно противъ своего порока, но у которыхъ, тѣмъ не менѣе, сохранилось еще достаточно благоразумія, чтобы желать отдѣлаться отъ него. Такіе люди особенно нуждаются въ леченіи и уходѣ. Поступая въ заведеніе, они вносятъ залогъ въ 500 долларовъ, который потерянъ для нихъ, если они попытаются бѣжать.

Я спрашиваю, неужели спиртные напитки никогда не появляются въ Фоксборо.

— Бываетъ, что иногда больные достаютъ вино, не знаю, какимъ путемъ. Но когда ихъ застаютъ на мѣстѣ преступленія, виновныхъ запираютъ на ключъ и лишаютъ свободы.

Корридоры, а также и всѣ комнаты, нагрѣваются паромъ.

Мы проходимъ по такъ называемой гостиной. Здѣсь больные сидятъ, болтаютъ, курятъ, играютъ въ шахматы. На стѣнѣ большими буквами напечатаны слѣдующіе афоризмы:

«Не дѣлай никогда того, что можетъ заставить тебя измѣнить данному слову и лишить тебя права уважать самого себя».

Маркъ-Аврелій.

«Нѣтъ ничего болѣе важнаго въ жизни, какъ характеръ и честность».

Цицеронъ.

— Всетаки, несмотря на эти хорошія изреченія, я думаю, бываютъ такіе, которые отказываются работать и заниматься гимнастикой?

*) Очень вамъ благодаренъ, господа!

— Случается, но довольно рѣдко. Когда кто-нибудь закапризничаетъ, его отправляютъ въ госпиталь и прописываютъ молочную діэту. Этого долго никто не выдерживаетъ!

— А что они ѣдятъ обыкновенно?

— Лѣтомъ, главнымъ образомъ, овощи и молоко; зимою мясо, хлѣбъ и колодезная вода; по утрамъ—кофе, по пятницамъ—рыба.

— И это все леченіе?

— Да; къ этому нужно прибавить еще чтеніе. Для этой цѣли мы установили библіотеки въ каждомъ залѣ. Мы считаемъ необходимымъ какъ можно больше развлекать нашихъ больныхъ, дабы отвлечь ихъ отъ мысли о прежнемъ порокѣ. Вообще привычка къ чтенію, если намъ удается вкоренить ее, является однимъ изъ могущественныхъ орудій для борьбы съ желаніемъ пить послѣ того, какъ больной покинетъ заведеніе...

— Позволю себѣ въ этомъ сомнѣваться,—проговорилъ я.

— Тѣмъ не менѣе, мы должны ее испробовать,—возразилъ молодой ученый.—Но есть, между прочимъ, и другія развлеченія—театръ, напримѣръ. Разъ пять, шесть въ мѣсяцъ сюда пріѣзжаютъ дамы и устраиваютъ концерты, а иногда чтенія. Въ прошломъ году одна дама разсказывала имъ о красотахъ парижской выставки въ 1900 году, сопровождая свой разсказъ свѣтовыми картинами; другая описывала свое путешествіе на велосипедѣ по берегу Средиземнаго моря и по центральной Франціи; пріѣзжаютъ сюда мандолинисты, чревовѣщатели, жонглеры и фокусники. По воскресеньямъ бываютъ проповѣди.

— Ну, и какіе у васъ результаты?

— Вотъ наши послѣднія статистическія данныя: изъ 324 пансіонеровъ, выпущенныхъ на свободу, 117 человѣкъ, повидимому, совершенно излечились отъ своего порока; это выходитъ 36%; 129 пьютъ попрежнему—39%; 36 пьютъ меньше—11%; о 36 мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній и 6 умерли въ прошломъ году.

Нашъ обходъ и мой допросъ были окончены; мой проводникъ отправился вмѣстѣ со мной черезъ поляну, покрытую снѣгомъ. Ночь наступила почти сразу. По дорогѣ намъ повстрѣчалось три человѣка, одинъ изъ которыхъ былъ въ золотыхъ очкахъ.

— Это вашъ собратъ—онъ мѣстный журналистъ; двое другихъ—глухонѣмые,—пояснилъ мнѣ врачъ.

О чемъ могли они разговаривать?

IX.

Филадельфія. Заводъ чудовищныхъ локомотивовъ.

За четверть часа до прибытія въ Филадельфію, въ морозный и снѣжный вечеръ, городъ желѣза даетъ знать о себѣ громадными фасадами, освѣщенными тысячами разноцвѣтныхъ огней; попадаются ряды оконъ, озаренныхъ голубымъ свѣтомъ, идеальнымъ, феерическимъ голубымъ свѣтомъ; попадаются ряды красныхъ оконъ, желтыхъ, причемъ всѣ ослѣпительно ярки.

Вечеромъ, почти тотчасъ же послѣ пріѣзда, я обѣдалъ у одного изъ заправилъ колоссальной компаніи желѣзныхъ дорогъ въ Пен-

сильваніи. На обѣдѣ присутствовали только мужчины, всего человѣкъ двадцать, и все это были дѣловые люди: тутъ были всемогущіе нью-іоркскіе и филадельфійскіе банкиры, бывшій посолъ Соединенныхъ Штатовъ, президенты и вице-президенты транспортныхъ обществъ,— всѣ архимилліонеры.

Сервировка была замѣчательная. Фаянсовая посуда стиля Empire чередовалась съ рѣдкимъ фарфоромъ; передъ каждымъ приборомъ стояла цѣлая музыкальная гамма граненыхъ хрустальныхъ стакановъ и рюмокъ. Столъ былъ убранъ маленькими розовыми цвѣтами, совершенно неизвѣстными у насъ. Вина были хорошія.

Обѣдъ былъ изысканный и тонкій. Благодаря Берлитцу и его удивительной методѣ, я могъ болтать съ моими сосѣдями о вещахъ, которыя ихъ интересовали. Во время этого разговора я подмѣтилъ, что американцы мало-по-малу усвоиваютъ себѣ языкъ рекламъ: «Это наилучшая, наирѣдчайшая, самая великая вещь въ мірѣ!». Въ нашей головѣ, когда мы говоримъ: «Нѣтъ ничего лучшаго въ мірѣ», возникаетъ мысль о вещи, которую мы больше всего предпочитаемъ въ настоящій моментъ. У американца же является сравненіе.

Привыкнувъ жить въ громадной странѣ и принужденные, вслѣдствіе колоссальныхъ нуждъ постоянно возрастающаго населенія, затрачивать массу жизненной энергіи, они добиваются такихъ результатовъ, которые въ Европѣ совершенно немыслимы. Вслѣдствіе этого у нихъ самыя обширныя фабрики, самые громадные сахарные заводы, однимъ словомъ, все громадное, вызывающее изумленіе. Не понимаю только, почему минеральная вода, которая сейчасъ стоитъ передо мной, самая чистая, какъ наивно завѣряетъ этикетка на бутылкѣ?

Однако, передъ очевидностью не спорятъ. Статистическія же данныя говорятъ, что заводы Болдвина, которые мнѣ посовѣтовали осмотрѣть, самые колоссальные въ мірѣ заводы по изготовленію локомотивовъ. Сумѣю ли я описать это чудовище, не знаю. Я провелъ тамъ всего лишь нѣсколько часовъ, а чтобы вполнѣ понять, войти, такъ сказать, въ соприкосновеніе съ этимъ чудищемъ, нужно прожить въ его нѣдрахъ недѣлю.

Поэтому я передамъ вамъ лишь нѣсколько замѣчаній и указаній, которыя самъ получилъ отъ французскаго инженера Лефебра, который руководилъ моимъ осмотромъ.

На заводѣ Болдвина работаетъ 13.000 человѣкъ; мастерскія открыты день и ночь.

На немъ изготовляется ежегодно отъ 1.500 до 2.000 локомотивовъ!

Когда мы вошли въ мастерскую по сборкѣ частей, я былъ пораженъ, оглушенъ ужаснымъ грохотомъ, царившимъ здѣсь. Въ мастерской находилось до тридцати паровыхъ котловъ, по которымъ нѣсколько сотъ рабочихъ ударяли тяжеловѣсными молотами. Черепъ у меня едва не лопнулъ отъ этого безумнаго грохота. Нѣтъ никакой возможности разслышать или сказать хотя одно слово. Переговариваться приходится при помощи жестовъ. Проводникъ подалъ мнѣ знакъ посмотрѣть наверхъ: два крана въ 50 и 100 тоннъ, установленные наверху строенія, перетаскивали совершенно готовые локомотивы съ одного конца мастерской на другой. Вотъ одинъ, повис-

нувъ на высотѣ 20 метровъ надъ нашими головами, медленно передвигается впередъ. Всю эту колоссальную тяжесть двигаетъ одинъ человѣкъ при помощи электрической кнопки. Противъ желанія думается, что чудовище можетъ упасть на тебя, и какъ-то невольно содрогаешься, видя его повисшимъ надъ головой.

Переходимъ въ отдѣленія буравленія. Восемь громадныхъ кусковъ листового желѣза кладется подъ машину. Инструментъ, напоминающій широкій буравъ, просверливаетъ ихъ сразу въ четырехъ различныхъ мѣстахъ. Два работника наблюдаютъ за машиной. Со всѣхъ сторонъ разныя машины—вертикальныя, горизонтальныя—дѣлаютъ свое дѣло сверленія. Весь полъ усыпанъ желѣзной пылью. Рабочимъ, повидимому, нигдѣ не приходится затрачивать какихъ бы то ни было усилій.

Въ слѣдующемъ отдѣленіи громадные куски желѣза, въ 2 сантиметра толщины, складываются и сплоиваются, какъ простой картонъ. Дальше листы желѣза разрѣзаются такъ же легко, какъ масло. Пятьдесятъ, а можетъ быть, сто колесъ неимовѣрной величины вертятся одни съ молніеносной скоростью, другіе медленно, двигаютъ цилиндры, скрипятъ и стонутъ. Повсюду работаютъ краны, поднимая и перемѣщая тяжелые куски стали, молоты, которые расплющиваютъ желѣзо. Безшумнымъ, размѣреннымъ ходомъ дѣйствуютъ машины. Здѣсь тоже стоитъ рабочій, наблюдающій за правильностью хода.

На совсѣмъ готовомъ локомотивѣ я замѣтилъ плохую шлифовку металла.

— Это не имѣетъ никакого значенія,—отвѣтилъ мнѣ инженеръ.— Я знаю, что во Франціи на полировку уходитъ цѣлый день. Въ Америкѣ не кончаютъ. Вѣдь за это не платятъ! Мы накладываемъ три слоя красокъ на наши локомотивы вмѣсто двѣнадцати, какъ то дѣлаютъ французскіе инженеры. По нашему мнѣнію, это только безполезный изводъ деньгамъ.

— Однако, французскіе локомотивы держатся гораздо долѣе!

— Да. Ваши желѣзнодорожныя общества заставляютъ работать локомотивы 20 и даже 30 лѣтъ. Здѣсь черезъ двѣнадцать лѣтъ паровозъ заново реставрируется. Вслѣдствіе этого въ Европѣ публику возятъ при помощи стараго хлама, здѣсь же мы постоянно вводимъ различныя усовершенствованія.

— Но это обходится вамъ гораздо дороже?

— Нѣтъ, такъ какъ они стоятъ намъ гораздо дешевле, чѣмъ ваши.

Мы проходили, между тѣмъ, громадныя мастерскія, равнявшіяся по величинѣ половинѣ площади Согласія, гдѣ труженики-муравьи работали не спѣша, посреди шума. Мы перешли улицу.

— Эту улицу уступилъ намъ городъ. Намъ не хватало мѣста, нужно было какъ-нибудь увеличить помѣщенія, и это былъ единственный способъ. Городъ понялъ это и продалъ намъ улицу.

Наконецъ, мы вошли въ котельную мастерскую. Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что я оглохъ. Нѣтъ словъ, при помощи которыхъ можно было бы выразить идею этого адскаго шума и грома. Даже рабочіе принуждены объясняться посредствомъ жестовъ. Я поспѣшилъ выйти. Мастерская была заставлена, по крайней мѣрѣ, сорока котлами, еще не вполнѣ законченными.

Рядомъ находится кузница. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь

насчитывалось 23 паровыхъ молота, но такъ какъ не хватало мѣста, ихъ перенесли за 60 километровъ отъ завода. Теперь здѣсь находится только два. Телефонная линія и рельсовый путь соединяютъ кузницу съ заводамъ, вслѣдствіе чего связь ихъ не прерывается.

Въ углу, на цѣлой горѣ пепла, завтракали два негра. Насадивъ хлѣбъ на длинный стержень, они поджаривали его на угляхъ горна.

Поднявшись въ третій этажъ, мы пришли въ мастерскую, гдѣ производится мѣдь. Здѣсь фабрикуютъ мѣдные колокола; вамъ, вѣроятно, извѣстно, что здѣсь поѣзда даютъ знать о своемъ приближеніи посредствомъ колокольнаго звона. Такъ какъ шлагбаумовъ нѣтъ, то, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, придумали это нѣсколько примитивное средство.

Въ Болдвинѣ стачекъ не бываетъ, такъ какъ на заводъ не принимаются члены рабочаго союза. Если становится извѣстнымъ, что тотъ или другой рабочій записался въ союзъ, ему немедленно отказываютъ.

Литейщики работаютъ шесть дней въ недѣлю и получаютъ за этотъ срокъ 150 франковъ, т. е. 25 франковъ въ день.

Заработки остальныхъ рабочихъ находятся въ извѣстной пропорціи съ первымъ. Хорошій молотобоецъ,—а такими являются главнымъ образомъ ирландцы—получаетъ 100 фр. въ недѣлю. Простые надсмотрщики за машинами, среди которыхъ чаще всего встрѣчаются венгерцы и славяне, зарабатываютъ 45 франковъ въ недѣлю.

Лучшими механиками считаются американцы, а полировщиками нѣмцы и французы.

Ирландцы никогда не соглашаются работать съ неграми. Только каменщики соглашаются принимать ихъ въ свою артель. Нѣсколько такихъ негровъ видѣлъ я въ мастерскихъ: они сидѣли особнякомъ, слѣдя за работой испуганными глазами затравленныхъ звѣрей.

Шесть безконечно длинныхъ этажей сплошь заставлены различными машинами. Сверху до низу машины, приводимыя въ дѣйствіе электричествомъ, замѣняютъ человѣческій трудъ. У рычаговъ стоятъ люди, слѣдящіе слегка за ходомъ машины. Этотъ трудъ безсмысленной стихійной силы на пользу человѣка является картиной, производящей сильное впечатлѣніе.

Продолжая ходить изъ отдѣленія въ отдѣленіе, мой провожатый разсказалъ мнѣ исторію этого колоссальнаго предпріятія. Заводы занимаютъ площадь около восьми гектаровъ. Постройки всѣ шестиэтажныя, окруженныя галереями.

Въ 1834 году Болдвинъ изготовилъ пять локомотивовъ, въ 1847 г. тридцать девять, семьдесятъ въ 1859 г., двѣсти восемьдесятъ въ 1870 г. и наконецъ 1.531 въ 1902 г.

На заводѣ въ недѣлю расходуется болѣе 2.000 тоннъ угля и около 3.500 тоннъ желѣза.

Въ технической конторѣ служатъ 20 инженеровъ и 100 чертежниковъ. Проходя мимо послѣдней машины, я увидѣлъ, что на ней стоитъ номеръ 21358.

Удивившись такому количеству, я обратился къ проводнику съ вопросомъ, для чего имъ нужно столько машинъ.

Вотъ его отвѣтъ:

— Я думаю, что это зависитъ главнымъ образомъ отъ новыхъ

кампаньоновъ. Каждые десять—пятнадцать лѣтъ главные пайщики и руководители общества избираютъ изъ инженеровъ наиболѣе достойнаго и включаютъ его въ число пайщиковъ. Это новая кровь, которая не даетъ заплѣсневѣть старой. Конкурирующее съ нами общество должно было закрыться вслѣдствіе того, что въ то время, какъ мы прогрессировали, оно держалось прежнихъ традицій. Если намъ даютъ какую-нибудь спеціальную работу, то мы не задумываясь создаемъ новыя машины, не пытаясь пользоваться старыми. Мы неустанно улучшаемъ какъ машины, такъ и наши произведенія. И въ настоящее время, я думаю, наши локомотивы самые совершенные въ мірѣ.

— Въ чемъ же ваши локомотивы превосходятъ хотя бы, напримѣръ, французскіе?

— А въ томъ, что нашъ паровозъ можетъ замѣнить три вашихъ французскихъ. Онъ тянетъ гораздо большіе поѣзда, а это является значительной экономіей...

— Но почему же они возятъ болѣе длинные поѣзда?—задалъ я наивный вопросъ.

— Потому что они гораздо сильнѣе,—отвѣтилъ мнѣ съ улыбкой инженеръ.—Во Франціи же это невозможно, такъ какъ туннели и мосты несравненно меньше нашихъ. Взгляните, напримѣръ, на этотъ паровозъ: онъ возвышается на пять метровъ надъ рельсами и вѣситъ около 140.000 килограммовъ вмѣстѣ съ тендеромъ. Ваши насыпи не могутъ выдержать такой тяжести, а ваши туннели слишкомъ малы для такого паровоза.

— Поставляете ли вы для Европы?

— Для всѣхъ странъ, начиная съ Южной Америки и кончая Россіей. Въ 1900 году мы поставили для Франціи шестьдесятъ паровозовъ. 30 изъ нихъ были заказаны въ февралѣ, а въ іюнѣ они уже находились въ Парижѣ.

— Сколько же вы берете за подобныя чудовища?

— Отъ 30 до 100 тысячъ франковъ.

— А сколько вамъ понадобится времени для постройки паровоза?

— Ровно мѣсяцъ.

X.

Нищіе.

Нигдѣ бѣдные не производятъ такого страннаго впечатлѣнія, какъ въ Нью-Іоркѣ. Нищихъ здѣсь можно встрѣтить очень рѣдко, бѣдныхъ тоже. Нѣкій гордый американецъ увѣрялъ меня, что здѣсь есть работа для всѣхъ, даже для безрукихъ, и въ доказательство своихъ словъ указалъ мнѣ на цѣлые столбцы объявленій въ газетахъ, пестрѣвшихъ спросомъ на всевозможный трудъ. Повидимому, онъ былъ правъ, бѣднымъ не нужно было обивать пороги, прося помощи. Бьющая ключомъ дѣятельность давала каждому желающему заработокъ, неспособные же къ труду безвозвратно гибли въ этомъ водоворотѣ. Одинъ изъ соотечественниковъ показалъ мнѣ одно изъ тѣхъ убѣжищъ, куда попадаютъ инвалиды послѣ непосильной борьбы за существованіе.

Убѣжище называется «Домъ Милля».

Одинъ изъ ньюіоржцевъ, полуфилантропъ, полуспекулянтъ, построилъ нѣсколько громадныхъ домовъ, куда за 20 су пускаютъ переночевать всякаго мужчину и всякую женщину. 20 су въ Америкѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ. За эту сумму вамъ выстираютъ четыре носовыхъ платка, не больше.

Мы вошли въ громадное зданіе, двери котораго были открыты настежь. Въ первомъ находились двѣ доски съ ключами отъ комнатъ, которыя отдавались послѣ уплаты въ 20 су. Въ домѣ 1.555 комнатъ, которыя бываютъ заняты каждый вечеръ. Быстрыя подъемныя машины все время то опускаются, то поднимаются.

Комнаты расположены вдоль корридоровъ и походятъ на узкія каюты въ 42 квадратныхъ фута величиной. Въ этотъ часъ въ комнатахъ никого не было. Жильцы уходятъ отсюда въ девять часовъ утра, и комнаты должны оставаться свободными до пяти часовъ вечера. Въ это время дѣлаютъ постели, перемѣняютъ бѣлье, метутъ полы.

— А если кто-нибудь захвораетъ?

— Мы стараемся убѣдиться, дѣйствительно ли онъ боленъ или притворяется. Мы не можемъ оставлять здѣсь больныхъ въ интересахъ здоровья другихъ.

Для насъ открыли нѣсколько комнатъ: стѣны были выкрашены бѣлой краской, низкая кровать занимала всю длину комнаты, по другую сторону стоялъ стулъ и ночной шкапикъ. Больше ничего. Другія комнаты, цѣной въ полтора франка, были нѣсколько просторнѣе. Въ нихъ можно было помѣстить чемоданъ и маленькій столъ. Кромѣ того, въ такихъ комнатахъ находилась электрическая лампочка. Въ каждомъ этажѣ находилась общая умывальная комната съ полотенцемъ и безплатнымъ мыломъ.

Затѣмъ мы спустились въ подземелье, гдѣ помѣщались души. Пятьдесятъ шкаповъ съ автоматическимъ аппаратомъ предоставлялись безплатно для кліентовъ. Рядомъ съ душами находилось нѣсколько каменныхъ баковъ съ теплой и холодной водой, гдѣ бѣдные могли стирать свое бѣлье. Какъ разъ во время нашего посѣщенія два джентльмэна, очень корректные съ виду, въ фетровыхъ шляпахъ, занимались стиркой: одинъ воротничка, другой носковъ, вынутыхъ ими изъ кармановъ; они мылили, терли, полоскали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило вокругъ нихъ. Затѣмъ они развѣсили выстиранныя вещи въ теплой сушильнѣ, заперли дверь и въ ожиданіи, пока бѣлье высохнетъ, закурили сигаретки.

Что особенно поражаетъ меня здѣсь,—это полное отсутствіе конфузливости и стѣсненія. Люди даже не замѣчаютъ, что ихъ разглядываютъ. Взять хотя бы этихъ двухъ джентльмэновъ,—они вынули изъ кармана носки точно такъ же, какъ мы вынимаемъ платокъ.

Въ домѣ можно получить также и кушанье, но зато нельзя достать ни одной капли алкоголя. Завтракъ стоитъ 10 су. Въ обширной столовой, очень чистой и свѣтлой, можно получить пару горячихъ сосисекъ, бифштексъ или чашку кофе. Ленчъ или второй завтракъ стоитъ 15 су. Онъ состоитъ изъ мясного блюда, овощей, хлѣба, масла, кофе, чая или молока. Обѣдъ стоитъ столько же; къ нему подаютъ супъ, мясо, два блюда овощей, десертъ, чай или кофе. Такимъ обра-

зомъ за два франка въ день вы будете совершенно сыты. Это очень дешево для Нью-Іорка.

— Большинство здѣшнихъ жильцовъ,—объяснилъ мнѣ директоръ дома,—не пользуются тремя обѣдами. Шестьдесятъ процентовъ кліентовъ снимаютъ комнату на недѣлю, на мѣсяцъ и даже на годъ и только сорокъ процентовъ берутъ ее на одну ночь.

— Кто состоитъ вашими обыкновенными кліентами?

— Мелкіе служащіе, студенты, ремесленники. Имъ здѣсь очень удобно. Вы видѣли комнаты, души, ресторанъ. Кромѣ того, здѣсь хранятъ ихъ вещи, доставляютъ имъ письма. За двадцать пять су въ мѣсяцъ мы даемъ имъ въ подземельѣ ящикъ, гдѣ они могутъ хранить свое имущество.

Мы посѣтили еще читальни и залы, гдѣ сотни обитателей курили, болтали или читали, не производя, однако, впечатлѣнія бѣдноты. Если бы нѣкоторые изъ этихъ жильцовъ встрѣтились мнѣ на улицѣ, я никогда не принялъ бы ихъ за нищихъ. Большинство изъ нихъ были въ модныхъ шляпахъ, а нѣкоторые даже въ перчаткахъ. Только нѣкоторые были бѣдно и грязно одѣты и имѣли утомленный видъ. Здѣсь были старые и молодые, очень старые, съ сѣдыми бородами, съ покорнымъ, терпѣливымъ выраженіемъ лица, и очень молодые, у которыхъ едва пробивался пушокъ на верхней губѣ. Я не зналъ, кому больше сострадать— этимъ ли старымъ людямъ, разбитымъ въ борьбѣ съ жизнью, которымъ ничего не оставалось впереди, кромѣ смерти, или этимъ юношамъ, которые при первомъ своемъ дебютѣ на жизненномъ поприщѣ понесли жестокое пораженіе.

Было три часа дня. Я былъ удивленъ, встрѣтивъ столько праздныхъ людей. Что они здѣсь дѣлаютъ? Почему эти здоровые люди ничѣмъ не занимаются, не ищутъ никакого труда, какъ остальные американцы?

— Многіе изъ нихъ,—отвѣтилъ мнѣ директоръ,—работаютъ только по вечерамъ, а такъ какъ на улицѣ холодно, то они предпочитаютъ сидѣть пока здѣсь, въ теплѣ. Другіе ждутъ отвѣтовъ на посланныя письма. Многіе изъ нихъ каждые полчаса спускаются въ контору и справляются, нѣтъ ли на ихъ имя писемъ.

Я выразилъ желаніе посмотрѣть комнаты постоянныхъ жильцовъ. Прежде всего мнѣ показали комнату какого-то служащаго, который живетъ уже здѣсь нѣсколько лѣтъ. Въ комнатѣ стояла кровать, а на полу лежали три чемодана. На стѣнѣ висѣло два громадныхъ термометра, оба испорченные, два женскихъ портрета и три хромолитографіи, изображающія трехъ нѣжныхъ красавицъ, написанныхъ въ розовыхъ тонахъ. Въ углу стояли два зонтика, надъ ними была прибита реклама мыла, на которой были изображены ребенокъ и женщина, оба голые; дальше висѣлъ американскій флагъ и зеркало; затѣмъ стоялъ ящикъ, а на немъ часы безъ стрѣлокъ. Жилецъ живетъ въ этой комнатѣ болѣе десяти лѣтъ.

— Это очень славный и милый господинъ,—сказалъ мнѣ директоръ.

Я хотѣлъ посмотрѣть на этого оригинала, но онъ былъ на службѣ.

Затѣмъ меня повели въ другую комнату, которую тоже жилецъ занималъ уже нѣсколько лѣтъ. Это былъ писатель, довольно извѣстный въ Нью-Іоркѣ, по имени Фрэнсисъ Трэнъ. Онъ былъ когда-то очень богатъ и былъ принятъ въ лучшемъ американскомъ обществѣ.

— Не протягивайте ему руки,—предупреждали меня,—онъ все равно

не подастъ своей, такъ какъ этотъ обычай онъ считаетъ глупымъ. Кромѣ того, не называйте его monsieur, лучше всего зовите его гражданиномъ.

Директоръ постучалъ въ дверь и уступилъ надъ дорогу, такъ какъ въ комнатѣ втроемъ нельзя было помѣститься. Удивленный писатель пригласилъ насъ присѣсть на кровать, покрытую алжирскимъ ковромъ. Это былъ господинъ лѣтъ шестидесяти двухъ, съ совершенно сѣдыми усами и длинными сѣдыми же волосами, окружавшими, какъ ореоломъ, его красное лицо, удивительно живое и энергичное. Что особенно придавало выразительность его лицу, такъ это его зеленовато-сѣрые, безпокойные глаза.

— Меня считаютъ за сумасшедшаго,—сказалъ онъ мнѣ,—и даже судъ призналъ меня за таковаго. Но что они понимаютъ?..

На стѣнахъ было приколото нѣсколько вырѣзокъ изъ газетъ, въ которыхъ описывались его приключенія и разныя выходки. На одной изъ иллюстрацій онъ былъ представленъ, какъ боксеръ. Я оглянулся и увидѣлъ, что въ углу лежали боксерскія перчатки. На мой вопросъ, что это значитъ, онъ громко разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Видите ли, жильцы здѣшняго дома, принимая меня за безумнаго, смѣялись надъ моими совѣтами. Тогда я рѣшилъ доказать имъ, что я здоровъ тѣломъ и душою, и вызвалъ на боксъ извѣстнаго профессора Донована. Мы дрались въ присутствіи всѣхъ жильцовъ дома. Я не хотѣлъ злоупотреблять своимъ превосходствомъ надъ профессоромъ, чтобы не погубить его репутаціи, но, тѣмъ не менѣе, въ пятнадцать секундъ я такъ отдѣлалъ его, что онъ совершенно забылъ, гдѣ онъ находится. Съ тѣхъ поръ меня больше не высмѣиваютъ.

Въ петлицѣ его сюртука я замѣтилъ длинную трехцвѣтную ленточку.

— Не подумайте, что это орденская лента,—замѣтилъ онъ, уловивъ мой взглядъ,—она подарена мнѣ однимъ изъ пріятелей.

Я спросилъ его, хорошо ли онъ себя здѣсь чувствуетъ и почему поселился въ этомъ домѣ.

Онъ удивленно взглянулъ на меня и, почти возмущенный, отвѣтилъ:

— Но вѣдь это единственный домъ дѣйствительно демократическій и гдѣ никого не увидишь, что очень важно для спокойной жизни!

При этихъ словахъ я поднялся и, почтительно раскланявшись передъ мудрецомъ, вышелъ изъ комнаты.

XI.

Театръ.

Я хотѣлъ посмотрѣть американскіе театры и познакомиться со вкусами гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ большинствѣ случаевъ здѣшніе театры очень красивы, хотя у нихъ черезчуръ много позолоты и украшеній. Въ то же время они неудобнѣе нашихъ, за исключеніемъ развѣ гардеробныхъ. И даже эти гардеробныя нельзя было бы примѣнить у насъ. На весь театръ имѣются только двѣ комнаты, гдѣ можно оставлять верхнее платье, вслѣдствіе чего послѣ окончанія спектакля приходится ожидать пять, а то и десять минутъ, прежде чѣмъ получишь свое пальто.

Представленія въ большинствѣ случаевъ наивны до странности. Типической пьесой является у американцевъ родъ оперетты съ полдюжиной интригъ и различныхъ недоразумѣній между обрученными, которыя

обыкновенно оканчиваются супружествами, причемъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ танцуется пресловутый джигъ. Здѣсь всѣ артисты умѣютъ танцовать джигъ: мужчины, женщины, артисты на первыя роли и статисты, всѣ танцуютъ этотъ танецъ, то соло, то по нѣскольку человѣкъ за-разъ. Голоса у большинства артистовъ неважные, поютъ обыкновенно горломъ, и только нѣсколько женщинъ умѣютъ дѣйствительно пѣть, мужчинамъ же совершенно неизвѣстно это искусство. Нѣкоторыя изъ пьесъ являются сколкомъ съ французскихъ, но обработаны неловко и неинтересно. То, что можетъ быть допустимо по отношенію къ паровозу, здѣсь непріятно дѣйствуетъ на нашъ глазъ. Во Франціи нѣтъ ни одного водевилиста, который, разрабатывая самую невѣроятную тему, не постарался бы придать ей характеръ вѣроятія. Кромѣ того, у насъ есть чувство мѣры, любовь къ порядку, которыя мы и прилагаемъ къ каждому своему произведенію. У американскихъ же авторовъ меня постоянно непріятно поражало ихъ полное презрѣніе къ этимъ двумъ неотъемлемымъ принадлежностямъ искусства. На мои замѣчанія по этому поводу мнѣ возражали, что все равно публика каждый вечеръ наполняетъ театры, веселится и платитъ.

Публика дѣйствительно здѣсь самая идеальная. Я никогда не видалъ толпы, болѣе веселой, болѣе терпѣливой и болѣе снисходительной. Она беретъ то, что ей даютъ, и вполнѣ этимъ довольствуется. Артисты буквально дѣлаютъ, что хотятъ. Комики и ingenues пользуются абсолютными симпатіями зала. И вовсе не требуется играть пьесы,—достаточно если они что-нибудь скажутъ, сдѣлаютъ какую-нибудь гримасу или придумаютъ плохой каламбуръ, и публика уже хохочетъ. Это настроеніе людей, которые двадцать лѣтъ не имѣютъ никакихъ удовольствій и, урвавъ минуту, послѣ хорошаго обѣда отправляются въ театръ.

Понятно, что при такомъ состояніи духа зрители не особенно критикуютъ пьесу и не особенно придираются къ игрѣ артистовъ. Я неразъ видѣлъ артистовъ, которые въ продолженіе четверти часа разговаривали стоя, не дѣлая ни одного жеста и не двигаясь съ мѣста. Въ ихъ комическихъ пьесахъ встрѣчается довольно интересное нововведеніе, хотя не всегда оригинальное. Ихъ артисты въ самые безумные моменты пьесы сохраняютъ полное хладнокровіе и флегму и этимъ иногда достигаютъ самаго сильнаго впечатлѣнія.

Здѣсь процвѣтаетъ извѣстный намъ жанръ театра «Vaudeville» или «Variétés». Программа спектаклей этого рода состоитъ изъ одноактныхъ пьесъ съ переодѣваніемъ и изъ кафэ-концертныхъ нумеровъ. Въ Бостонѣ я слышалъ, напримѣръ, негра или если не негра, то, по крайней мѣрѣ, цвѣтнокожаго человѣка, который великолѣпно сыгралъ на роялѣ «Менуэтъ» Падеревскаго; его братъ прекрасно пѣлъ оперныя аріи звучнымъ, мелодичнымъ теноромъ. Такихъ негровъ я еще ни разу не видѣлъ: у нихъ каріе глаза, довольно правильной формы носъ, губы не слишкомъ толстыя, кожа золотистаго оттѣнка. Въ ихъ наружности нѣтъ ничего отталкивающаго. Наоборотъ, въ ихъ манерѣ держаться, въ ихъ ловкихъ движеніяхъ, въ ихъ черномъ платьѣ и ослѣпительно бѣломъ бѣльѣ чувствовались корректность и даже элегантность. У нихъ есть прирожденное чувство ритма и страсть къ музыкѣ. Только одна вещь, которая подконецъ утомляетъ,—это ихъ вѣчная слащавая улыбка, открывающая два ряда великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Декораціи въ американскихъ театрахъ находятся еще въ зародышевомъ состояніи. Костюмы попадаются недурные, но французы знаютъ ихъ по театру «Variétés». Иногда, впрочемъ, примѣняются разныя техническія изобрѣтенія: такъ, напримѣръ, повѣшенные на сценѣ флаги развѣваются благодаря дѣйствію электрической вентиляціи,—этимъ способомъ достигается впечатлѣніе воздуха.

Само собой разумѣется, что я говорю здѣсь только единственно о національныхъ американскихъ театрахъ, которые мнѣ посовѣтовали посмотрѣть, чтобы составить себѣ понятіе о вкусахъ толпы. Но если бы я вздумалъ говорить вообще объ американскомъ сценическомъ искусствѣ, то мнѣ пришлось бы подробно остановиться на игрѣ нѣсколькихъ выдающихся талантовъ, какъ, напримѣръ, Юлія Марлоу—артистка безусловно умная, красивая; затѣмъ Фискеръ, Картеръ, Мансфельдъ и др. Но я ихъ видѣлъ только одинъ разъ и поэтому лучше воздержусь отъ сужденій. Больше всего поразило и понравилось мнѣ—это танецъ «хора дѣвушекъ». Этотъ танецъ воскресилъ заброшенное старинное искусство танцовать группами, оживляя движенія жестами, заставлять жить и говорить каждую жилку, каждую косточку, однимъ словомъ, все тѣло, причемъ стараться производить каждое движеніе съ граціей и красотой.

У насъ во Франціи тоже есть нѣчто подобное: на подмосткахъ кабачковъ дѣвушки въ короткихъ юбкахъ поднимаютъ ноги и дѣлаютъ пируэты. Американцы же взяли нашъ старинный канканъ, смягчили его темпомъ вальса и обогатили тѣми движеніями, которыя входятъ въ пресловутый «кэкъ-уокъ»—изобрѣтеніе ритмическаго генія негровъ. Американцы смягчили только эти рѣзкія движенія, и получился одинъ изъ прелестнѣйшихъ танцевъ.

Послѣ этого его еще усовершенствовалъ Ю. Митчель, человѣкъ съ большимъ артистическимъ талантомъ. Онъ посовѣтовалъ сопровождать пѣніе солистокъ и хора движеніями тѣла, но настолько плавными, что они скорѣе угадываются,—получилось дѣйствительно нѣчто восхитительное, опьяняющее.

У насъ обыкновенно хористки хранятъ на устахъ мертвенную улыбку и, повидимому, отчаянно скучаютъ. Здѣсь же онѣ всѣ молодыя, хорошенькія. Онѣ улыбаются натурально, глаза у нихъ блестятъ и тоже смѣются. Онѣ играютъ и поютъ каждая сама по себѣ, какъ если бы она была одна на сценѣ. Ихъ желаніе нравиться и очаровывать передается невольно и зрителю.

Быть можетъ, причиной тому служитъ то обстоятельство, что онѣ всѣ очень молоденькія,—отъ 17 до 20 лѣтъ, а также и то, что ихъ трудъ очень хорошо оплачивается. Ни одна изъ нихъ не получаетъ менѣе 400 фр., тѣ же, которыя исполняютъ иногда сольныя партіи, получаютъ 700—800 фр., а иногда и 1.000 фр. въ мѣсяцъ.

Эта комбинація танцевъ и пѣнія является совершенно новымъ родомъ искусства и можетъ современемъ замѣнить съ успѣхомъ нашъ устарѣвшій и погрязшій въ рутинѣ балетъ. Важный и скучный балетъ уже давно отжилъ свое время и теперь лишь повторяетъ зады. Въ Парижѣ, въ Миланѣ, въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ стараются подогрѣть къ нему интересъ тѣмъ, что отъ времени до времени одни костюмы замѣняютъ другими, укорачиваютъ или удлиняютъ тюлевыя юбки. Выразительность же тан-

цевъ исчезла, изгнана, ноги двигаются искусно, но не краснорѣчиво, линіи красивы, но жизнь отсутствуетъ.

Отнынѣ же задачу можно считать рѣшенной. Кто знаетъ, можетъ быть, не пройдетъ и 30-ти лѣтъ, какъ американское искусство получитъ права гражданства въ старыхъ танцовальныхъ академіяхъ Европы?

Въ «Figaro» однажды былъ поднятъ вопросъ о «кэкъ-уокѣ» и о его допущеніи въ салоны. По моему мнѣнію, тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. «Кэкъ-уокъ»—танецъ чисто карнавальный. Исполняемый неграми, онъ только комиченъ и въ высшей степени ритмиченъ. Но посмотрите его перенесеннымъ на сцену, идеализированнымъ женщинами.

При этомъ нужно помнить, что все здѣсь, даже и спектакли, ставятся на-спѣшку, точно завтра этотъ театръ придется превращать въ перевязочный пунктъ. Я никогда не устану упоминать объ этой вѣчной спѣшкѣ американцевъ. Получается впечатлѣніе, будто ѣдешь въ экспрессѣ и принужденъ десять разъ на дню мѣнять поѣзда. Чтобы американецъ ни дѣлалъ, онъ всегда имѣетъ видъ человѣка, который стремится побить рекордъ на скорость: ѣстъ ли онъ, болтаетъ или сидитъ въ гостяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XII*).

Жизнь студентовъ. Клубы.

Какъ живетъ американскій студентъ? Въ какой средѣ вращается онъ? Я постарался отдать себѣ въ этомъ отчетъ, проживъ нѣсколько дней студенческой жизнью.

Въ Гарвардъ поступаютъ почти мальчикомъ, лѣтъ восемнадцати, девятнадцати, а выходятъ почти мужчиной, т. е. около двадцати трехъ, двадцати четырехъ лѣтъ. Въ Гарвардѣ около 4.000 учениковъ: двѣ тысячи въ колледжѣ и двѣ тысячи на спеціальныхъ факультетахъ.

Ученики колледжа раздѣляются на четыре класса: freshmen (младшіе), sophonures (второкурсники), juniors (третьекурсники) и seniors (старшіе). Фрешмэны съ уваженіемъ относятся къ старшимъ ученикамъ, тѣ же питаютъ къ нимъ нескрываемое презрѣніе. Старшіе запрещаютъ имъ курить на улицѣ, носить цилиндры, тросточки, однимъ словомъ, всячески унижаютъ ихъ, причемъ «новички» покорно ихъ слушаются.

По пріѣздѣ въ Кэмбрицжъ студентъ прежде всего ищетъ себѣ подходящее помѣщеніе либо въ частномъ домѣ, либо въ dormitory of yard. Dormitory—это громадный меблированный домъ, въ которомъ отдаются комнаты для студентовъ. Въ каждомъ такомъ домѣ имѣется комната для профессора, который наблюдаетъ за поведеніемъ учениковъ. Впрочемъ, наблюденіе ограничивается тѣмъ, что профессоръ усмиряетъ скандалистовъ, что случается очень рѣдко, и не допускаетъ въ комнаты учениковъ дамъ безъ шляпокъ. Нужно сказать, если студентъ приметъ у себя даму сомнительнаго поведенія, то его немедленно выселяютъ изъ dormitory и исключаютъ изъ университета. Тотъ же, кто будетъ замѣченъ на улицѣ съ такой особой, теряетъ всякое уваженіе товарищей, отъ него всѣ отвертываются и жизнь его становится невыносимой.

Подобные случаи, впрочемъ, никогда не встрѣчаются. Эмоттъ, президентъ Гарвардскаго университета, проповѣдуетъ цѣломудріе до брака, и студенты охотно слушаютъ его и вѣрятъ ему.

Я посѣтилъ нѣсколько dormitories. Нѣкоторыя изъ нихъ поистинѣ великолѣпны. Въ одной, напримѣръ, есть спеціальный залъ для спорта,

*) Продолженіе. См. «Вѣст. Ин. Лит.» кн. II. 1905 г.

залъ для гимнастики, нѣсколько комнатъ съ ваннами, душами, читальный залъ и складъ велосипедовъ. Цѣна за комнату въ этомъ домѣ колебалась отъ 2.000 до 3.000 фр. въ годъ. Но бѣдные студенты въ болѣе скромныхъ dormitories могутъ имѣть помѣщеніе за 500 фр.

Комната комнатѣ рознь, точно также какъ и клубъ клубу.

Клубная же жизнь, о которой рѣчь будетъ ниже, занимаетъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ существованіи американца. Дѣла и клубъ поглощаютъ большую часть дня американца. Семейная жизнь отодвинута на второй планъ. Уважающій себя американецъ обыкновенно состоитъ членомъ трехъ, а то и четырехъ клубовъ. Эта наклонность развивается въ немъ уже съ университетской скамьи. Въ Гарвардѣ я, напримѣръ, насчиталъ сто тридцать пять клубовъ и это еще, можетъ быть, не всѣ! Тутъ встрѣтишь клубы для развлеченія, клубы для образованія, клубы, чтобъ пить, клубы, чтобы уединяться, клубы людей одного города, одного штата, клубы нѣмецкіе, французскіе, испанскіе, калифорнійскіе, канадскіе, чикагскіе, нью-іоркскіе, гавайскіе, клубы спортивные, религіозные, политическіе, клубы мандолинистовъ, клубы студентовъ-дантистовъ, зоологовъ, юристовъ, медиковъ, электротехниковъ...

Поспѣшимъ, однако, оговориться, что многіе изъ этихъ клубовъ часто помѣщаются въ одной комнатѣ какого-либо студента. Тѣмъ не менѣе каждый изъ этихъ клубовъ имѣетъ канцелярію, президента, вице-президента, секретаря, казначея и членовъ комитета.

Американецъ гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ демократической націи, и имѣетъ на то полное право. Неизвѣстно только, сколько времени это продлится. Уже теперь начинаютъ раздаваться жалобы, что въ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ есть только одинъ классъ, а богачи обзаводятся собственными вагонами, которые и сравнивать нельзя съ отдѣльными купе нашихъ бѣдныхъ европейскихъ милліонеровъ.

Не въ большомъ фаворѣ демократизмъ и въ университетѣ. Курсы, положимъ, общіе, но зато это наверстывается на клубахъ. Въ университетъ допускаются бѣдные студенты, зарабатывающіе себѣ пропитаніе въ качествѣ рестораннаго или клубнаго слуги. Ихъ за это не презираютъ и не упрекаютъ, но все же не допускаютъ въ частные избранные кружки.

Пятьсотъ юныхъ freshmen'овъ по прибытіи въ Гарвардъ могутъ записаться членами только двухъ клубовъ: «Polo Club» и «Fencing Club». Затѣмъ, по прошествіи года, они могутъ баллотироваться еще въ нѣкоторые другіе, какъ, напримѣръ, «Zeta-Psi», «Porcellian», «Alpha-Delta-Phi», которые почему-то называются секретными.

По прошествіи второго года члены такъ называемыхъ секретныхъ клубовъ могутъ быть приняты въ «Institute of 1770», а затѣмъ, еще годъ спустя, при помощи сильной протекціи нѣкоторымъ удается поступить въ клубъ «Hasty-Pudding» (Торопливый пудлингъ), названный такъ въ воспоминаніе пудинга, который студенты ѣли, торопясь на лекціи. Клубъ этотъ основанъ въ 1795 г. «Signet» «Amphadon» и «O. K.»— самые значительные литературные клубы. Членскіе взносы въ нихъ довольно крупные, но каждый годъ туда принимается четыре или пять безплатныхъ членовъ, избираемыхъ изъ бѣдныхъ, но порядочныхъ студентовъ. Въ этихъ секретныхъ клубахъ достаточно получить хотя бы одинъ черный шаръ, чтобы быть исключеннымъ.

Для поступленія въ классы клуба «D. K. E.» студентъ долженъ вы-

держать искусъ. Его вѣшаютъ на нѣсколько секундъ за горло, затѣмъ завязываютъ глаза и дѣлаютъ видъ, что толкаютъ въ пропасть. Искусъ длится три дня. Во время этого періода члены клуба могутъ испытывать поступающаго, какъ хотятъ. Его заставляютъ носить смѣшные костюмы, снимать въ трамваѣ ботинки, пойти поклониться дамѣ, которой онъ не знаетъ, сѣсть посреди шоссе въ лужу, сбрить одинъ усъ. Ему приказываютъ встать и уйти во время спектакля, заставляютъ нѣсколько сутокъ не раздѣваться и не мыться.

«Hasty-Pudding» имѣетъ всего девяносто членовъ, съ платой по 50 долларовъ. Члены клуба каждый годъ разыгрываютъ какую-нибудь музыкальную пьесу. Каждый долженъ при этомъ участвовать такъ или иначе въ представленіи. Въ клубѣ есть просторный залъ со сценой, украшенной карикатурами, изъ которыхъ многія очень остроумны. Тутъ есть также курительный залъ, буфетъ, библіотека и билліардъ.

Самый строгій въ выборѣ членовъ это клубъ «Zeta-Psi», который насчитываетъ всего тридцать членовъ съ годичнымъ взносомъ въ 75 долларовъ.

Въ Гарвардѣ клубы устраиваются очень быстро. Если нѣтъ денегъ, то собираются въ комнатѣ какого-нибудь студента, если же сынъ милліонера хочетъ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей выдѣлиться въ особую групу, то и это устраивается живо: придумывается названіе, дѣлается заявленіе въ совѣтъ университета, затѣмъ снимается небольшой домикъ, ставится туда мебель, и клубъ готовъ. Для полноты нанимаютъ еще негра-повара. Сюда друзья приходятъ завтракать, обѣдать; здѣсь они находятъ излюбленные напитки, здѣсь играютъ въ покеръ.

Такимъ образомъ, американецъ привыкаетъ къ клубу на всю жизнь.

На-ряду съ этими клубами есть еще одно общее сборное мѣсто, такъ называемый «Союзъ», куда входъ открытъ каждому студенту, который записанъ въ университетѣ и который можетъ внести 25 франковъ. Сюда приходятъ почти всѣ. Въ «Союзѣ» можно получать завтраки, но никакихъ спиртныхъ напитковъ. Въ первомъ этажѣ помѣщенія, занимаемаго «Союзомъ», находится обширная библіотека, въ подземельѣ—двѣнадцать билліардовъ и типографія, гдѣ печатается студенческій журналъ «Crimson», почти весь заполненный одними объявленіями. Кромѣ этого журнала, студенты издаютъ еще нѣсколько ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ, нѣкоторые изъ которыхъ иллюстрированы.

Другое интересное учрежденіе это—«Клубъ споровъ». Здѣсь обсуждаются университетскія и студенческія дѣла. «Старшіе» играютъ роль сената. Отъ каждаго штата есть одинъ выборный. Сенатъ распадается на двѣ партіи: республиканцевъ и демократовъ, изъ которыхъ каждая партія выбираетъ себѣ лидера. Кромѣ дѣлъ домашнихъ, въ Гарвардѣ иногда устраиваются диспуты съ другими университетами, какъ, напримѣръ, съ Яльскимъ, причемъ въ диспутахъ обыкновенно Гарвардъ выходитъ побѣдителемъ. Это его месть за футболъ. Изъ 11 диспутовъ съ Ялемъ Гарвардъ выигралъ 8.

Есть еще въ Гарвардѣ драматическіе кружки, гдѣ разыгрываются пьесы на латинскомъ, греческомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Французскій кружокъ самый значительный и самый старинный. Благодаря милліонеру Гайду, основателю кружка, онъ очень хорошо обезпеченъ въ денежномъ смыслѣ. Въ этомъ кружкѣ играютъ пьесы Лабиша, Расина, Корнеля, Мольера. Студенты играютъ всѣ роли, какъ мужскія,

такъ и женскія. Видя здоровенныхъ 23-хъ-лѣтнихъ студентовъ въ дамскихъ платьяхъ эпохи Людовика XIII или XIV, зрители улыбаются, но нисколько не удивляются.

XIII.

Замѣтки и наброски.

Въ ресторанѣ «Matin» за завтракомъ я обратилъ вниманіе на господина, который каждыя двѣ минуты поднимался, чтобы взглянуть на биржевую котировку, развертывавшуюся въ автоматическомъ аппаратѣ. Я высказалъ по этому поводу свое удивленіе сопровождавшему меня американцу.

— Подите въ ресторанъ Бродвэй, вы тамъ увидите нѣчто получше.

Я послѣдовалъ его совѣту и какъ-то разъ утромъ зашелъ позавтракать въ «Savarin», который расположенъ какъ разъ въ самомъ центрѣ дѣлового квартала.

Было страшно накурено. Мѣста свободнаго ни одного. Повсюду царили лихорадочная торопливость и движеніе. За маленькими столиками, тѣсно прижавшись другъ къ другу, люди наскоро глотали свое кушанье. Но они сравнительно съ другими казались сибаритами, такъ какъ большинство ѣло стоя, не снимая шляпъ и не имѣя возможности даже прислониться. Они лаконически отдавали приказанія лакеямъ, и кушанья черезъ минуту уже подавались. Здѣсь все приготовлено заранѣе. Это необходимо уже потому, что посѣтители здѣшніе никогда не завтракаютъ больше десяти минутъ. Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ послѣдовать примѣру остальныхъ. Въ четверть часа я съѣлъ кусокъ ростбифа, который совершенно готовымъ присылается изъ Чикаго, пудингъ, ломоть сыру и чашку кофе. Рядомъ со мной стоялъ какой-то джентльмэнъ; правой рукой онъ ѣлъ, а въ лѣвой, на которой было накинуто пальто, держалъ какой-то списокъ цифръ и пожиралъ его въ одно время съ завтракомъ.

— Неужели они ни одной минуты не отдохнутъ послѣ завтрака?— спросилъ я своего провожатаго.

— Нѣтъ, они сейчасъ же бѣгутъ въ свою контору и, не останавливаясь ни на одну секунду, чтобы поболтать со знакомыми, яростно набрасываются на работу и трудятся часовъ до шести, до семи вечера. Послѣ этого они идутъ въ клубъ, выпиваютъ тамъ стаканъ, два виски или идутъ къ себѣ домой, берутъ ванну, переодѣваются, обѣдаютъ, можетъ быть, даже поѣдутъ въ театръ и, прежде чѣмъ наступитъ полночь, уже лежатъ въ постели. Завтрашній день будетъ такой же, какъ сегодняшній, и такъ всю жизнь.

Всякій знаетъ, что слуги въ отелѣ прислуживаютъ вамъ и чуть не свистятъ.

Какъ-то разъ утромъ дверь моей комнаты открывается и ко мнѣ входитъ длинный молодой человѣкъ, бритый, въ котелкѣ, съ черной салфеткой подъ мышкой и, не поздоровавшись со мной, не снявъ даже шляпы, лаконически произноситъ:

— Вы, кажется, спрашивали стенографа?

— Нѣтъ.

Молодой человѣкъ не произноситъ ни одного слова, ни одного жеста и уходитъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстна привычка нѣмецкихъ слугъ: сто разъ на дню здороваться и прощаться съ вами при каждомъ вашемъ появленіи или уходѣ изъ гостинницы. Здѣсь вы на это пожаловаться не можете. Входите или выходите, на васъ никто не обращаетъ вниманія. Никто изъ слугъ не раскланивается съ вами ни одного раза. Утромъ слуга приноситъ вамъ кофе въ вашу комнату, молча поднимаетъ шторы, кладетъ вамъ на столъ меню и карандашъ, чтобы сдѣлать помѣтку, и уходитъ, даже не взглянувъ на васъ. Въ концѣ концовъ привыкаешь къ этому, а когда находишься въ дурномъ расположеніи духа, то это даже пріятно.

На улицахъ въ трамваяхъ, когда кто-нибудь раскрываетъ ротъ, почти всегда видишь золотую пломбу. Первое время это составляетъ одно изъ развлеченій. У горничной, которая убираетъ мою комнату, имѣются двѣ золотыя пломбы. Разъ я видѣлъ негра, у котораго всѣ зубы были золотые. Контрастъ золота съ чернымъ цвѣтомъ лица былъ великолѣпенъ. Здѣсь рты служатъ чѣмъ-то вродѣ сберегательной кассы.

Я восхищаюсь хладнокровіемъ американцевъ. Въ ресторанѣ какой-то посѣтитель два раза просилъ слугу подмести полъ около его столика, такъ какъ кѣмъ-то тамъ было пролито немного соуса. Слуга, вслѣдствіе массы дѣлъ, не могъ никакъ исполнить приказаніе. Тогда этотъ господинъ, наружностью напоминавшій Леконта де-Лиля, съ длинными сѣдеющими волосами, вышелъ изъ зала и черезъ минуту вернулся съ половой щеткой, которой и замелъ къ ближайшему столу безпокоившій его соусъ. Затѣмъ онъ совершенно спокойно поставилъ щетку около своего столика. Мнѣ кажется, я былъ единственный человѣкъ, котораго заинтересовало это зрѣлище, такъ какъ остальные посѣтители не обратили на это ни малѣйшаго вниманія или, по крайней мѣрѣ, дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ.

* * *

31-го декабря въ Нью-Іоркѣ.

Я только-что сѣлъ вечеромъ за работу, какъ вдругъ около 11-ти часовъ услышалъ какой-то шумъ, поднимавшійся съ улицы Бродвэй, которая проходитъ почти подъ моими окнами. Это былъ, повидимому, гулъ огромной толпы, къ которому примѣшивались обычный грохотъ экипажей, свистки и звонки трамваевъ.

Я спускаюсь на улицу и присоединяюсь къ огромной толпѣ народа, которая направляется въ церковь Св. Троицы, чтобы тамъ встрѣтить Новый годъ.

Почти у каждаго прохожаго имѣется длинная труба изъ бѣлой жести, въ которую каждый, какъ мужчины, такъ и женщины, дуютъ что есть мочи. Звукъ, выходящій изъ подобной трубы, напоминаетъ нѣсколько звукъ автомобильнаго рожка, только болѣе громкій. Теперь представьте себѣ сто, двѣсти тысячъ человѣкъ, которые непрерывно трубятъ изо всей силы своихъ легкихъ, стараясь извлечь изъ своихъ инструментовъ насколько возможно громкій звукъ, и это на протяженіи улицы въ 20 километровъ. Вообразите еще при этомъ непрерывную вереницу трамваевъ, которые мчатся во всѣхъ направленіяхъ, звоня и гремя колесами. Кромѣ того, тамъ и сямъ воздушная желѣзная дорога пересѣкаетъ улицу съ оглушительнымъ грохотомъ.

Я далъ себя увлечь толпѣ, и хотя былъ совершенно оглушенъ этимъ адскимъ шумомъ, въ то же время былъ очарованъ неотразимо вели-

чественнымъ зрѣлищемъ. Радость и веселье толпы можно сравнить съ радостью дѣтей, когда имъ даютъ въ первый разъ трубу. Люди трубятъ что есть силы, подзадориваемые сосѣдями, желая во что бы то ни стало превзойти другъ друга. При этомъ толпа состоитъ почти исключительно изъ молодежи. Здѣсь, впрочемъ, были и солидные пожилые люди, съ бородой и въ пенснэ, рядомъ съ ними молоденькія дѣвушки, красивыя, граціозныя; я видѣлъ негровъ и негритянокъ,—эти не довольствовались одной трубой и часто трубили въ двѣ сразу.

Пройдя довольно длинное разстояніе, я съ трудомъ взобрался въ трамвай, направлявшійся къ церкви Св. Троицы. Оказалось, что и трамвай былъ биткомъ набитъ трубачами. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ церкви, тѣмъ сильнѣй становился шумъ. Я спросилъ, что означаетъ этотъ обычай.

— Это нашъ карнавалъ,—отвѣтили мнѣ.—Мы веселимся только разъ въ году, но зато ужь этотъ разъ какъ слѣдуетъ!

Обычай, какъ оказалось, введенъ голландцами, основателями Нью-Іорка. Въ Бостонѣ, напримѣръ, обычай этотъ не привился, да тамъ его и не позволили бы.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность: несмотря на сумасбродство толпы, никто не велъ себя непристойно, нигдѣ я не встрѣтилъ чего-нибудь похожаго на скандалъ или на ссору. Трубить какъ можно сильнѣе—вотъ единственная цѣль всѣхъ и каждаго.

Въ два часа ночи я слышалъ еще изъ своего четырнадцатаго этажа звуки трубъ и звонки трамваевъ, продолжавшихъ совершать рейсы. На другой день я былъ разбуженъ тѣмъ же трубнымъ звукомъ, раздавшимся въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ жилецъ шутилъ съ горничной.

XIV.

Въ деревнѣ.

Мы видѣли американцевъ на улицѣ, въ ресторанѣ, дома, намъ остается еще посмотрѣть ихъ во время отдыха, если только можно употребить это слово по отношенію здѣшнихъ жителей, т. е. въ деревнѣ.

Европейцы, переселившіеся въ Америку съ твердымъ намѣреніемъ нажить состояніе и превратившись въ какіе-то механизмы, тѣмъ не менѣе, не потеряли симпатіи, унаслѣдованной отъ предковъ, къ деревьямъ и зелени. Но даже и на лонѣ природы они по привычкѣ продолжаютъ торопиться.

Въ субботу, едва окончивъ работу, мужчины и женщины въ разнообразныхъ спортивныхъ костюмахъ наполняютъ поѣзда, отправляющіеся за городъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что одно и то же происходитъ въ это время на протяженіи всей Америки, отъ ледяныхъ равнинъ сѣвера до облитыхъ солнцемъ эльдорадо Луизіаны и Калифорніи. Это какая-то выставка мускуловъ Новаго Свѣта.

Общественными играми занимаются и интересуются больше всего низшій и средній классы общества. Богатые въ субботу заходятъ въ конторы лишь на минуту и затѣмъ уѣзжаютъ въ имѣнія, оставаясь тамъ до понедѣльника, а иногда и до вторника утра.

Что же они тамъ дѣлаютъ?

Чаще всего организуются такъ называемыя «party». Въ Америкѣ

очень гостепріимны. Гостятъ и у женатыхъ, и у холостыхъ. Такъ какъ безъ женскаго общества обойтись трудно и въ то же время иногда не хотятъ приглашать изъ-за одной дѣвушки все ея семейство, то придумали нѣкоторый компромиссъ. Молодая дѣвушка можетъ принять приглашеніе холостяка, молодого или стараго, безразлично, и не только пріѣхать къ нему, но даже прогостить у него нѣсколько дней, подъ условіемъ, что ее будетъ сопровождать какая-нибудь знакомая ей замужняя дама. Въ сущности, это дѣлается лишь съ единственною цѣлью соблюсти внѣшнія приличія, потому что мужчины въ Америкѣ такъ скромны и сдержанны, что для того, чтобы заставить ихъ на что-нибудь рѣшиться, нужно вызвать ихъ на это... Впослѣдствіи мы попытаемся объяснить эту психологію.

Я посѣтилъ нѣсколько американскихъ помѣстьевъ, и такъ какъ они всѣ похожи другъ на друга, то опишу здѣсь два или три наиболѣе типичныхъ.

Прежде всего, я хотѣлъ бы, воздавая должное, заплатить за оказанное мнѣ гостепріимство. Американецъ, который во время своего пребыванія въ городѣ превращается въ какую-то ужасную машину, вся энергія которой направлена лишь къ тому, чтобы подавить своего конкурента, дома у себя забываетъ свой эгоизмъ и становится вполнѣ цивилизованнымъ человѣкомъ. Въ этомъ онъ часто находитъ хорошую помощницу въ лицѣ своей жены,—женщины здѣшнія обладаютъ очаровательными качествами: гостепріимствомъ, общительностью и радушіемъ. Но я знаю также и холостяковъ, которые умѣютъ быть по отношенію къ своимъ гостямъ самыми любезными, самыми милыми хозяевами.

Когда хозяинъ привезетъ васъ со станціи къ себѣ домой, вы можете себя считать не у него въ гостяхъ, а у себя дома. Его домъ принадлежитъ вамъ. Онъ дѣлаетъ видъ, что больше не занимается вами, чтобы не оскорбить вашей свободы, тѣмъ не менѣе его хозяйскій глазъ или глазъ его слуги наблюдаетъ за вами и старается предупредить каждое ваше желаніе. Въ вашей комнатѣ вы находите всѣ ваши вещи разложенными въ полномъ порядкѣ, ваше бѣлье и платье убрано въ ящики и повѣшено въ шкапы, бѣлье для смѣны приготовлено на постели. Ванна готова. Слуги всѣ къ вашимъ услугамъ.

Утромъ вы можете спуститься къ завтраку въ столовую, а если не захотите, вамъ принесутъ его наверхъ. Каждый гость приходитъ въ свое время. Спать вы ложитесь, когда хотите, и можете быть увѣрены, что никакой крикъ не разбудитъ васъ.

Можетъ быть, вы желаете сдѣлать прогулку верхомъ или прокатиться въ каретѣ? Желаете вы править сами или возьмете кучера? Вы идете въ конюшню, выбираете себѣ лошадь или какой-нибудь экипажъ. Для большей вѣрности вы можете записать ваше желаніе наканунѣ на доскѣ въ конюшнѣ.

Я говорилъ вамъ, что въ деревенской жизни американца царитъ та же лихорадочная поспѣшность, которая такъ бросается въ глаза въ городѣ. Во время своихъ посѣщеній загородныхъ имѣній знакомыхъ американцевъ я имѣлъ случай наблюдать времяпрепровожденіе молодыхъ и пожилыхъ людей.

На всѣхъ виллахъ все такъ устроено, чтобы имѣть возможность въ любое время двигаться, дѣйствовать, наконецъ, что-нибудь дѣлать,

только чтобы не быть принужденнымъ говорить. По сравненію съ американцами мы самые ужасные болтуны! Когда не находишься на воздухѣ, когда не играешь въ пингъ-понгъ, въ скатъ, рулетку, то быстро поддаешься скукѣ. Поэтому все стараніе хозяина дома заключается въ томъ, чтобы безпрерывно находить предлоги для движенія, такъ сказать, придумывать, какъ убить время.

Вотъ примѣръ.

Молодая дѣвушка семнадцати лѣтъ, наслѣдница одного изъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, прелестное, хрупкое и граціозное созданіе, утромъ послѣ перваго завтрака отправлялась на прогулку верхомъ; вернувшись около полудня, она перемѣняла туалетъ и садилась за второй завтракъ, послѣ чего уѣзжала въ экипажѣ. Черезъ полтора часа она возвращалась назадъ, появлялась въ салонѣ и здѣсь сейчасъ же первому попавшемуся кавалеру предлагала прогуляться съ ней пѣшкомъ. Черезъ полчаса, иногда черезъ три четверти часа она уже приходила обратно и на полчаса присаживалась играть въ пингъ-понгъ.

Но день еще не весь. Къ тому же она еще не играла въ теннисъ. И вотъ въ продолженіе часа она играетъ въ утомительный комнатный теннисъ, такъ называемый «squach».

Вы, вѣроятно, рѣшите, что послѣ всѣхъ этихъ развлеченій дѣвушка пожелаетъ отдохнуть? Однако, ваше предположеніе совершенно невѣрно. Послѣ обѣда я видѣлъ, что дѣвушка еще играла въ пингъ-понгъ, а нѣсколько позднѣе въ другую игру—«охоту».

— Вы, должно быть, никогда не читаете, мадмуазель?

— Нѣтъ, конечно, читаю.

— Но когда же?

— Когда у меня бываетъ свободное время.

— А когда вы занимаетесь разговоромъ?

— Во время прогулки верхомъ, въ каретѣ; за столомъ.

— То есть только тогда, когда вы бываете заняты чѣмъ-нибудь другимъ.

У каждаго милліонера есть свой «конекъ». Рокфеллеръ и Кэрнеджи истратили довольно крупныя суммы, чтобы приспособить прэріи для игры въ гольфъ. Гульдъ гордится своимъ полемъ для игры поло. У Джемса Гайда слабость къ лошадямъ.

Вилла Гайда находится на Бай-Шорѣ, на печальномъ меланхолическомъ берегу, омываемомъ мертвыми волнами. Вилла похожа на старинный деревянный замокъ въ колоніальномъ стилѣ, который и до сихъ поръ въ большой модѣ. Здѣсь находится большая часть лошадей Гайда. Мнѣ часто приходилось слышать, что конюшни Бай-Шора лучшія во всей Америкѣ. Здѣсь есть спеціальный залъ для сбруи; далѣе идетъ залъ попонъ и ковровъ; третій—для мытья металлическихъ вещей, затѣмъ—залъ сушки; слѣдующій—для подковыванія лошадей; въ залѣ сѣделъ находится цѣлый музей старинной упряжи, кнутовъ, сѣделъ, уздечекъ; громадный залъ отведенъ для каретъ: я насчиталъ здѣсь двадцать восемь различныхъ родовъ экипажей.

Конюшня содержится не хуже столовой: стойла покрыты лакомъ, повсюду чистота прямо изумительная, въ воздухѣ ни малѣйшаго запаха. Рядомъ съ конюшней находится небольшой залъ, гдѣ устроенъ бассейнъ. Сюда приводятъ лошадей, которыя послѣ большого пути нужда-

ются въ ножной ваннѣ. Кормъ лошадямъ засыпается при помощи особо устроеннаго механизма.

Персоналъ конюшни весьма многочисленный. Имъ распоряжается Франсуа Гильо, парижанинъ, шесть лѣтъ служившій у Вандербильта и бывшій кучеромъ у генерала Буадефра, съ которымъ ѣздилъ на коронованіе императоръ Николай II. Помѣщеніе, отведенное для него при конюшнѣ, своей роскошью можетъ внушить зависть даже богатымъ французскимъ буржуа. Гильо пользуется большимъ уваженіемъ у своего господина. Одна дама, обходя конюшни, пришла въ восторгъ при видѣ какой-то лошади. Гильо очень спокойно выслушалъ ее и отвѣтилъ:

— Вамъ стоитъ только сказать г-ну Гайду, и я увѣренъ, что онъ подаритъ вамъ эту лошадь.

Я еще теперь слышу смѣхъ Гайда, разсказывавшаго мнѣ этотъ анекдотъ.

Контора управляющаго конюшней тоже достойна осмотра. Здѣсь тысяча звонковъ и цѣлая масса телефоновъ. Полъ устланъ мягкими коврами, повсюду разставлены канапе, диваны, мягкія кресла, стулья; столы уставлены стариннымъ фарфоромъ, фотографіями лошадей, скачекъ; на стѣнахъ висятъ призовыя ленты, сувениры, фотографическіе снимки видовъ. Рядомъ съ конторой кухня, что даетъ возможность иногда устраивать здѣсь ужины, болѣе веселые, чѣмъ въ самомъ замкѣ. У меня въ памяти остался одинъ такой ужинъ. На дворѣ было 15° ниже нуля. Дамы надѣли на головы старинныя шляпы почтовыхъ кучеровъ и шапки тореадоровъ, а затѣмъ всѣ танцовали кэкъ-уокъ.

Въ деревнѣ не стѣсняются злоупотреблять виски. Я помню, что въ одинъ вечеръ мы выпили девяносто бутылокъ содовой воды съ виски и при этомъ насъ было не больше десяти человѣкъ. Обыкновенно часовъ съ десяти вечера виски является главнымъ деревенскимъ развлеченіемъ мужчинъ. Американецъ довольно холоденъ. При томъ же онъ утомленъ вдвойнѣ дѣловой жизнью и спортомъ. Окончивъ свой трудовой день, онъ уже не въ состояніи придумывать развлеченія для себя и для другихъ. Между тѣмъ, ему необходимо возбудить себя чѣмъ-нибудь, и въ этомъ отношеніи виски незамѣнима.

Женщины тѣ веселѣе. Естественныя, нестѣснительныя, онѣ являются прекрасными товарищами, всегда готовыми посмѣяться и поразвлечься. Шарады, которыя разыгрываются иногда по вечерамъ, проходятъ весело только благодаря живости и находчивости американокъ.

Припоминаю одну «party» у знаменитаго адвоката Кохрана въ его помѣстьѣ Лонгъ-Айлэндъ. Былъ какой-то американской національный праздникъ и къ нему пришли со всѣхъ концовъ острова, такъ какъ Кохранъ любимецъ всѣхъ американокъ. Я неразъ слышалъ, какъ его соотечественницы съ необыкновеннымъ жаромъ говорили о немъ. У него имѣются «кліентки» буквально во всѣхъ городахъ Сѣверной Америки.

Итакъ, въ этотъ именно день одна изъ дамъ ввела меня къ нему въ домъ, гдѣ уже было болѣе сорока человѣкъ гостей. Вскорѣ раздался звукъ негрской гитары «benjo», наигрывающей популярные мотивы кэкъ-уока. Минуту спустя серьезные солидные люди, адвокаты, банкиры, судьи, доктора, литераторы, не будучи въ состояніи устоять передъ искушеніемъ, вскочили съ своихъ мѣстъ и пошли шаркать и притопывать по полу.

Здѣсь впервые понялъ я, что можно быть человѣкомъ занятымъ

важными дѣлами, можно быть великолѣпнымъ ораторомъ, геніальнымъ финансистомъ, ученымъ и въ то же время веселиться, какъ простой смертный, не боясь показаться смѣшнымъ и не унижая собственнаго достоинства.

XV.

Въ деревнѣ (продолженіе).

Субботникъ у Джорджа Гульда.

Имѣніе Гульда находится тоже на Лонгъ-Айлэндъ.

Въ Европѣ существуетъ общее мнѣніе, что сыновья американскихъ милліардеровъ являются полнѣйшими дегенерантами, а если не дегенерантами, то кутилами, такъ какъ всѣмъ кажется странной мысль, чтобы человѣкъ, получившій въ наслѣдство нѣсколько милліоновъ, могъ еще заниматься дѣлами. Джорджъ Гульдъ, сынъ основателя династіи Гульдовъ, являетъ собой самое яркое опроверженіе распространившагося въ Европѣ убѣжденія.

Послѣ часового путешествія по печальному монотонному пейзажу, усѣянному деревянными домишками и рѣдкими деревушками, подъѣзжаешь къ Лэквуду, зимней станціи Нью-Джерсея, застроенной элегантными виллами.

Проѣхавъ мимо безконечной рѣшетки, карета въѣзжаетъ въ монументальныя ворота, сложенныя изъ камня и кирпича; по правую руку тянутся конюшни, которыя быстро минуешь и останавливаешься передъ крытымъ перистилемъ, гдѣ уже ожидаютъ слуги. Здѣсь отдаешь свой багажъ и отправляешься пройтись по помѣстью.

Передъ посѣтителемъ разстилается громадный садъ, разбитый во французскомъ вкусѣ по образцу Версаля. Такъ какъ имѣніе пріобрѣтено еще недавно, то деревья невысоки и позволяютъ окинуть однимъ взглядомъ большое пространство. Въ центрѣ идетъ широкая аллея, усыпанная голубымъ гравіемъ и обрамленная двумя аллеями, поужè, которыя отдѣлены отъ главной лентами зеленаго газона. Въ самомъ концѣ аллеи находится большой мраморный бассейнъ, украшенный монументальнымъ фонтаномъ. По всей аллеѣ разставлены вазы въ стилѣ Ренессансъ, мраморныя скамьи и кресла въ итальянскомъ стилѣ XVI вѣка, локотники которыхъ изображаютъ химеры, ножки—крылатыхъ львовъ, спинки же украшены различными орнаментами. При видѣ этихъ креселъ невольно воображаешь себѣ какого-нибудь маркиза д'Эсте, сидящаго здѣсь въ спокойной позѣ.

На каждомъ поворотѣ, а таковыхъ здѣсь много, красуются вазы или статуи. Повсюду лежитъ снѣгъ, только аллеи расчищены и усыпаны голубымъ гравіемъ, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ дѣвственной бѣлизной снѣга. Кромѣ статуй, скамеекъ и вазъ, здѣсь можно встрѣтить еще фонтаны, мраморные портики и высокія бронзовыя канделябры съ электрическими лампочками. Какой путь должны были сдѣлать всѣ эти шедёвры, чтобы прибыть сюда? Многочисленные агенты въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ отыскивали ихъ въ разныхъ виллахъ Флоренціи и старинныхъ дворцахъ Рима и Венеціи. Глубокое молчаніе царитъ надъ этимъ пейзажемъ, нарушаемое лишь изрѣдка отдаленнымъ звукомъ кондукторскаго рожка.

Это было второе ощущеніе красоты, испытанное мною въ Америкѣ.

Надъ этимъ версальскимъ садомъ возвышается огромное каменное здание съ стеклянной крышей, устроенное специально для спорта. Прежде сего здѣсь помѣщается залъ для манежа, не уступающій любому цирку и гдѣ свободно могутъ двигаться и повертываться двѣ или три запряжки: здѣсь объѣзжаютъ лошадей. Далѣе идетъ гимнастическій залъ, гдѣ находятся всевозможные аппараты и инструменты. Одинъ залъ отведенъ для игры въ squacћ (комнатный теннисъ) для двухъ игроковъ, другой залъ для четырехъ игроковъ; затѣмъ громадный залъ для игры въ мячъ, сарай для автомобилей, гдѣ я насчиталъ пять экипажей, изъ которыхъ одинъ былъ спеціально дѣтскій. Въ одномъ изъ угловъ я увидѣлъ цѣлую груду свернутыхъ въ кольца сѣрыхъ змѣй—это были запасныя шины. Одинъ залъ для билліарда, уставленный диванами, канапе, стѣны котораго украшены старыми англійскими гравюрами. Роскошь всѣхъ этихъ помѣщеній и спортивная атмосфера, царящая здѣсь, невольно пробуждаютъ въ памяти древній Римъ.

Возвращаясь со своей прогулки, я встрѣтилъ г-жу Гульдъ, ѣхавшую въ коляскѣ. Веселая и красивая, она усадила меня рядомъ съ собой, и мы пріѣхали въ то зданіе, которое я вамъ только-что описалъ. Тамъ мы нашли самого Гульда, который извинился, что былъ застигнутъ нами въ купальномъ пенюарѣ. Онъ только-что игралъ въ squacћ и затѣмъ принималъ душъ. Два его старшихъ сына, также въ купальныхъ костюмахъ, стояли тутъ же.

Гульдъ брюнетъ, лѣтъ сорока, съ короткой черной бородкой, съ быстрымъ и умнымъ взглядомъ, съ серьезнымъ и энергичнымъ лицомъ. Онъ привѣтствовалъ меня на великолѣпномъ французскомъ языкѣ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ.

Проходя по зданію, мы на одну минуту остановились въ конторѣ Джорджа Гульда, такъ какъ милліонерамъ приходится работать даже и въ деревнѣ. Контора его не только соединена телефономъ со всѣми отдѣльными частями его имѣнія, но даже съ его конторой въ Нью-Іоркѣ. Такимъ образомъ онъ въ любой моментъ можетъ быть освѣдомленъ обо всѣхъ событіяхъ, интересующихъ его. Стѣны и столы маленькой конторы были покрыты планами и картами. Когда я съ любопытствомъ сталъ разсматривать какой-то планъ, длиною въ нѣсколько метровъ, Гульдъ проговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Это планъ желѣзной дороги, которую мы намѣреваемся улучшить. Путь пересѣкается нѣсколькими возвышенностями, которыя замедляютъ движеніе и не позволяютъ пускать сразу большое количество вагоновъ. Мы хотимъ при помощи двухъ или трехъ сотъ милліоновъ прорыть въ нѣкоторыхъ горахъ туннели, а нѣкоторые холмы срыть совершенно, и тогда вмѣсто двадцати вагоновъ наши локомотивы будутъ въ состояніи везти шестьдесятъ. Тогда весь хлѣбъ изъ центровъ станетъ посылаться черезъ Арканзасъ.

Его тонкій палецъ чертилъ на бумагѣ воображаемую линію, и было ясно, что онъ зналъ все дѣло до тонкости. Такъ какъ передо мной стоялъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей Америки, я воспользовался случаемъ, чтобы задать ему нѣсколько вопросовъ, которые уже давно вертѣлись у меня въ головѣ.

— Неужели вы всегда будете работать?—спросилъ я его.—Когда вы остановитесь?

— Я вѣдь не работаю ради денегъ, — отвѣтилъ очень просто хо-

зяинъ.—Я уже достаточно богатъ, чтобы удовлетворять всѣ свои желанія. Я работаю для увеличенія своей власти, ради того, чтобы видѣть, какъ вокругъ моихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ сказать, по моей волѣ, выростаютъ города, чтобы видѣть, какъ на мѣстѣ дѣвственныхъ лѣсовъ появляются хлопчатобумажныя поля и какъ, наконецъ, цѣлыя горы хлопка отправляются въ Лондонъ, Ливерпуль, по всему міру.

— И вслѣдствіе этого вы себя считаете счастливымъ и ничего не желаете другого?

— Да, я счастливъ. Я люблю свое дѣло, люблю домъ, своихъ дѣтей, жену, друзей и спортъ.

Зданіе спорта и великолѣпный садъ ничто съ тѣми богатствами, которыя мнѣ довелось видѣть вечеромъ на виллѣ. Обѣдъ, поданный въ прелестной столовой съ зелеными обоями, былъ замѣчателенъ по восей роскоши. На концахъ стола, покрытаго орхидеями, заняла мѣста чета Гульдъ, окруженная своими друзьями. Мое положеніе иностранца дало мнѣ возможность занять почетное мѣсто по правую руку отъ хозяйки дома и я могъ во все продолженіе обѣда любоваться на этихъ счастливыхъ людей, утопавшихъ въ царской роскоши.

Г-жа Гульдъ—женщина въ полномъ расцвѣтѣ красоты: ея мягкій музыкальный голосъ, ея бархатистые глаза, чуть-чуть смуглый цвѣтъ кожи, ея правильныя черты лица и очаровательныя манеры имѣютъ въ себѣ что-то итальянское, и это впечатлѣніе усиливается еще больше, когда смотришь на ея чистый и тонкій профиль. Глядя на нее, я сдѣлалъ одно наблюденіе, а именно, что драгоцѣнности идутъ только къ счастливымъ смѣющимся лицамъ.

Разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ на трестахъ—на хорошихъ и дурныхъ трестахъ. Керосиновый трестъ, напримѣръ,—хорошій трестъ, такъ какъ онъ клонится къ общественной пользѣ, потому что публика платитъ за керосинъ дешевле, чѣмъ прежде. Наоборотъ, мясной трестъ—дурной трестъ, потому что въ три года цѣна на мясо поднялась на двадцать пять процентовъ. Но эти тресты неопасны, такъ какъ государство слѣдитъ за ними и въ настоящее время собирается съ ними покончить.

Разсуждали также о чувствительности американокъ и сравнивали ихъ съ женщинами латинской расы. Предметъ для разговора чрезвычайно деликатный и обширный, которымъ можно наполнить цѣлый день.

Въ сосѣдней комнатѣ игралъ оркестръ, служившій какъ бы аккомпаниментомъ къ разговору.

Г-жа Гульдъ не понимаетъ по-французски, хотя своихъ дѣтей обучаетъ этому языку. Мнѣ пришлось поэтому цѣлый вечеръ говорить по-англійски, причемъ вѣжливые хозяева съ похвалой отзывались о моемъ произношеніи, чему я вполнѣ обязанъ своему учителю Берлицу.

Послѣ обѣда появилась читательница мыслей, которая всѣхъ насъ поразила своимъ искусствомъ. Около полуночи всѣ пошли спать.

На другой день я могъ осмотрѣть домъ во всѣхъ подробностяхъ.

XVI.

Загородныя виллы.

Теперь я опишу вамъ виллу Джорджа Гульда, салоны, корридоры, вестибюли, украшенные произведеніями Рембрандта, Каро, Лауренса, Кюйнера, Ванъ-деръ-Неера, Рейнольда, Руссо, Милле, Греза, Фортюни,

Гэнебороу, Ватто, Франца Гальса, Гоббема, Жаккэ, Фромантена, Жерарда Доу, Мейссонье, бронзами Гудона, Бари и Богъ знаетъ еще кого, не считая двухъ прекрасныхъ портретовъ кисти Шартрона и Каролюса Дюрана.

Подробное описаніе виллы вышло бы вродѣ длиннаго перечня произведеній искусствъ, съ главами для старинныхъ и рѣдкихъ книгъ, коллекцій рѣдкихъ эстамповъ, серебряныхъ и древнихъ китайскихъ вазъ, деревянныхъ инкрустированныхъ ящиковъ, флорентинскаго оружія, персидскихъ ковровъ. Поэтому я удовольствуюсь тѣмъ, что дамъ вамъ лишь идею расположенія и общаго характера виллы.

Обширный салонъ непосредственно соприкасается съ широкимъ вестибюлемъ виллы. У дверей стоятъ неподвижно фигуры рыцарей эпохи Возрожденія, закованныя въ латы, вооруженныя копьями. Четыре порфировыя колонны поддерживаютъ мраморный балконъ съ золоченой рѣшеткой, откуда ниспадаютъ тяжелыя златотканныя матеріи. Направо отъ входа большой мраморный каминъ въ итальянскомъ вкусѣ съ колоннами, украшенными золоченой скульптурой, поддерживаемый двумя мраморными ангелами съ серебряными украшеніями. На каминной доскѣ стоятъ три севрскія вазы и двѣ маленькія статуэтки такой дивной работы, что ихъ невольно принимаешь за произведенія Фальконета. Вокругъ комнаты по стѣнамъ тамъ и сямъ набросаны фрески, кисти Сарджента. Съ перилъ лѣстницы, тоже золоченой, которая ведетъ въ салонъ, свѣшиваются дивныя ткани. На полу разостланъ мѣхъ тигра и бѣлаго медвѣдя. Въ комнатѣ разставлены широкія большія кресла золоченаго дерева, обитыя краснымъ бархатомъ, затканнымъ золотомъ.

Въ первомъ этажѣ находятся полдюжины салоновъ и зимній садъ. Одна изъ комнатъ устлана коврами Бове XVIII вѣка; на стѣнахъ изображены пастушки и пастухи въ парикахъ, эпохи Людовика XV; другой салонъ покрытъ коврами Обюссона и украшенъ великолѣпнымъ мраморнымъ каминомъ; въ витринахъ разложены табакерки, статуэтки изъ слоновой кости, вѣера, золотыя коробочки для мушекъ, обрамленныя бриллiантами, коллекція саксонскаго фарфора, медалей, старинныхъ кружевъ, вышивокъ, драгоцѣнныхъ эмалей... Съ той и другой стороны витринъ поставлены вазы съ розами.

Въ ротондѣ виллы находится зимній садъ съ стекляннымъ куполомъ. Повсюду разставлены зеленыя растенія, пальмы, апельсинныя деревья; съ стекляннаго купола спускаются орхидеи; великолѣпныя розы, фіалки наполняютъ ароматомъ нѣсколько влажный воздухъ; въ одномъ изъ угловъ устроенъ гротъ, покрытый мхомъ и зеленью, которую освѣжаетъ журчащій источникъ. Смѣющіяся мраморныя фигурки дѣтей выглядываютъ изъ зелени.

Въ слѣдующемъ этажѣ расположены внутренніе апартаменты. Вотъ, напримѣръ, комната въ стилѣ Людовика XV; кровать маркетри, на стѣнѣ виситъ картина Каро; рядомъ другая комната, обитая бѣлой и розовой матеріями; кровать золоченая, съ высокимъ балдахиномъ, который увѣнчанъ гирляндами изъ розъ, широкія кружевныя ленты ниспадаютъ внизъ; полъ устланъ бѣлымъ мѣхомъ; въ комнатѣ разставлены низкія кресла, обитыя старинными матеріями. Въ сосѣднемъ будуарѣ —масса драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ, всѣ туалетныя принадлежности изъ золота, на стѣнахъ висятъ картины Жаккэ, Милле, Руссо.

Въ тотъ моментъ, когда я прохожу въ корридоръ, горничная открываетъ одинъ изъ бѣльевыхъ шкаповъ: тонкій ароматъ доносится до

меня, и я мимоходомъ замѣчаю въ открытомъ ящикѣ шелковыя розовыя саше и цѣлое море кружевъ и батиста.

Немного дальше находятся дѣтскія комнаты, очень свѣтлыя, очень простыя. Небольшая деревянная постель, ночной столикъ и распятіе на стѣнѣ. На консолѣ стоятъ фотографіи отца и матери. Въ сосѣдней комнатѣ хранятся всевозможныя игрушки и куклы. Сами дѣти, ихъ пять, очень благовоспитаны, скромны и просты, незастѣнчивы и въ то же время не черезчуръ рѣзвы. Отецъ обращается съ мальчиками по-товарищески и очень наблюдаетъ за ихъ воспитаніемъ. У дѣвочекъ видъ болѣе рѣшительный и онѣ нѣсколько живѣе.

Въ продолженіе двухъ дней, прожитыхъ мною на виллѣ, жизнь тамъ прямо била ключомъ. Экипажи почти безпрерывно уѣзжали и подъѣзжали по дорогамъ, покрытымъ снѣгомъ. Каждый и каждая выбирали себѣ лошадей, экипажи, залы для гимнастики и время для купанья. Все время шла игра въ пингъ-понгъ, на билліардѣ, въ карты. Всѣ чувствовали себя весело, непринужденно. Многочисленная прислуга немедленно исполняла каждое приказаніе.

Въ понедѣльникъ утромъ вилла опустѣла. Всѣ возвратились въ Нью-Іоркъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. На завтракѣ въ понедѣльникъ насъ было только двое мужчинъ въ обществѣ пяти женщинъ. Пристыженные нашей праздностью, мы уѣхали со слѣдующимъ поѣздомъ въ Парижъ.

У г-жи Маккэй.

Я былъ приглашенъ на завтракъ въ Рослинъ. Чтобы добраться до мѣста назначенія, мнѣ пришлось на пароходѣ переѣхать Гудзонъ и затѣмъ просидѣть часъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Поѣздъ останавливается въ Гарборъ-Гиль. Г-жа Клара Маккэй взяла на себя трудъ выѣхать встрѣтить меня на станцію. Я былъ и польщенъ этимъ знакомъ вниманія, и восхищенъ прекрасной рысью ея лошадей. Холодъ былъ ужасный, я могъ какъ угодно кутаться въ свою шубу и завертываться мѣховой полостью, мой носъ, тѣмъ не менѣе, буквально уменьшался въ своемъ объемѣ, а уши теряли свою эластичность. Г-жа Маккэй, наоборотъ, весело болтала, точно сидѣла у пылающаго камелька. Она лишь чуть-чуть порозовѣла подъ своей кружевной вуалью и шляпой изъ черныхъ перьевъ. Ей—22—23 года, у ней чудные волосы и стройная талія. Она говоритъ по-французски, какъ истая парижанка, безъ малѣйшаго акцента, знаетъ великолѣпно французскую литературу и сама пишетъ по-англійски философско-критическія статьи.

Для иностранца подобное знакомство чистая находка... Но этотъ пронзительный холодъ замораживаетъ всѣ теплыя фразы благодарности. Быстрый бѣгъ коней позволяетъ все же мнѣ, хотя и бѣгло, оглянуть окрестности и красивый лѣсъ, по которому мы проѣзжаемъ... Два-три года тому назадъ паркъ этотъ былъ дѣвственнымъ лѣсомъ. При помощи безчисленнаго количества рабочихъ рукъ его расчистили и привели въ теперешній благообразный видъ.

Вскорѣ экипажъ останавливается передъ подъѣздомъ монументальнаго замка. Пейзажъ имѣетъ печальный характеръ. Деревья покрыты инеемъ, окрестныя поля—дѣвственной бѣлизны снѣгомъ, который вдали сливается съ сѣрой поверхностью океана или неба—разобрать трудно,

такъ какъ, несмотря на солнце, горизонтъ затуманенъ опаковыми испареніями.

Фасадъ, простой по стилю, носитъ слѣды изысканнаго вкуса. Каменныя скамьи и два мраморныхъ льва, играющихъ съ шарами, украшаютъ перронъ.

Длинный и широкій корридоръ въ тридцать метровъ длины идетъ передъ салонами нижняго этажа. Слуги въ ливреяхъ стоятъ передъ дверьми. Въ первомъ салонѣ, гдѣ пылаетъ каминъ, на полу разостланы мѣха бѣлыхъ и бурыхъ медвѣдей. Мебель обита краснымъ бархатомъ, а деревянныя части сдѣланы изъ темнаго дуба. На стѣнахъ я насчиталъ тридцать три оленьихъ головы. Немного далѣе расположенъ громадный залъ, вышиной въ два этажа, съ высокими колоннами изъ зеленаго мрамора, съ каминомъ, высѣченнымъ въ стилѣ Ренессансъ и вывезеннымъ, вѣроятно, за большія деньги изъ Франціи или Италіи. На стѣнахъ четыре гобелена съ изображеніями сценъ изъ миѳологіи; всѣ четыре куплены у какого-то владѣтельнаго князя. По этому залу прогуливаешься точно по какому-нибудь музею. Въ немъ нѣтъ интимности, не чувствуется личной жизни. Такъ и ждешь, что сейчасъ увидишь аллебардщиковъ, услышишь стукъ мужскихъ сапогъ, звяканье шпоръ, бряцаніе оружія. Дѣйствительно, французскіе и итальянскіе замки строились для людей праздныхъ, увлекавшихся лишь битвами и которые по мѣсяцамъ не заглядывали къ себѣ домой. Въ Америкѣ же до сихъ поръ не существуетъ празднаго класса людей. Здѣсь всѣ работаютъ. Хозяйкѣ дома невозможно, напримѣръ, устроить вечеринку съ мужчинами посрединѣ недѣли, въ субботу и въ воскресенье—да, но и только.

Вотъ направо салонъ Людовика XV, съ великолѣпной мебелью, съ портретомъ хозяйки дома кисти Шартрана; зимній садъ, выходящій на портикъ, который въ свою очередь соединяется съ паркомъ; на полу опять лежатъ мѣха бѣлыхъ медвѣдей, а между вѣтками деревьевъ порхаютъ птицы яркихъ разнообразныхъ цвѣтовъ, наполняющія воздухъ мелодичнымъ свистомъ. Въ окна можно видѣть обширный мраморный бассейнъ съ замерзшей водой, а далѣе безконечный лѣсъ.

Въ салонѣ Людовика XV находится бюро г-жи Маккэй. На полу брошено нѣсколько мѣховъ, на консоляхъ статуи. Я заглядываю однимъ глазомъ въ книжный шкапъ и успѣваю прочесть имена Флобера, Ренана, Мирбо, Мюссе, Метерлинка, Байрона, Тэна, Мольера, Анунціо, Монтэня.

Возвращаясь къ выходу, видишь лѣстницу, дубовыя перила которой настоящее чудо искусства. Но вотъ мы во внутреннихъ покояхъ: намъ приходится быстро миновать стѣны, затянутыя шелкомъ, мебель, обитую какой-то блѣднаго цвѣта матеріей, и, наконецъ, мы попадаемъ въ будуаръ, гдѣ величественно возвышается балдахинъ, гдѣ разставлены шэзъ-лонги, низкія кресла; затѣмъ идутъ комнаты, обитыя блѣдно-розовыми обоями и устланныя коврами того же цвѣта, затѣмъ комнаты съ голубой обивкой, уставленныя изысканною мебелью, и, наконецъ, ванная комната, которая является чудомъ изъ чудесъ. Въ углу комнаты находится ванна, въ громадномъ кускѣ желтаго съ черными жилами мрамора было высѣчено пять или шесть ступеней, а затѣмъ довольно глубокое овальное углубленіе. На столахъ, покрытыхъ салфетками, размѣщены тысячи женскихъ бездѣлушекъ. Мраморъ вывезенъ изъ Италіи, причемъ два первые куска разбились, и это былъ уже третій.

Не стану описывать ни комнатъ для пріѣзжающихъ, ни кухни, ни

конюшенъ, такъ какъ на все это понадобилось бы еще не одинъ десятокъ страницъ, скажу только, что замокъ Рослинъ построенъ Джономъ Маккэемъ, знаменитымъ прокладывателемъ трансатлантическихъ кабелей. Г-жа Маккэй потратила цѣлый годъ для окончательной отдѣлки и меблировки замка. Много милліоновъ ушло у нея на это дѣло. Но прогуливаясь со мной по парку, она подвела меня къ маленькой хижинѣ, укрѣпленной на крутомъ обрывѣ, и сказала:

— Вотъ сюда прихожу я каждый день писать и только здѣсь я чувствую себя совершенно счастливой.

XVII.

Clearing House.

Это финансовое учрежденіе существуетъ только въ одномъ Нью-Іоркѣ, причемъ организація его въ одно и то же время столь проста и столь необыкновенна, что я не могу, чтобы не объяснить его вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Clearing House—учрежденіе частное, существующее на средства нью-іоркскихъ банковъ и гдѣ въ пятнадцать минутъ умѣютъ исполнять то, на что во всякомъ другомъ мѣстѣ ушло бы четыре или пять дней.

Извѣстно, что чеки, выданные на одинъ банкъ, нерѣдко уплачиваются другими банками, прежде чѣмъ попасть по мѣсту назначенія. Чтобы разсчитываться между собою, банки должны прибѣгать къ сложной перепискѣ. Въ Нью-Іоркѣ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было происходитъ обмѣнъ чеками, такъ какъ здѣсь даже въ ресторанахъ принято расплачиваться чекомъ. Чтобы облегчить колоссальное счетоводство и избѣжать потерю времени при разсчетѣ банка съ банкомъ, учредили Clearing House, т. е. разсчетную палату.

Въ Волстритъ находится обширный залъ, съ стеклянным потолкомъ и уставленный шестьюдесятью маленькими пюпитрами, за которыми сидятъ служащіе шестидесяти банковъ. Служащіе приходятъ сюда немного раньше десяти часовъ утра; каждый банкъ представленъ двумя конторщиками. Одинъ сидитъ за своимъ пюпитромъ, другой стоитъ съ чеками, уплаченными наканунѣ его банкомъ за счетъ другихъ банковъ. Сидящій служащій принимаетъ чеки, которые были уплачены другими банками за счетъ его банка.

Ровно въ десять часовъ утра предсѣдатель, сидящій въ концѣ зала на возвышеніи, объявляетъ открытіе Clearing House. Тогда служащіе различныхъ банковъ съ пачками чековъ дефилируютъ по очереди передъ каждымъ пюпитромъ и передаютъ свои чеки. Каждая пачка чековъ имѣетъ надпись, на которой указана общая сумма уплаченныхъ по ней денегъ. По мѣрѣ поступленія пачекъ сидящій у пюпитра служащій выписываетъ общую сумму на особый листъ бумаги. Когда всѣ чеки переданы, онъ подсчитываетъ записанныя суммы, и такимъ образомъ выясняется цифра, уплаченная разными банками за счетъ его банка.

Каждый банкъ, подсчитавъ общую сумму, выплаченную за него наканунѣ другими банками, и предъявивъ имъ тѣ иски, которые онъ выплатилъ за нихъ, съ точностью выясняетъ остатокъ въ ту или другую сторону. Такимъ образомъ онъ сейчасъ же можетъ видѣть, онъ ли долженъ милліонъ долларовъ или ему должны милліонъ долларовъ. По уставу учрежденія каждый банкъ, оставшійся должнымъ, обязанъ вне-

сти въ кассу Clearing Hous'а въ тотъ же день до четверти перваго свой долгъ и до копейки разсчитаться съ кредитовавшими его банками, въ случаѣ же неисполненія банкъ немедленно объявляется несостоятельнымъ.

Можно ли придумать что-нибудь проще этой системы? Замѣтимъ здѣсь кстати, что служащій, если онъ хоть одинъ разъ ошибется въ своемъ подсчетѣ, немедленно же отстраняется отъ должности. Въ тотъ день, когда я присутствовалъ при операціяхъ этого учрежденія, общая сумма чековъ равнялось 113.925.479 долларовъ.

* *
*

Safe Deposit Company является однимъ изъ распространеннѣйшихъ учрежденій въ Америкѣ, причемъ то, которое находится въ Нью-Іоркѣ, самое значительное и усовершенствованное.

Въ подземельѣ, которое напоминаетъ нѣсколько подземную часть сцены, находится 25 тысячъ ящиковъ. Это какая-то Бастилія. Повсюду за вами слѣдятъ тысячи глазъ. Какъ только вы ступите на коверъ около порога, звонокъ, механизмъ котораго скрытъ отъ вашего взгляда и звука котораго вы не слышите, предупреждаетъ сторожа, который черезъ три или четыре секунды появляется передъ дверью. Чтобы проникнуть дальше, нужно открыть дверь, а дверь открывается лишь въ томъ случаѣ, если мраморный порогъ опустится въ землю на тридцать сантиметровъ. Дверь массивная, вся металлическая, съ сквозной рѣшеткой.

Внутри подземелья идутъ маленькіе корридоры съ небольшими каютками, куда вы можете уединиться, чтобы наполнить или опустошить вашъ несгораемый ящикъ.

Прежде чѣмъ войти, каждый кліентъ долженъ сказать пароль, имъ самимъ выбранный и который записанъ вмѣстѣ съ его фамиліей. Случается, что кліентъ забудетъ ключъ или свой пароль, и тогда приходится взламывать дверь, за что уплачивается отъ 25 до 50 франковъ за починку.

Для того, чтобы открыть несгораемый ящикъ, требуется употребить поочереди три разныхъ ключа.

Цѣна за пользованіе ящикомъ колеблется отъ 5 до 800 долларовъ, въ зависимости отъ размѣровъ ящика. Коммерческія фирмы имѣютъ собственные ящики громадныхъ размѣровъ. У нѣкоторыхъ сняты цѣлыя комнаты. У Гульда здѣсь имѣется ящикъ въ три метра вышины.

Чтобы внушить довѣріе публики, приняты самыя строгія мѣры предосторожности. Стража расхаживаетъ здѣсь день и ночь. Одному изъ сторожей я задалъ такой вопросъ:

— Что будетъ, если въ Нью-Іоркѣ начнутся уличные безпорядки и сюда ворвется толпа?

Сторожъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Видите надъ дверью эти трубы? При первомъ же сигналѣ все помѣщеніе наполнится горячимъ паромъ, который ослѣпитъ и сожжетъ въ одну минуту каждаго, кто осмѣлится проникнуть сюда.

— Ну, а если захотятъ поджечь или затопить ваши погреба?

— Когда двери заперты, то ни вода, ни огонь не могутъ проникнуть: наши стѣны и потолокъ болѣе чѣмъ въ метръ толщиной.

— А изъ служащихъ никто не можетъ оказаться невѣрнымъ?

— Всѣ служащіе при поступленіи должны представить рекомендацію по крайней мѣрѣ за десять лѣтъ безпорочной службы.

Прогуливаясь по корридорамъ, я видѣлъ нѣсколькихъ кліентовъ, занятыхъ пересчитываніемъ денегъ и не обращавшихъ на насъ никакого вниманія.

Сторожъ показалъ намъ открытый ящикъ и его сложную систему замковъ, которую я при всемъ желаніи не могъ понять.

Затѣмъ мы спустились еще на одинъ этажъ ниже. Сторожъ повсюду закрывалъ двери. Мы прошли по чугуннымъ ступенямъ, касаясь стальныхъ стѣнъ. Вдали виднѣлись массивныя металлическія рѣшетки. Можно было подумать, что находишься въ подземельѣ какой-нибудь тюрьмы. За рѣшетками ничего разобрать нельзя. Но вотъ сторожъ нажимаетъ кнопку, и электрическій свѣтъ разсѣиваетъ тьму: все пространство завалено слитками серебра. Нѣкоторые изъ этихъ слитковъ вѣсятъ болѣе 20 килограммовъ и каждый стоитъ не менѣе трехъ тысячъ франковъ. За ближайшей отъ меня рѣшеткой я насчиталъ 500 такихъ слитковъ.

Все это серебро положено сюда спекуляторами, ожидающими повышенія цѣны на серебро.

Далѣе я увидалъ какіе-то странные предметы, большей частью металлическіе, лежавшіе открытыми и завернутыми.

— Что это такое?

— Это машины или, вѣрнѣе, модели машинъ, положенныя сюда изобрѣтателями. У нихъ дома ихъ бы уже украли или проникли бы въ секретъ.

Я поспѣшилъ подняться наверхъ, такъ какъ иначе задохнулся бы въ этой тьмѣ, въ этой тяжелой атмосферѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ металломъ, который, казалось мнѣ, давилъ, угнеталъ меня.

Наверху мнѣ предложили посмотрѣть еще кое-что. «Safe Deposite Company» гарантируетъ сохранность несгораемыхъ шкаповъ, которые находятся внѣ его стѣнъ. Такъ, напримѣръ, общество взяло на себя охрану шкапа Пирпона Моргана, который находится на углу другой улицы.

Для этого ставятся другія уже условія. Такъ, напримѣръ, шкапъ можетъ быть открытъ и запертъ въ извѣстное время. Представитель отъ общества каждый разъ присутствуетъ при открываніи и запираніи шкапа. Автоматическій сигналъ, устроенный въ замочной скважинѣ, сообщается съ циферблатомъ, поставленнымъ въ бюро общества.

Такимъ образомъ моментъ открыванія или запиранія сейчасъ же отражается на циферблатѣ. Морганъ открываетъ шкапъ каждый день въ 10 часовъ 15 м. утра. Въ день моего посѣщенія онъ опоздалъ и циферблатъ показывалъ 10 ч. 16 м. Ровно въ половинѣ пятаго послѣ полудня шкапъ закрывается. Въ субботу онъ закрывается въ $2^1/_2$ ч., въ воскресенье не открывается совсѣмъ.

Если шкапъ станутъ взламывать, то электрическій токъ моментально сообщаетъ объ этомъ полиціи и обществу.

Вотъ какъ американскіе богачи хранятъ свои капиталы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XVIII *).

Ansonia.

Я посѣтилъ домъ, который по меньшей мѣрѣ такъ же замѣчателенъ, какъ отель Вальдорфа. Это громадный домъ въ 17 этажей съ 2.979 комнатами, раздѣленными на 300 квартиръ. Это самый большой домъ въ Америкѣ, онъ носитъ имя Ansonia. Домъ расположенъ на Бродвей, между 73-ей и 74-ой улицами. Своимъ бѣлымъ фасадомъ, скромными украшеніями и блѣдно-голубыми рѣшетками на балконахъ онъ составляетъ пріятный контрастъ среди унылыхъ однообразныхъ сосѣднихъ зданій.

Французъ-архитекторъ Поль Дюбуа счастливо разрѣшилъ трудную задачу придать архитектурный видъ 17-ти-этажному зданію, устроивъ въ немъ 3.000 удобныхъ комнатъ, однимъ словомъ, соединить искусство съ необъятнымъ. Весь нижній этажъ занятъ общими комнатами, которыя находятся въ полномъ распоряженіи жильцовъ. Здѣсь дамскіе будуары, пріемныя комнаты, концертный залъ, ресторанъ, кафэ, баръ, кладовая для храненія мѣховъ, табачная лавка, цвѣточница, магазинъ бумаги, почтовое бюро, аптекарь, докторъ.

Корридоры и вестибюли отдѣланы прямо роскошно: повсюду рѣзной дубъ, стѣны облицованы мраморомъ, полы устланы мягкими коврами. Само собой разумѣется, что повсюду имѣются подъемныя машины не только для жильцовъ и гостей, но даже для прислугъ и поставщиковъ, а двѣ для поднятія тяжестей, какъ-то: мебели, чемодановъ, піанино и пр. Въ каждой квартирѣ имѣется свой телефонъ.

Въ 16-омъ этажѣ находится столовая на 450 персонъ. Громадныя окна выходятъ на Гудзонъ. Видъ изъ нихъ великолѣпенъ. Всѣ стѣны и деревянныя части расписаны французскимъ художникомъ Викторомъ Дангономъ. Онъ исписалъ площадь болѣе 80 метровъ цвѣтами, то соединяя ихъ въ гирлянды, то разбрасывая ихъ букетиками съ рѣдкимъ сочетаніемъ красокъ. Здѣсь изображена вся флора Стараго и Новаго свѣта: розы, гвоздики, магноліи, бегоніи, незабудки, лиліи, маргаритки, орхи-

---

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин Лит.» кн. III, 1905 г.

ции, хризантемы разсыпаны передъ вашимъ взоромъ посреди изящной листвы. Потолокъ зала стеклянный; великолѣпныя натуральныя пальмы уходятъ подъ потолокъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить во всей Америкѣ. Въ Ansonia есть квартиры изъ двадцати комнатъ, цѣною въ 25.000 франковъ, и квартиры для одинокихъ въ 3.500 и 4.000 франковъ, состоящія изъ двухъ залъ, спальни и ванной. Средняя цѣна квартиръ 7.000—8.000 франковъ.

Нужно ли говорить, что въ каждой квартирѣ есть двѣ ванны: одна для господъ, другая для прислугъ?

Домъ безплатно доставляетъ отопленіе, электричество и дистиллированную воду. Повсюду вы можете найти холодную и горячую воду. Каждая квартира снабжена буфетомъ, вдѣланнымъ въ стѣну, печами и холодильниками. Вдоль всѣхъ стѣнъ корридоровъ устроены шкапы.

Въ подземельѣ находятся машины въ 2.000 лошадиныхъ силъ для производства теплоты, электричества и необходимой силы для приведенія въ дѣйствіе подъемныхъ машинъ; здѣсь же находится бассейнъ въ 32 метра длины и 8 метровъ ширины для безплатнаго пользованія. Бассейнъ этотъ наполненъ прѣсной водой, но при надобности въ него можно напустить морской воды. Рядомъ съ бассейномъ идутъ комнаты для отдыха и цѣлыя заведенія гидротерапіи и массажа. Каждая пядь земли утилизована, какъ внизу, такъ и наверху.

Постройка Ansonia обошлась въ 25 милліоновъ франковъ. Зданіе было начато въ 1899 году, а въ 1902 году въ немъ уже жили! Какой же процентъ приноситъ затраченный капиталъ? Я навелъ справки, и вотъ что мнѣ сказали: общій доходъ со всего дома достигаетъ 85.000 долларовъ въ годъ (1.700.000 руб.). Конечно, съ этой суммы нужно скинуть налоги и жалованье служащимъ. Въ одномъ только машинномъ отдѣленіи 42 служащихъ, а сколько ихъ на кухняхъ, ресторанахъ, на лѣстницахъ и т. д. Во всякомъ случаѣ расходы по эксплуатаціи не превышаютъ 150.000 долларовъ.

XIX.

Акваріумъ.

Красивые предметы, какъ менѣе всего полезные, очень встрѣчаются рѣдко въ Америкѣ, все же они существуютъ, и я буду описывать ихъ по мѣрѣ того, какъ они мнѣ будутъ попадаться.

Къ числу такихъ предметовъ принадлежитъ нью-іоркскій акваріумъ. Здѣсь находятся различные экземпляры рыбъ, которымъ удивляются любопытные иностранцы и вокругъ которыхъ по воскресеньямъ толпится народъ.

Однажды въ воскресенье послѣ полудня я тоже отправился туда. Акваріумъ лежитъ на берегу Гудзона, на Батарейной площади, на крайней оконечности косы, на которой расположенъ Нью-Іоркъ. Посреди центральнаго зала находятся просторные бассейны, въ которыхъ плещутся рыбы. Вокругъ стѣнъ за толстыми стеклами, совершенно такъ же, какъ въ другихъ акваріумахъ, живутъ и плещутся всевозможныя рыбы. Но этотъ залъ обходятъ обыкновенно наскоро, чтобы полюбоваться на другое, болѣе интересное зрѣлище. Это отдѣленіе вермудскихъ рыбъ.

Здѣсь вы видите широкихъ, плоскихъ рыбъ съ странною головизною вмѣсто головы; кожа у нихъ блестящая, на подобіе сатина, съ поперечными полосами великолѣпнаго голубого цвѣта, перемежающимися съ золотыми; ихъ глаза блестятъ, какъ черные брилліанты; у hog-fisch также вмѣсто головы какой-то странный комокъ; сама рыба узкая, какъ минога, и очень короткая. Затѣмъ здѣсь встрѣчаются квадратныя рыбы съ почти человѣческою головою, съ черными полосами. Spotted-moray походитъ на серебряную змѣю съ темно-красными крапинками; голова у этой рыбы приплюснутая, а хвостъ свертывается въ нѣсколько узловъ; ротъ у нея постоянно раскрытъ, а жабры такъ трепещутъ, что можно подумать, что она сейчасъ издохнетъ. Moon-fisch (луна-рыба) представляетъ изъ себя плоское круглое животное на подобіе серебрянаго блюда, плавники ея и хвостъ заострены, голова ея плоска и составляетъ полъ-туловища, остальная же часть туловища все время производитъ какія-то конвульсивныя движенія. Рядомъ съ этими круглыми и квадратными рыбами попадается треугольная. Есть здѣсь еще другія диковины-рыбы, формы которыхъ можетъ только выдумать японскій художникъ. Какія только чудеса ни водятся въ вермудскихъ водахъ!..

XX.

Замѣтки и наброски.

Какъ странно встрѣчать въ этой новой странѣ обломки прошлаго, обломки исторіи! Насколько населеніе относится къ нимъ безразлично (потому что странно предъявлять требованіе къ милліону европейцевъ, которые иммигрируютъ ежегодно въ Америку, чтобы они приходили въ восторгъ при видѣ неодушевленныхъ предметовъ, свидѣтелей важныхъ событій сто лѣтъ тому назадъ), настолько культурный классъ гордится относительною древностью предметовъ.

Такъ, молодая и красивая г-жа Вандербильтъ съ гордостью объявила мнѣ, что ея предки поселились въ Америкѣ съ 1642 года.

Церкви, которымъ насчитывается болѣе ста лѣтъ, представляютъ изъ себя историческіе памятники, и всѣ реликвіи, относящіяся къ войнѣ за независимость, заботливо собираются.

Этотъ феноменъ особенно хорошо можно наблюдать въ Бостонѣ. Бостонъ это столица новой Англіи, созданная квакерами, это колыбель зарождающагося аристократизма въ Америкѣ. Историческій бостонскій музей находится въ старой церкви, построенной въ 1729 году.

Вдоль стѣнъ подъ витринами можно видѣть самые невѣроятные предметы, самыя курьезныя вещи, которые свидѣтельствуютъ о наивномъ стремленіи къ исторіи и которые могутъ пробудить въ васъ самыя нѣжныя чувства или же заставить смѣяться. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ:

Кусокъ дерева отъ перваго дома протестантскаго пастора, построеннаго въ Салемѣ, который былъ первой столицей Масачузетса.

Кусокъ каштановаго дерева, срубленнаго въ 1874 году, которое существовало съ 1762 года.

Тулья соломенной шляпы, сплетенной восьмидесятилѣтней старухой.

Простой молитвенникъ, которому болѣе ста лѣтъ.

Кусокъ дерева отъ моста, построеннаго въ 1775 году, на которомъ произошло сраженіе между англичанами и американцами.

Столѣтняя шпага маіора.

Нѣсколько газетныхъ нумеровъ той же эпохи.

Фотографія черепа какого-то генерала.

Пуританскія исповѣди, написанныя рукою.

Книга отъ 1803 года въ деревянномъ переплетѣ.

Кусокъ дерева отъ дома прежняго бостонскаго губернатора.

Старый чемоданъ.

Тарелки и какіе-то горшки.

Кастрюля, сдѣланная изъ бронзы, взятой отъ колокола старинной церкви.

Сѣдло французскаго офицера, отдѣланное бархатомъ съ металлическими гвоздями.

Всѣ эти предметы не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ рѣшительно неизвѣстно ихъ происхожденіе. Ихъ хранятъ здѣсь просто потому, что они стары. А каждая старая вещь является для американца цѣнной. Поэтому-то здѣсь можно встрѣтить, неизвѣстно какимъ образомъ попавшія сюда, пять небольшихъ мозаичныхъ осколковъ изъ Помпеи и Каракалловыхъ термъ. Затѣмъ здѣсь попадаются:

Старыя бумажныя деньги.

Автографы Вашингтона, Лафайета и разныхъ президентовъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Пара бальныхъ башмаковъ, которые одѣвались на свадьбахъ въ XVIII столѣтіи.

Кусокъ стекла съ перваго стекляннаго завода, основаннаго въ Америкѣ.

Затѣмъ нѣсколько индѣйскихъ вещей: томагаукъ, стеклянныя бусы, мѣшки, поясъ молодого воина изъ раскрашенной кожи съ полнымъ ассортиментомъ кармановъ: карманъ для зеркала, карманъ для ножей, для красокъ, рогъ для пороха, лукъ и стрѣлы.

Вотъ почти всѣ наиболѣе главные предметы историческаго музея Соединенныхъ Штатовъ. Какъ видите, здѣсь преобладаютъ старые куски дерева отъ домовъ и мостовъ. Это доказываетъ, что поклоненіе къ прошлому пока еще находится въ зародышевомъ состояніи, но все же находится.

* * *

Разговоръ:

Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ и интеллигентныхъ дамъ нью-іоркскаго общества однажды замѣтила:

— Французы недостаточно путешествуютъ, это ихъ единственный крупный недостатокъ, такъ какъ другіе быстро исчезли бы, если бы французы чаще соприкасались съ иностранцами. Каждая мать находитъ, что ея ребенокъ само-совершенство, и ребенокъ въ свою очередь думаетъ такъ же, пока сидитъ около матери. Но поступивъ въ школу, онъ замѣчаетъ, что есть другіе мальчики, ни въ чемъ не уступающіе ему, и вслѣдствіе этого становится скромнѣе. Затѣмъ онъ вступаетъ въ свѣтъ, горизонтъ его расширяется, и онъ видитъ, что есть люди, которые много превосходятъ его, тогда его тщеславіе еще больше стушевывается. Наконецъ, если онъ отправится въ путешествіе, то его разумъ

пойметъ настоящее значеніе человѣческаго достоинства, и по возвращеніи оттуда онъ окажется самымъ настоящимъ человѣкомъ. Французъ же недостаточно путешествуетъ.

* * *

На нѣкоторыхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ въ вагонѣ для курящихъ—громадное помѣщеніе на сто мѣстъ—находится служащій, который продаетъ путешественникамъ табакъ, сигары, спички, шоколадъ, конфекты, фрукты, журналы, карандаши и пр. Онъ занимаетъ одно или два мѣста и раскладываетъ свои товары. Ведетъ себя этотъ продавецъ въ высшей степени непринужденно. Онъ свиститъ, куритъ, харкаетъ. Онъ спокойно сидитъ на скамейкѣ скрестивъ ноги и читаетъ газеты. Мимо него проходитъ господинъ, чтобы выпить стаканъ воды, которая находится на другомъ концѣ вагона. Служащій, передъ которымъ разложены коробочки спичекъ, обращается къ господину, не притрогиваясь даже концами пальцевъ къ фуражкѣ: «Позвольте прикурить!», господинъ останавливается, сбрасываетъ пепелъ съ сигары, протягиваетъ сигару къ продавцу, который закуриваетъ свою и, возвращаясь къ чтенію газеты, роняетъ сквозь зубы: «Благодарю».

* * *

Я уже говорилъ, что дома въ Нью-Іоркѣ очень узкіе. Комнаты въ квартирахъ расположены не вдоль, а вертикально, другъ надъ другомъ. Только архи-милліонеры могутъ позволять себѣ роскошь имѣть анфиладу салоновъ. Но вездѣ есть находчивые люди. И вотъ какъ устроился одинъ изъ такихъ. Онъ снялъ въ самомъ центрѣ города три квартиры, въ трехъ сосѣднихъ домахъ, въ одномъ и томъ же этажѣ. Затѣмъ онъ велѣлъ прорубить двери въ стѣнахъ, и такъ какъ этажи находились на разной высотѣ, то пришлось еще сдѣлать нѣсколько ступеней, чтобы попадать изъ одной комнаты въ другую.

— Это не хитро, неправда ли?—говорилъ онъ мнѣ, показывая свое помѣщеніе.—И тѣмъ не менѣе все-таки нужно до этого додуматься. Немного найдется въ Нью-Іоркѣ людей, которые могли бы похвастаться, что имѣютъ квартиру въ 20 метровъ по фасаду!

И это правда.

* * *

Въ Америкѣ я не замѣтилъ, чтобы женщины старались придать своимъ ножкамъ кокетливый видъ. На улицахъ, если вы въ продолженіе получаса станете прогуливаться по самымъ люднымъ улицамъ опустивъ глаза въ землю, то увидите, что всѣ женщины носятъ широкую, плоскую обувь, приблизительно такого же формата, какую носятъ мужчины. Здѣсь наблюдается то же самое, что и въ Англіи.

Въ прежнія времена англо-саксонцы, вѣроятно, какъ и другіе народы, заботились о красотѣ ноги. Они завидовали, вѣроятно, узкимъ и красивымъ ножкамъ андалузокъ, но не сумѣвъ приблизиться къ идеалу и покорившись необходимости, стали считать идеальной ногой длинную ступню. При этомъ они не только сумѣли убѣдить себя, но даже у насъ во Франціи самой элегантной ногой считается самая длинная. Больше того, въ настоящее время мы видимъ испанокъ, которыя предпочитаютъ длинную обувь.

* * *

Ужинъ у г-на К..., который сумѣлъ окружить себя самыми краси-

выми женщинами. На ужинѣ присутствовали миссъ Р..., которая считается самой красивой актрисой въ Соединенныхъ Штатахъ, миссъ Т... и много другихъ. Я видѣлъ великолѣпные брилліанты, чудный жемчугъ. Во время ужина оркестръ, составленный изъ гаванскихъ жителей, играетъ и поетъ мѣстныя аріи. Женщина, наполовину японка, наполовину креолка, поетъ подъ аккомпаниментъ мужскихъ голосовъ и звуки гитаръ. Ея чистый металлическій голосъ напоминаетъ звонъ золота безъ примѣси. Этотъ голосъ проникаетъ въ сокровенные тайники души; кажется, что звукъ вылетаетъ изъ ея черныхъ задумчивыхъ глазъ, такъ какъ ротъ почти не шевелится, а эти глаза такъ выразительны и меланхоличны! Ея пѣніе имѣетъ сходство съ нашимъ церковнымъ пѣніемъ, оно просто и вмѣстѣ страстно и такъ мелодично, такъ ласкающе, такъ великолѣпно. Мужчины, сидя за столомъ, остаются холодными, женщины же, повидимому, понимаютъ. При этихъ напѣвахъ, кажется, небеса разверзаются и душу охватываетъ какое-то мистическое чувство. Эти голоса плачутъ, ласкаютъ, они призываютъ, умоляютъ и обожаютъ.

* * *

Нѣчто подобное я испыталъ еще разъ вечеромъ, въ день моего прибытія въ Питсбургъ, въ Пенсильванію. Была холодная февральская ночь. Было половина третьяго пополуночи. Ожидая выдачи багажа въ широкомъ вестибюлѣ вокзала, залитомъ электрическимъ свѣтомъ, я разглядывалъ и слушалъ трехъ негровъ, занятыхъ мытьемъ половъ. Вооруженные длинными щетками, которыми они медленно водили по полу, негры пѣли. Голоса у нихъ были звучны и мягки. Ихъ аріи были меланхоличны, какъ похоронные напѣвы. Звуки чистые и ритмичные уходили въ высь, подъ своды, и каменныя стѣны и фаянсовый полъ отвѣчали имъ эхо. Какой-то невыносимой тоской по родинѣ вѣяло отъ этихъ пѣсенъ, отъ этихъ черныхъ лицъ. У меня въ воображеніи вырисовывались бѣдныя деревни на берегахъ полувысохшихъ рѣкъ, подъ жгучими небесами. На дворѣ же бушевала снѣжная буря. Я долго простоялъ бы, слушая ихъ, но мой багажъ былъ принесенъ и мнѣ нужно было уходить.

XXI.

Частная полиція.—Агентство Пинкертона.

Вы, конечно, слышали объ агентствѣ Пинкертона. Это полицейское агентство прославилось на весь міръ. О немъ упоминается въ сочиненіяхъ Жюля Верна и съ его именемъ связаны всѣ крупныя событія, происшедшія въ Америкѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. При помощи его, между прочимъ, былъ найденъ знаменитый портретъ герцогини Девоширской Генсборо, украденный въ Лондонѣ 26-го мая 1876 года и найденный въ Чикаго 28-го марта 1901 года. Страсть къ фельетоннымъ романамъ весьма распространена въ публикѣ. Наша погоня за исторіями о кражахъ, грабежахъ, убійствахъ и заговорахъ не является ли доказательствомъ слѣдовъ, оставленныхъ нашими предками, ихъ любви къ охотѣ, борьбѣ? Каждый разъ, когда читаешь какое-нибудь похожденіе злодѣя, у васъ невольно зарождается желаніе,

чтобы онъ какъ можно дольше избѣгалъ преслѣдованіи со стороны придержащей власти.

Я не могъ противиться желанію посѣтить это знаменитое агентство Пинкертона, о которомъ мнѣ говорили, что оно имѣетъ свои отдѣленія по всей Америкѣ, въ Европѣ, въ Египтѣ, въ Марокко и даже въ Южной Африкѣ.

Центральное бюро агентства Пинкертона помѣщается въ Нью-Іоркѣ на Бродвей, № 57, въ самомъ центрѣ дѣлового квартала, посреди банковъ, которые являются лучшими его кліентами.

Г-нъ Пинкертонъ, сынъ знаменитаго основателя агентства, вмѣстѣ со своимъ управляющимъ Бангомъ постарались выяснить мнѣ систему своего колоссальнаго предпріятія.

Бангъ былъ и есть еще и теперь самый ловкій сыщикъ дома Пинкертонъ. Это человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, высокаго роста, съ сѣдоватой бородой, смѣющимся, умнымъ лицомъ и проницательнымъ взглядомъ. Отъ всей его фигуры вѣетъ спокойствіемъ и вдумчивостью. Сперва онъ мнѣ показалъ по очереди всѣ три этажа, гдѣ находилась цѣлая анфилада маленькихъ комнатъ, гдѣ служащіе прилежно писали, перелистывая донесенія. Больше всего меня поразили именно эта бумажная работа и царящая здѣсь тишина. Бангъ улыбнулся на мое удивленное замѣчаніе.

— Вы еще больше удивитесь,—сказалъ онъ мнѣ,—когда узнаете, что именно здѣсь мы чаще всего раскрываемъ преступленія... Впрочемъ, это вы сейчасъ поймете.

Вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

— У агентства Пинкертонъ имѣется восемьсотъ сыщиковъ, оно подраздѣлено на три области: западъ, центръ, востокъ. Западный округъ включаетъ въ себя города: Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфію и Монтреаль; центръ составляютъ: Сентъ-Пауль, Чикаго, Санъ-Луи и Канзасъ-Сити; къ восточному округу принадлежатъ: Денверъ, Портландъ, Ситлъ и Санъ-Франциско. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ находится агентство Пинкертона. Администрація помѣщается въ Чикаго. Агентство занимается секретными дѣлами банковъ, желѣзнодорожныхъ обществъ, коммерческихъ домовъ, адвокатовъ и частныхъ лицъ. Оно не принимаетъ на себя лишь шпіонства для бракоразводныхъ цѣлей.

«Агентство Пинкертона состоитъ на службѣ у американской банковской ассоціаціи, членами которой состоятъ большинство банковъ и финансовыхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Агентство никогда не упускаетъ своей жертвы изъ рукъ, и если, въ силу недостаточныхъ уликъ, вора нельзя задержать, агенты слѣдятъ за нимъ, роются въ его прошломъ и въ концѣ концовъ всетаки открываютъ совершонное имъ преступленіе и добиваются его ареста. Такимъ образомъ воровство въ банкахъ, принадлежащихъ къ ассоціаціи, случается довольно рѣдко; воры знаютъ это и предпочитаютъ красть въ другихъ банкахъ.

— А какіе самые ловкіе воры?—спросилъ я.

Бангъ улыбнулся и, покачавъ головой, скромно отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, американцы...

— The best in the world *),—не удержался я замѣтить.

---

*) Самый лучшій въ свѣтѣ (фраза, которая чаще всего встрѣчается въ американскихъ рекламахъ).

— Труднѣй всего поймать воровъ,—отвѣтилъ Бангъ,—которые принадлежатъ къ классу бандитовъ и которыхъ нѣтъ въ другихъ странахъ. Это бродячіе воры, не имѣющіе постояннаго мѣстожительства и живущіе то въ одномъ городѣ, то въ другомъ, причемъ всегда въ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ ихъ присутствіе совершенно незамѣтно. Кражи они совершаютъ обыкновенно въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ. Они путешествуютъ только ночью, прячась въ пустыхъ товарныхъ вагонахъ, или идутъ пѣшкомъ по шпаламъ, скрываясь днемъ въ лѣсахъ и въ заброшенныхъ сараяхъ, воруя себѣ пищу на фермахъ или въ складахъ, попадающихся на дорогѣ. При себѣ они имѣютъ лишь небольшой флаконъ съ нитроглицериномъ, немного мыла, капсюли и кусокъ желѣза, предназначенный для того, чтобы расширить щель, имѣющуюся въ дверцахъ несгораемыхъ шкаповъ, куда затѣмъ они кладутъ взрывчатое вещество. Крупные инструменты, какъ, напримѣръ, молотки, топоры, которые имъ могутъ понадобиться, они обыкновенно воруютъ на какой-нибудь станціи или въ сосѣдней кузницѣ и затѣмъ оставляютъ ихъ на мѣстѣ преступленія. Однимъ словомъ, они по внѣшности ничѣмъ не отличаются отъ многочисленныхъ бродягъ (трамповъ), людей совершенно безвредныхъ, которые постоянно колесятъ по всей странѣ.

«Эти бандиты обыкновенно нападаютъ на сельскіе банки, гдѣ нѣтъ многочисленной полиціи и гдѣ имъ легко справиться съ однимъ сторожемъ. Войдя въ помѣщеніе банка, они проталкиваютъ въ щель несгораемаго шкапа нитроглицеринъ, замазываютъ ее герметически мыломъ и взрываютъ дверцу при помощи капсюли, которая воспламеняетъ нитроглицеринъ. Если имъ помѣшаютъ или окажутъ сопротивленіе, они не задумываясь прибѣгаютъ къ огнестрѣльному оружію.

«Въ большихъ городахъ они чаще всего обкрадываютъ ящики для писемъ, причемъ продѣлываютъ это иногда днемъ, при помощи поддѣльныхъ ключей. Такъ, напримѣръ, они разбиваютъ ночью по сосѣдству съ банкомъ почтовый ящикъ, дѣлаютъ снимокъ съ замка, изготовляютъ поддѣльный ключъ, при помощи котораго впослѣдствіи могутъ обокрасть цѣлую массу ящиковъ, открывающихся однимъ ключомъ.

Или, напримѣръ, какой-нибудь господинъ, получивъ деньги, пересчитываетъ ихъ въ залѣ банка; на одинъ моментъ вниманіе его отвлекается какой-нибудь суматохой; онъ поворачиваетъ голову; въ это время билеты уже исчезаютъ.

«Или еще примѣръ: X открываетъ себѣ счетъ въ какомъ-нибудь нью-іоркскомъ банкѣ. Его сообщникъ Z открываетъ счетъ въ чикагскомъ банкѣ. Въ продолженіе нѣкотораго времени оба то вносятъ, то берутъ деньги; въ банкахъ къ нимъ питаютъ довѣріе; они кажутся вполнѣ порядочными людьми, стоящими внѣ всякихъ подозрѣній. Въ одинъ прекрасный день X является въ нью-іоркскій банкъ, говоря, что ему надо уплатить какому-то кредитору, живущему въ Чикаго. Онъ покупаетъ переводъ на 200 долларовъ. По переводу нужно уплатить приказу Z, нью-іоркскій банкъ переводитъ его на своихъ корреспондентовъ въ Чикаго, причемъ X приписываетъ на переводѣ еще два нуля, который такимъ образомъ является на сумму 20.000 долларовъ. Онъ пересылаетъ его Z, который въ свою очередь представляетъ переводъ въ свой банкъ, гдѣ ему выдаютъ 20.000 долларовъ. Проходитъ день

или два; X и Z закрываютъ свои счета въ банкахъ и исчезаютъ. Кража обнаруживается только послѣ того, какъ переводъ, пройдя черезъ разсчетную палату, возвращается въ нью-іоркскій банкъ по принадлежности, но X и Z уже въ Канадѣ.

Бангъ провелъ меня въ спеціальное отдѣленіе, такъ называемое бюро поддѣлокъ, гдѣ мнѣ была показана самая полная коллекція фальсификаціи чековъ и траттъ. Обыкновенно, какъ только случается какая-либо поддѣлка, агентство проситъ лицо, сдѣлавшееся жертвой поддѣлки, позволить ему снять копію, послѣ чего копія подробно изучается агентскими спеціалистами.

— Вотъ почему,—сказалъ Бангъ, — какъ я вамъ только-что сейчасъ сказалъ, мы здѣсь раскрываемъ большую часть преступленій...

«Прибавьте къ этому фотографіи, сообщеніе о нравахъ, обычаяхъ и вкусахъ шести или семи тысячъ преступниковъ, и вы поймете, что профессія сыщика не такъ романтична, какъ это полагаетъ публика, читающая фельетонные романы.

«Наши самыя крупныя открытія совершаются здѣсь въ агентствѣ. При помощи портретовъ и сообщеній, которые намъ присылаютъ, при помощи копій поддѣлокъ, какъ бывшихъ, такъ и новыхъ, мы имѣемъ возможность сравнивать и изучать и поэтому нерѣдко можемъ напередъ назвать автора поддѣлки или воровства.

— Откуда вы набираете своихъ служащихъ?

— Мы приглашаемъ ихъ изъ всѣхъ классовъ общества. Конечно, при этомъ мы руководимся строгимъ выборомъ, предпочитая людей развитыхъ, неболтливыхъ, вдумчивыхъ и рѣшительныхъ. Но мы принимаемъ людей преимущественно неопытныхъ, чтобы было легче создавать изъ нихъ то, что намъ нужно. Главные руководители, прежде чѣмъ достичь своего положенія, должны пройти всю школу.

«Вотъ случай, относящійся къ Питсбургу, бывшій лѣтъ десять тому назадъ. Насъ пригласили, чтобы мы защитили рабочихъ, желающихъ работать, противъ стачниковъ. Агентство отправило въ Питсбургъ около тысячи человѣкъ. Пароходъ, который везъ ихъ по рѣкѣ, былъ встрѣченъ стачниками, которые воспротивились высадкѣ агентовъ. Тѣмъ не менѣе агенты рѣшили высадиться, улучивъ благопріятный для этого моментъ. Но стачники, не долго думая, бросились къ многочисленнымъ бакамъ, наполненнымъ керосиномъ и стоявшимъ тутъ же на набережной, вылили весь керосинъ въ воду и подожгли его... Въ одну минуту судно было окружено огнемъ и начало горѣть... Послѣ этого пришлось уже думать только о собственномъ спасеніи...

«—Съ тѣхъ поръ,—сказалъ въ заключеніе Бангъ,—мы никогда не вмѣшиваемся въ стачки.

Въ Америкѣ всегда практичны.

XXII.

Школа для дѣвушекъ.—Колледжъ Смита.

Въ Нортгемптонѣ, въ большомъ городѣ Масачузетса, съ 15.000 жителей, въ 1875 году былъ основанъ колледжъ Смита, на деньги частнаго лица, какъ и большинство полезныхъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Я прибылъ въ Нортгемптонъ въ срединѣ января, въ самую

стужу. Въ этотъ именно вечеръ хозяинъ гостинницы Норвудъ отказалъ мнѣ, несмотря на 35 франковъ суточной платы, дать что-нибудь поѣсть, только потому, что было позднѣе восьми часовъ вечера, и мнѣ пришлось шагать по колѣно въ снѣгу, чтобы найти себѣ кусокъ хлѣба и мяса, по этому уже спавшему городу, котораго я совершенно не зналъ. Еще долго я буду вспоминать этого потомка квакеровъ, благодаря которому Кромвель сталъ мнѣ еще болѣе симпатиченъ.

Колледжъ построенъ на главной улицѣ маленькаго города; училищныя постройки, часовня и dormitories представляютъ смѣшанную архитектуру, построенную частью изъ кирпича, частью изъ дерева.

Мнѣ очень хотѣлось присутствовать на молитвѣ воспитанницъ въ часовнѣ, поэтому, несмотря на утренній холодъ, я въ половинѣ девятаго былъ уже на мѣстѣ. Онѣ явились легкія, граціозныя, съ порозовѣвшими щеками, тепло закутанныя въ мѣха. Это были взрослыя дѣвушки отъ 18-ти до 24-хъ лѣтъ, съ смѣлымъ взглядомъ, съ нѣсколько мужскими манерами, но безъ той нервной рѣзкости, которая иногда замѣчается у дѣвушекъ латинскихъ расъ, когда онѣ находятся въ присутствіи мужчинъ.

Я остановился на порогѣ часовни. Онѣ проходили мимо меня, стряхивая снѣгъ съ своихъ галошъ, принимая серьезный видъ, и садились на свои мѣста передъ раскрытыми молитвенниками. Внутренность часовни представляла собою большой залъ безъ всякихъ украшеній, безъ всего того, что напоминаетъ о религіи. Въ назначенный часъ президентъ университета поднялся на эстраду и подъ аккомпаниментъ органа запѣлъ псаломъ, который тотчасъ же подхватили всѣ присутствующіе. Президенту было на видъ лѣтъ пятьдесятъ; онъ былъ одѣтъ во все черное, его строгое, морщинистое лицо было гладко выбрито и обрамлялось рѣдкой шевелюрой. Такими въ моемъ воображеніи рисуются пассажиры судна «May Flower», которые въ XVII вѣкѣ бѣжали отъ нетерпимости Кромвеля.

Когда пѣніе было окончено, президентъ прочелъ отрывокъ изъ Библіи, послѣ чего пѣніе возобновилось. Наконецъ, преклонивъ колѣни, онъ вслухъ прочелъ молитву и замолкъ, склонивъ голову на руки. Всѣ дѣвушки, а ихъ тутъ было восемь или девять сотенъ, тоже склонили свои головы и въ продолженіе одной или двухъ минутъ, казалось, погрузились въ благочестивое размышленіе. Затѣмъ органъ исполнилъ какую-то очень красивую мелодію, повторенную всѣми присутствующими. Я окинулъ глазами залъ: всѣ дѣвушки сидѣли серьезно, устремивъ взоры впередъ; ни на одномъ лицѣ не было замѣтно ни разсѣянности, ни улыбки.

Эта дивная картина свѣжести и здоровья, внимательной и серьезной юности никогда не исчезнетъ изъ моей памяти.

Вы думаете, что тутъ находились только дѣвушки-пуританки Масачузетса? Нисколько. Здѣсь присутствовали протестантки всѣхъ разновидностей, католички и еврейки. Онѣ пришли сюда со всѣхъ концовъ Америки, Индіаны, Техаса, Колорадо, Луизіаны, Калифорніи. Однѣ были бѣлокуры, другія черны, какъ цыганки, третьи отливали красной мѣдью.

По уставу колледжа всѣ воспитанницы безъ различія вѣроисповѣданія должны присутствовать на утренней молитвѣ. Контроля, въ строгомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, но дѣвушка, не присутствовавшая на молитвѣ, должна прислать президенту письменное объясненіе. Эта дисциплина на-ряду съ свободой казалась мнѣ чрезвычайно странной.

По окончаніи церемоніи дѣвушки вышли изъ зала, и разговоръ и смѣхъ возобновились. Группами и по одиночкѣ дѣвушки направились къ училищнымъ постройкамъ, куда за ними послѣдовалъ и я.

Моимъ осмотромъ руководила очаровательная женщина, француженка по происхожденію, г-жа Берта Венсанъ, преподающая въ Америкѣ французскую литературу. Колледжъ Смита—высшее учебное учрежденіе. Цѣль института сочетать выгоды высокой духовной культуры съ благами комфортабельной жизни.

Въ колледжѣ можно встрѣтить представительницъ всѣхъ общественныхъ классовъ Америки. Нѣкоторые предметы преподаванія обязательны, нѣкоторые нѣтъ. Много мѣста отведено соціологіи и исторіи. Но особенное вниманіе обращено на языки и иностранную литературу.

Научная программа развита не такъ широко. Въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, предпочтеніе отдается прикладнымъ знаніямъ. Математика, напримѣръ, занимаетъ второстепенное мѣсто. Зато эстетическое развитіе выражается не только въ изученіи музыки, пѣнія и живописи, но также и въ физическихъ упражненіяхъ. Я обошелъ нѣсколько курсовъ, останавливаясь повсюду минутъ на пятнадцать, двадцать.

На курсѣ итальянскаго языка и литературы я слушалъ объясненія поэмы Кардуччи. Молодая дѣвушка, черноволосая, съ великолѣпными, ослѣпительно бѣлыми зубами, съ огненными глазами давала свои объясненія. Наканунѣ я встрѣтилъ ее у Венсанъ и во время разговора могъ убѣдиться, что она знаетъ всю Италію и всѣхъ итальянцевъ. Она дружила съ Элеонорой Дузе, Масканьи, Маркони, съ министрами, послами и разсказала мнѣ, что пишетъ въ бостонскихъ и итальянскихъ журналахъ.

Помню, какъ я удивился, когда въ консерваторіи мнѣ сказали, что нѣкая юная американка учится играть на тромбонѣ, а въ технологическомъ институтѣ студентка слушаетъ курсъ корабельнаго строительства. Съ тѣхъ поръ я сталъ опытнѣе и теперь меня уже труднѣе удивить чѣмъ-нибудь.

Поэтому, когда мнѣ сказали, что въ колледжѣ на физическомъ факультетѣ больше всего слушательницъ, я не удивился. Въ физической лабораторіи при моемъ посѣщеніи находилось до 150 воспитанницъ; пятьдесятъ дѣвушекъ слушали курсъ геологіи и около двѣнадцати — анатомію.

Нѣкоторыя наблюдали эффектъ свѣта на земляномъ червякѣ, другія занимались диссепціей двухъ кошекъ. Однѣ окрашивали въ голубой цвѣтъ артеріи и въ красный—вены, другія, вооружившись скальпелемъ, тщательно вырѣзали мембраны. Я заговорилъ съ дѣвушками, прикидываясь удивленнымъ тѣмъ, что онѣ занимаются подобнымъ дѣломъ.

— Но я очень люблю кошекъ,—отвѣтила мнѣ одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, очаровательно улыбаясь.

— Тогда я не понимаю, какое удовольствіе находите вы въ убійствѣ этихъ животныхъ?

— Видите ли,—отвѣтила дѣвушка,—съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ изучила, онѣ еще больше мнѣ нравятся... увѣряю васъ, это настоящіе шедѣвры...

Окинувъ взглядомъ разбросанные по столу члены животныхъ, я отправился въ гимнастическій залъ, чтобы полюбоваться на живую анатомію.

Оживленіе и дѣятельность, царящія въ колледжѣ, навели меня на сомнѣніе, дѣйствительно ли дѣвушки эти преданы наукѣ и не влечетъ ли ихъ сюда лишь та жажда дѣятельности, которая въ такой сильной степени проявляется у ихъ отцовъ и братьевъ.

Въ dormitories и во время рекреацій я могъ уже лучше судить объ ихъ истинныхъ вкусахъ. Прежде всего замѣчаешь ихъ любовь къ комфорту и затѣмъ неудержимое влеченіе къ движенію, что безспорно является однимъ изъ отличительныхъ признаковъ американскаго темперамента. Я опишу для ясности порядокъ препровожденія дня дѣвушками въ колледжѣ.

Жизнь ихъ въ то время, когда онѣ не слушаютъ лекцій, проходить либо на открытомъ воздухѣ, либо въ dormitories. Въ Нортгемптонѣ находятся тринадцать dormitories, построенныхъ либо на средства колледжа, либо на средства частныхъ благотворителей. Дома по внѣшнему виду походятъ на большія загородныя виллы и выстроены частью изъ кирпича, частью изъ дерева въ колоніальномъ стилѣ. Полускрытыя деревьями dormitories имѣютъ веселый видъ дачныхъ домиковъ, ничѣмъ не напоминая казарменнаго вида европейскихъ интернатовъ для учениковъ. Плющъ и другія ползучія растенія обрамляютъ окна и поднимаются подъ самую крышу. Веранды и балконы изъ ажурнаго дерева, украшенные балюстрадами, не препятствуютъ притоку свѣжаго воздуха. Въ каждомъ такомъ домѣ есть свой салонъ, своя столовая, кухни и удобныя теплыя комнаты съ комфортабельной обстановкой. У каждой студентки своя комната, которую она и обставляетъ по своему вкусу.

Утромъ, принявъ ванну или душъ, воспитанница колледжа Смита въ половинѣ восьмого садится за свой первый завтракъ, состоящій изъ кофе или чая, яицъ и мяса. Затѣмъ она возвращается въ свою комнату и убираетъ ее. Въ восемь часовъ утра она идетъ на молитву, затѣмъ на лекціи, которыя продолжаются до полудня.

По выходѣ съ курсовъ она пѣшкомъ идетъ въ городъ за покупками или просто ради прогулки. Въ часъ она возвращается въ интернатъ ко второму завтраку. Если она не думаетъ вернуться, потому что будетъ завтракать въ ресторанѣ или въ другомъ пансіонѣ у своей подруги, то должна предупредить о томъ управительницу. Богатыя пансіонерки въ большинствѣ случаевъ пользуются рестораномъ, такъ какъ кухня dormitories оставляетъ желать многаго. Само собою разумѣется, я говорю здѣсь съ общей точки зрѣнія,—я былъ въ двухъ большихъ dormitories и пробовалъ завтраки ученицъ.

Столовыя уставлены шестью или семью столами на двѣнадцать приборовъ. Передъ обѣдомъ всѣ присутствующія на нѣсколько секундъ наклоняются надъ своими тарелками въ молитвенномъ молчаніи.

Въ день моего посѣщенія ленчъ состоялъ изъ супа, ростбифа, овощей и десерта, состоявшаго изъ мороженаго, не особенно пріятнаго на вкусъ. Къ обѣду подавали бараньи котлеты, жареный картофель, рыбныя консервы и шоколадныя пирожныя. Несмотря на безпретенціозность этихъ обѣдовъ, они всетаки очаровательны. Сейчасъ же послѣ молитвы начинаются разговоръ и сдержанный смѣхъ. Всѣ эти молодыя дѣвушки очень свѣжи, естественны, здоровы и веселы, такъ что одно созерцаніе ихъ доставляетъ удовольствіе. Между ними есть брюнетки, но большинство блондинки, всѣхъ оттѣнковъ.

Послѣ ленча дѣвушки свободны, т. е. свободны относительно, такъ какъ четыре часа онѣ должны посвящать физическимъ упражненiямъ: или кататься верхомъ на лошади, или гулять пѣшкомъ, или, наконецъ, кататься на конькахъ, играть въ теннисъ, въ гольфъ, хоккей и пр. Даже въ первые два года гимнастическiя упражненiя обязательны съ декабря до Пасхи. Если по какой-либо причинѣ онѣ не могутъ присутствовать на гимнастикѣ, то должны объяснить причину своего отсутствiя президенту университета.

Послѣ полудня я присутствовалъ на каткѣ. Прудъ расположенъ невдалекѣ отъ интернатовъ, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ вѣтровъ. Погода была превосходная, сухая и морозная. Двѣ или три сотни дѣвушекъ и нѣсколько мальчиковъ катались на конькахъ. Здѣсь же увидѣлъ я профессора психологiи, который утромъ объяснялъ психологiю вниманiя по Джемсу Спенсеру, и профессора исторiи. Оба они съ неменьшимъ увлеченiемъ предавались прiятному спорту. Но и здѣсь, какъ повсюду, какъ утромъ на молитвѣ, какъ въ гимнастическомъ залѣ, глядя на присутствующихъ, получалось впечатлѣнiе, что онѣ исполняютъ долгъ, въ силу строгой дисциплины. Да и какъ могло быть иначе, когда спортъ обязателенъ? То, что у насъ является игрой, увлеченьемъ, у нихъ становится привычкой, правда, здоровой и полезной привычкой, благотворной для тѣла, но въ силу которой исчезаетъ идея удовольствiя и экспансивности.

Въ шесть часовъ обѣдъ. Послѣ обѣда организуются небольшiе прыжки, которые продолжаются съ полчаса и помогаютъ пищеваренiю. Послѣ этого однѣ поочередно читаютъ вслухъ, въ то время какъ слушательницы занимаются рукодѣльными работами, другiя приготовляютъ уроки на завтра. Иногда устраиваются драматическiя представленiя, иногда ѣдутъ кататься въ саняхъ или въ каретѣ до 10-ти часовъ вечера. Прогулки эти разрѣшаются лишь въ томъ случаѣ, если какая-нибудь изъ дамъ-управительницъ согласится сопровождать воспитанницъ. Разъ вечеромъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, мнѣ довелось видѣть одну изъ такихъ прогулокъ. Были наняты помѣстительныя сани, запряженныя четверкой лошадей. Закутанныя въ мѣха дѣвушки, числомъ до двадцати, смѣясь и разговаривая, усаживались въ сани. Снѣгъ, покрывавшiй дорогу, блестѣлъ и переливался разноцвѣтными огнями при свѣтѣ луны. Небо, усѣянное звѣздами, казалось глубокимъ и темнымъ, и взрывы смѣха весело раскатывались въ голубомъ ночномъ воздухѣ. Здѣсь не было ничего приготовленнаго, ничего обязательнаго. Сани тронулись, лошади шевельнули бубенчиками, и молодыя лица съ задорными шаловливыми улыбками на устахъ исчезли, хотя въ сухомъ и морозномъ воздухѣ еще долго слышались ихъ взрывы здороваго смѣха.

На слѣдующiй день я вздумалъ посѣтить нѣкоторыя комнаты студентокъ. Сопутствуемый почтенной особой съ сѣдыми волосами, съ строгими и благородными манерами, я проникъ въ одну изъ комнатъ. Это была довольно просторная комната съ однимъ окномъ, очень просто меблированная, съ небольшой постелью. Въ углубленiи комнаты находилась скамья, покрытая разноцвѣтными подушками; на полу—коверъ. На стѣнахъ головы индѣйцевъ, нарисованныя на кускахъ кожи, американское знамя, тирольскiя дудки, рапира, кнуты, ракетки для игры въ теннисъ; на каминѣ—ваза съ искусственными цвѣтами, бюстъ Падеревскаго, фотографiи, по большей части молодыхъ людей, на безбородыхъ лицахъ

которыхъ замѣчается желаніе придать себѣ безстрастное выраженіе, что дѣлаетъ ихъ лица не особенно интересными. На столѣ лежатъ книги, стоятъ чайный сервизъ и спиртовая лампа. Позже я узналъ, что въ шкапахъ хранятся консервы, яйца, омары, салаты, конфекты; все это съѣдается потихоньку, когда обѣдъ бываетъ не изъ сытныхъ.

Другая комната хотя въ общемъ и походила на первую, но обставлена и украшена была иначе. Здѣсь были фотографіи рисунковъ Россетти, Бернъ-Джонса, фотографіи атлетовъ съ голыми мускулистыми руками, нѣсколько трубокъ, обвязанныхъ голубой лентой, статуэтки Венеры Милосской, фуражка гейдельбергскаго студента, ленточки цвѣта гарвардскаго университета, а надъ постелью слѣдующая странная надпись: «Ради Самого Христа не сметайте здѣсь пыли!». На стѣнахъ пришпилены, кромѣ того, астрономическія карты съ отмѣтками наблюденій.

Я не утерпѣлъ и спросилъ мою спутницу, какъ попали сюда трубки и фуражка гейдельбергскаго студента. Та перевела мой вопросъ хозяйкѣ комнаты, и дѣвушка, весело разсмѣявшись, указала мнѣ на портретъ молодого гарвардскаго студента, изображеннаго въ костюмѣ игрока въ футболъ.

— Это ея женихъ,—объяснила мнѣ моя спутница.—Изъ нашихъ ученицъ многія уже формально невѣсты. При поступленіи онѣ заявляютъ объ этомъ, и тогда имъ разрѣшается видѣться съ молодыми людьми или въ салонѣ, или въ своей комнатѣ, но въ присутствіи старшихъ. Нѣсколько разъ въ году мы устраиваемъ балы, на которые допускаются и представленные молодые люди.

Театральныя представленія, шарады, ученическія собранія и конференціи здѣсь въ такомъ же почетѣ, какъ и въ мужскихъ университетахъ; есть также и клубы: греческіе, восточные, французскіе, ботаническіе, біологическіе. Организуются совѣты, которые посылаютъ своихъ делегатовъ къ профессорамъ просить чего-нибудь и противъ чего-нибудь протестовать.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ можно уже видѣть, какое широкое и свободное образованіе получаютъ дѣвушки въ Америкѣ. Онѣ однѣ пріѣзжаютъ въ колледжъ и однѣ уѣзжаютъ по два раза въ годъ въ отдаленные штаты, къ своимъ родителямъ. Послѣдніе сносятся съ управленіемъ университета только относительно уплаты денегъ. Никакихъ «бюллетеней» не посылается имъ ни профессорами, ни президентомъ университета. Если воспитанница ведетъ себя дурно, ее удаляютъ, и дѣло тѣмъ и кончается. Но этого, кажется, никогда не бываетъ. Отъ дѣвушки требуется лишь, чтобы она къ десяти часамъ вечера являлась домой, чтобы въ восемь часовъ была на молитвѣ, прослушала извѣстное число лекцій въ недѣлю,—въ остальномъ же она совершенно свободна. Кромѣ того, требуется еще, чтобы она не ѣздила въ каретѣ одна съ молодымъ человѣкомъ, за исключеніемъ, впрочемъ, жениха.

Я спросилъ, всѣ ли студенты колледжа Смита богаты.

Оказалось, почти всѣ обладаютъ средствами, достаточными для того, чтобы вести жизнь пріятную, разумную и легкую. У каждой есть чековая книжка и кредитъ въ одномъ изъ банковъ въ Нортгемптонѣ. Въ среднемъ каждая дѣвушка имѣетъ до 15-ти долларовъ (30 руб.) карманныхъ денегъ въ мѣсяцъ, на цвѣты, ленты и конфекты. Но есть, которыя получаютъ 300 и даже 500 долларовъ въ годъ.

XXIII.

Институтъ Килей.

Институтъ Килей — одно изъ самыхъ популярныхъ учрежденій въ Америкѣ. За двадцать лѣтъ его существованія болѣе 300.000 пьяницъ излечились въ немъ отъ своей страсти. Въ благодарность къ этому учрежденію они основали лигу «Keley League», насчитывающую 30.000 приверженцевъ. Это въ своемъ родѣ единственное общество, членами котораго состоятъ исключительно бывшіе пьяницы. Они повсюду пропагандируютъ воздержаніе отъ вина, и нѣтъ ни одного американца, который не зналъ бы имени доктора Килей. Есть, однако, люди, которые утверждаютъ, что Килей шарлатанъ, что алкоголизмъ не болѣзнь, а слѣдовательно его нельзя лечить различными лекарствами.

Что же это за учрежденіе и какія его теоріи?

Институтъ находится въ штатѣ Нью-Іоркъ, въ Уайтъ-Плэнсъ. Это небольшой городъ съ какимъ-нибудь десяткомъ тысячъ населенія. Институтъ выстроенъ въ серединѣ зеленаго парка. Нѣсколько котэджей разбросано въ разныхъ мѣстахъ и всѣ соединены узкими дорожками, извивающимися между зеленымъ газономъ.

Чтобы достигнуть своей цѣли, я обратился къ господину, шагавшему по одной со мной дорогѣ. Это былъ необычайный толстякъ съ краснымъ лицомъ.

— Я самъ иду въ институтъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Пойдемте, я васъ провожу. Я больной и нахожусь здѣсь на излеченіи.

Нѣсколько удивленный подобнымъ довѣріемъ, я спросилъ:

— Вы алкоголикъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ спокойно,—я нахожусь здѣсь три недѣли. Прежде я былъ низкій пьяница, но теперь не имѣю желанія выпивать и чувствую себя лучше.

— Что же вы пьете?

— Литръ виски ежедневно и полъ-литра вермута.

— Вы сюда пришли по доброму желанію?

— Да. То есть моя жена и дочь привели меня сюда. Если бы я не попалъ сюда, то умеръ бы. Мнѣ повсюду видѣлись крысы и змѣи.

— И вы думаете, что вы больше никогда не станете пьянствовать?

— Да, я думаю. Одинъ изъ моихъ друзей вышелъ отсюда лѣтъ восемь тому назадъ и съ тѣхъ поръ капли въ ротъ не беретъ.

— Чѣмъ же васъ здѣсь лечатъ?

— Я не знаю, мнѣ дѣлаютъ какія-то инъекціи.

— Васъ здѣсь много?

— Да, человѣкъ двадцать.

Мы прошли мимо котэджа изъ краснаго дерева, увитаго плющомъ.

— Вотъ,—сказалъ мнѣ пьяница,—въ этомъ домѣ живутъ пять или шесть женщинъ. Женщины обыкновенно помѣщаются отдѣльно отъ мужчинъ. О, здѣсь есть очень хорошенькія и очень молоденькія! Однѣ пьянствовали, а другія—морфинистки.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на красную виллу. Въ окнѣ я увидѣлъ силуэтъ элегантной красивой дѣвушки, блѣдной, съ большими

глазами. Мнѣ очень захотѣлось туда войти. Но администрація противится этому, и не безъ причины, такъ какъ праздное любопытство дурно вліяетъ на больныхъ.

— Вотъ мы и пришли,—сказалъ алкоголикъ,—намъ остается теперь лишь спросить доктора Боаля.

Посреди высокихъ деревьевъ стояло довольно обширное зданіе, деревянное, окрашенное въ сѣрый цвѣтъ. Въ нижнемъ этажѣ находились контора, пріемная комната и кабинетъ доктора. Мнѣ показали то, что называется громкимъ именемъ «институтъ». Это простой меблированный отель, съ комфортабельными комнатами, чистыми, свѣтлыми, купальными залами и общими залами. Затѣмъ меня принялъ докторъ Боаль.

— Сударь,—сказалъ онъ,—пьянство—это болѣзнь. Тѣ, кто думаетъ иначе, не знаютъ, что они говорятъ. Человѣкъ, охваченный этой болѣзнью, не въ состояніи сопротивляться ей, точно также какъ и тифу или горячкѣ. Необходимо, чтобы за ними былъ уходъ, чтобы ихъ лечили. Докторъ Килей первый открылъ эту болѣзнь и онъ же открылъ для нея лекарство. Каждый человѣкъ, который по какой-либо причинѣ, вслѣдствіе ли привычки, меланхоліи, слабости характера, начинаетъ пить, неизбѣжно кончаетъ тѣмъ, что становится пьяницей. Это неизмѣнно приводитъ къ разслабленію. Нервныя клѣточки не могутъ исполнять свои функціи иначе, какъ только подъ вліяніемъ алкоголя. Отсюда эта властная потребность въ спиртныхъ напиткахъ, которую никогда не могли понять прежде. Такимъ образомъ становится ясно, что если нервная система должна быть вѣчно подбадриваема алкоголемъ, то паціентъ будетъ продолжать пить, несмотря на всѣ краснорѣчивыя рѣчи о вредѣ пьянства и несмотря на его личное рѣшеніе отстать отъ своего порока. Чтобы излечить подобнаго человѣка отъ пьянства, нужно возвратить его органы къ естественной жизни. Въ этомъ состоитъ весь секретъ доктора Килея.

— Но,—сказалъ я,—если докторъ Килей постигъ это, то онъ не только великій ученый, но въ то же время и благодѣтель рода человѣческаго!

— Такъ оно и есть,—спокойно отвѣтилъ ученикъ.

— Почему же тогда не примѣняютъ его системы повсюду въ Европѣ, въ Англіи, во Франціи, гдѣ алкоголизмъ не менѣе ужасный бичъ, чѣмъ въ Америкѣ?

— Это дѣйствительно жаль,—подтвердилъ докторъ Боаль.

— Происходили ли изслѣдованія открытія доктора Килея?

— Это могутъ дѣлать только невѣжды.

— Почему?

— Потому что средства никому неизвѣстны. Они составляютъ секретъ и на нихъ взятъ патентъ.

Я изумленно взглянулъ на доктора. Онъ замѣтилъ мой взглядъ и продолжалъ:

— Очень понятно. Они фабрикуются въ Двайтѣ, въ Иллинойсъ, подъ руководствомъ доктора Килея, и оттуда посылаются въ его институты. Учрежденія доктора Килея разбросаны по всей Америкѣ: въ штатѣ Нью-Іоркъ и въ штатѣ Масачузетса находится по два института. Доктора поставлены во главѣ отдѣленій; всѣ прошли школу доктора Килея.

Вотъ еще одна вещь, которую нельзя встрѣтить у насъ, въ старой Европѣ! Наши ученые—это апостолы, единственнымъ вознагражденіемъ которыхъ служитъ слава. Они не только стремятся къ раскрытію причинъ и средствъ для излеченія болѣзней, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, но даже жертвуютъ для этой цѣли собственнымъ состояніемъ. Здѣсь же мы присутствуемъ при совершенно противоположномъ феноменѣ: ученые лечатъ только съ тѣмъ условіемъ, если сами обогащаются при этомъ. Исключительный эгоизмъ, чрезмѣрная практичность убиваютъ въ зародышѣ всякое благородное чувство. Поэтому я съ недовѣріемъ отнесся къ достоинству методы доктора Килея. Я рѣшилъ по возвращеніи въ Нью-Іоркъ разспросить докторовъ объ его институтѣ.

— Сколько стоитъ леченіе?

— Сто долларовъ безъ пансіона.

— А сколько времени оно продолжается?

— Въ общемъ четыре недѣли для алкоголиковъ и отъ четырехъ до шести недѣль для морфинистовъ, и четыре недѣли для курильщиковъ и неврастениковъ.

— Добровольно ли исполняютъ курсъ леченія больные?

— Конечно. Иначе какъ можно вылечить пьяницу, если этого онъ самъ не хочетъ? Тѣ, которые приходятъ къ намъ, искренно желаютъ излечиться отъ своей болѣзни, либо потому, что имъ порокъ внушаетъ отвращеніе, либо потому, что чувствуютъ себя на краю могилы. Они приходятъ сюда, какъ приходятъ въ санаторію чахоточные, желая во что бы то ни стало поправиться.

— Какимъ путемъ достигается излеченіе? Не примѣняете ли вы внушенія?

— Нѣтъ, леченіе чисто медицинское.

— Не держите ли вы вашихъ паціентовъ взаперти? Какимъ путемъ боритесь вы противъ ихъ вѣчнаго стремленія къ спиртнымъ напиткамъ?

— Мы не лишаемъ ихъ алкоголя. Въ первые дни имъ даются спиртные напитки въ умѣренномъ размѣрѣ, когда они просятъ. Но выздоровленіе совершается при исчезновеніи потребности алкоголя. По прошествіи трехъ или четырехъ дней желаніе это совершенно исчезаетъ, и больной больше не проситъ ничего спиртного.

— Но въ чемъ же состоитъ леченіе?

— Въ лекарствахъ, которыя мы заставляемъ принимать нашихъ паціентовъ, и въ инъекціяхъ. Они принимаютъ регулярно черезъ каждые два часа восемь дозъ лекарства ежедневно и, кромѣ того, четыре раза въ день имъ дѣлаются подкожныя впрыскиванія.

— Можетъ быть, вы стараетесь подѣйствовать на воображеніе вашихъ больныхъ? Можетъ быть, ваши инъекціи состоятъ изъ одной воды или какой-нибудь жидкости, которая имѣетъ лишь внѣшній видъ лекарства?

— Какъ я вамъ уже сказалъ, наше леченіе чисто медицинское и вполнѣ научное. Мы не шарлатаны.

— Конечно, нѣтъ, я совершенно съ вами согласенъ. Скажите, однако, не вліяютъ ли ваши медикаменты на общее состояніе здоровья вашихъ паціентовъ?

— Нисколько! Наоборотъ. Спустя четыре недѣли наши паціенты прямо неузнаваемы. У нихъ не только нѣтъ желанія напиться пьянымъ,

но они даже физически становятся сильнѣе; мозгъ ихъ работаетъ ясно, правильно и дѣятельно, у нихъ является хорошій аппетитъ, улучшается пищевареніе, появляется свѣжій цвѣтъ лица. Не рѣдко приходится слышать, что они себя чувствуютъ на десять лѣтъ помолодѣвшими.

— Какого рода люди поступаютъ къ вамъ на излеченіе?

— Они принадлежатъ ко всѣмъ классамъ общества. У насъ находились сенаторы, адвокаты, духовныя особы, министры, солдаты, финансисты, рабочіе, въ общемъ, до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Семнадцать тысячъ было докторовъ.

— Случалось ли, чтобы выздоровѣвшій пьяница впослѣдствіи снова возвращался къ своей страсти?

— Конечно.

— И много было такихъ?

— Да, порядочно. Какъ вы думаете, развѣ человѣкъ, имѣвшій бронхитъ или какую-нибудь накожную болѣзнь, не можетъ снова захворать этой болѣзнью?

— Значитъ, послѣ выздоровленія пьяница долженъ совершенно отказаться отъ алкоголя?

— Совершенно, это главное условіе. Но это ему ровно ничего не стоитъ, такъ какъ онъ все равно не чувствуетъ потребности пить. Но, конечно, слабый человѣкъ не можетъ устоять противъ искушенія и насмѣшекъ товарищей.

— Всегда ли удовлетворяетъ леченіе тѣхъ, которымъ оно слѣдуетъ?

— Всегда. Я не знаю ни одного паціента, который уѣхалъ бы не вполнѣ удовлетворенный. Къ тому же девять десятыхъ нашихъ паціентовъ пріѣзжаютъ по рекомендаціи излечившихся больныхъ. Тридцать тысячъ человѣкъ бывшихъ пьяницъ учредили общество, которое называется «Лигой Килея». Это лучшая наша реклама.

— Есть ли между вашими паціентами женщины?

— Да, но изъ нихъ не всѣ алкоголички. Большинство изъ нихъ морфинистки или же страдаютъ неврозомъ. Для такихъ больныхъ у насъ есть спеціальный курсъ леченія.

— Говорятъ, что ваши инъекціи и ваши лекарства состоятъ изъ квинтэссенціи алкоголя, эѳира, и, вводимыя въ организмъ, они сильно возбуждаютъ.

— Это секретъ доктора Килея,—отвѣтилъ докторъ Боаль.

По возвращеніи въ Нью-Іоркъ я дѣйствительно обратился къ нѣкоторымъ извѣстнымъ докторамъ, и они всѣ высказали мнѣ свою полную увѣренность, что метода Килея даетъ благопріятные результаты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XXIV *).

Питсбургъ.

Я видѣлъ Крезо, Сенъ-Шамонъ, видѣлъ заводы Круппа въ Эссенѣ, видѣлъ Дюссельдорфъ и зналъ, что увижу здѣсь, въ Питсбургѣ, городъ желѣза, городъ фантастическій, чудовищный.

И я не ошибся. Дюссельдорфъ, Эссенъ, Крезо, Сенъ-Шамонъ—пріятныя, благоухающія деревни сравнительно съ Питсбургомъ. Вообразите себѣ всѣ эти мѣстности вмѣстѣ, прибавьте къ этому еще ужасный Манчестеръ, и всетаки не получите того подавляющаго впечатлѣнія, которое ощутилъ я, когда въ сѣрое зимнее утро поднялся въ двадцать первый этажъ самаго высокаго дома въ городѣ и оттуда взглянулъ передъ собою. Это что-то фантастическое!

Представьте себѣ городъ съ населеніемъ въ 350.000 жителей, гдѣ всѣ дома, всѣ памятники, всѣ соборы, всѣ башни, всѣ обелиски, колонны увѣнчаны круглыми трубами, изрыгающими въ небеса клубы дыма всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; представьте лѣсъ, въ которомъ деревья замѣнены трубами съ развѣвающимися на ихъ вершинахъ обрывками ваты, сѣрой, желтой, рыжей, голубой или черной; представьте страну, которая тянется до самаго горизонта подъ двойнымъ небомъ, изъ которыхъ одно безстрастное и далекое, едва видимое сквозь покрывало пара, другое близкое, вѣчно волнующееся, безпрестанно поднимающее облака тепла и стремящееся соединиться и слиться въ глубинахъ мрачнаго воздуха.

Съ двадцать перваго этажа взоръ тонетъ въ этой колоссальной пропасти, которую сама природа предназначила для идеальнаго центра промышленности и торговли. Городъ замкнутъ между двумя широкими рѣками, Аплегани и Монопгегала, соединяющимися здѣсь же на вашихъ глазахъ, образуя Огайо—гигантскую рѣку, которая въ свою очередь, пройдя 1.200 километровъ, сливается съ Миссисипи! Около двѣнадцати мостовъ перекинуты въ Питсбургѣ черезъ обѣ рѣки, тринадцать желѣзнодорож-

---

*) Продолженіе. См. «Вѣст. Ин. Лит.», кн. IV, 1905 г.

ныхъ линій въ разныхъ направленіяхъ извиваются вдоль холмовъ, обрамляющихъ городъ.

По горамъ лежитъ снѣгъ, снѣгъ покрываетъ и всю мѣстность за городомъ, и его бѣлизна составляетъ рѣзкій контрастъ съ атмосферой дыма и тепла, которая окутываетъ городъ. По водѣ между бѣлыхъ береговъ огромныя баржи, глубокія, какъ колодцы, до краевъ нагруженныя углемъ, плывутъ, влекомыя большими буксирами. Грохотъ колоссальной кузницы, къ которому примѣшиваются звонки электрическихъ трамваевъ, громыханіе металла, гигантскіе вздохи трубъ, перезваниваніе колоколовъ, сопѣнье локомотивовъ, стукъ вагонныхъ колесъ по рельсамъ, крики и стоны подъемныхъ крановъ, цѣлая какафонія изъ лязга желѣза, свистковъ стоитъ въ воздухѣ, причемъ вначалѣ каждый звукъ слышится отдѣльно, самостоятельно, и только когда ухо привыкнетъ, то во всемъ этомъ находишь сходство съ ревомъ бури на морѣ.

Можно ли вообразить себѣ все количество вывоза по этимъ двумъ рѣкамъ, чернымъ отъ безчисленнаго множества на нихъ барокъ, шаландъ, пароходовъ, по этимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, убѣгающимъ въ безконечность, по этимъ сотнямъ, тысячамъ вагоновъ, прибывающимъ и отходящимъ безпрерывно?

Я отправился въ Торговую палату и потребовалъ цифровыхъ данныхъ. Меня нельзя упрекнуть, кажется, чтобы я злоупотреблялъ цифрами. Но здѣсь невольно является желаніе формулировать дѣятельность города не простыми фразами.

И вотъ я разговариваю съ президентомъ и секретаремъ этого учрежденія. Они показываютъ мнѣ послѣднія статистическія данныя. Я записываю ихъ подъ диктовку и представляю вамъ во всемъ ихъ безпритязательномъ краснорѣчіи.

Капиталъ, вложенный въ промышленныя предпріятія Питсбурга, вычисляютъ въ десять милліардовъ франковъ.

Городъ обязанъ своимъ развитіемъ положенію въ центрѣ промышленнаго округа и фантастическому богатству, скрытому въ нѣдрахъ земли. Его обслуживаютъ 14 желѣзныхъ дорогъ; каждый день отходитъ и приходитъ 370 поѣздовъ. Въ послѣдній годъ по желѣзнымъ дорогамъ было вывезено 20 милліоновъ тоннъ угля, а по рѣкамъ 5 милліоновъ тоннъ. Если къ этому прибавить еще вывозъ фабричныхъ продуктовъ и керосина, то общая цифра вывоза достигнетъ 75 милліоновъ тоннъ.

Въ общемъ въ Питсбургѣ за годъ нагрузили 2.289.000 вагоновъ различными товарами, не считая тысячи баржъ и пароходовъ, которые спускаются по Огайо и Миссисипи до Новаго Орлеана.

Естественныя богатства состоятъ изъ каменнаго угля, желѣза и нефти. Экспортъ угля, доходившій въ 1893 году до 57 милліоновъ франковъ, въ 1901 году увеличился до 110 милліоновъ! Высчитано, что добыча угля, какъ она производится въ настоящее время, можетъ продолжаться семьсотъ лѣтъ. Нефть добывается въ чудовищномъ количествѣ: 40 милліоновъ цистернъ ежегодно экспортируются изъ Питсбурга водой и по желѣзной дорогѣ. Желѣзное производство достигаетъ размѣровъ поистинѣ головокружительныхъ. Здѣсь находится центръ стального треста. Три цифры дадутъ уже нѣкоторое представленіе о значительности производства желѣза: 1) въ Питсбургѣ весь годъ работаютъ 33 доменныхъ печи; 2) общая добыча желѣзныхъ рудниковъ въ Сѣверной Америкѣ

спальней изъ пробокъ отъ шампанскаго, откупоренныхъ при ней, когда она ужинала...

На каждой пробкѣ она написала число ея освобожденія...

XXVIII.

Новый Орлеанъ.

Разъ вечеромъ въ концѣ февраля, когда холодъ былъ особенно невыносимъ, а вѣтеръ особенно рѣзокъ, я впалъ въ отчаяніе. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ я боролся противъ враждебныхъ элементовъ природы, и съ каждымъ днемъ борьба становилась для меня тяжелѣе; по временамъ мнѣ казалось, что въ моихъ жилахъ вмѣсто крови переливается что-то холодное, кислое.

Итакъ, разъ вечеромъ, читая газету, мнѣ вдругъ припомнилось, что мы приближаемся къ карнавалу и Новый Орлеанъ обѣщаетъ поэтому поводу устроить великолѣпное празднество. Въ моей головѣ быстро созрѣло рѣшеніе. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Санъ-Франциско—конечный пунктъ моего путешествія, я рѣшилъ спуститься южнѣе, въ сторону Луизіаны, которая манила меня, какъ оазисъ, облитый солнечными лучами. Я чувствовалъ, что мнѣ недоставало солнца, голубого неба, весны, чтобы вынести мужественно остатокъ зимы. Я понялъ страданія растеній и животныхъ, перенесенныхъ въ враждебный имъ климатъ.

Я охотно распрощался съ желѣзнымъ, дымнымъ и снѣжнымъ пейзажемъ Питсбурга и Цинцинати, и когда, спустя 24 часа, проснувшись въ вагонѣ Пульмана, я взглянулъ въ окно, залитое солнцемъ, то понялъ, что мы покинули область снѣговъ. Солнце веселое, солнце божественное заливало своимъ свѣтомъ зеленѣющій пейзажъ. Невольно какъ-то чувствовалось, угадывалось, что на воздухѣ тепло.

Я въ Луизіанѣ, въ странѣ птицъ-пересмѣшниковъ, ліановъ, великолѣпныхъ дубовъ, въ странѣ Миссисипи, Отца Водъ, камышей, гдѣ дремлютъ крокодилы, плантацій хлопка и сахарнаго тростника, въ странѣ змѣй и цвѣтовъ.

Вмѣсто мрачныхъ ледяныхъ пейзажей передъ моими глазами развертываются зеленые лѣса, прямыя, стройныя деревья которыхъ возносятся къ нѣжнымъ небесамъ, тогда какъ сломанные стволы, непроницаемыя ліаны, листва карликовыхъ пальмъ плаваютъ по спокойнымъ водамъ. Но поѣздъ мчится дальше. Вотъ появляются деревянные дома, окрашенные въ нѣжную зеленую краску; на порогахъ сидятъ негры и негритянки; женщины курятъ изъ короткихъ трубокъ, причемъ ихъ головы защищены отъ солнца широкими старинными шляпами. Я пожираю глазами это зрѣлище съ радостью, которую не въ состояніи вамъ передать. Солнце заставляетъ меня плакать. Я чувствую его тепло и ласку черезъ стекла. Весь ледъ, вся соль растаяли и испарились въ моихъ жилахъ, кровь переливается быстро, и вскорѣ все мое существо охватываетъ радость не то оттого, что я очутился въ этомъ благодатномъ климатѣ, не то потому, что вижу собственными глазами живыхъ героевъ «Хижины дяди Тома».

Въ первый разъ послѣ своего прибытія въ Америку я вижу птицъ!

Онѣ перепархиваютъ съ дерева на дерево, и мнѣ кажется, еслибъ не мѣшалъ стукъ поѣзда, я могъ бы разслышать ихъ полетъ.

Но вотъ поѣздъ останавливается на 10 минутъ у станціи, выстроенной посреди стоячихъ водъ; я вижу желтыя поля, обрамленныя пальмами, широко раскинувшіяся подъ солнцемъ, перцовыя деревья, кроваво-красные плоды которыхъ висятъ посреди нѣжной листвы. Дальше тянется дѣвственный лѣсъ Луизіаны, съ его громадными дубами, толстыя вѣтви которыхъ покрыты мхомъ; затѣмъ большая, широкая, смѣющаяся долина, на которой пасется нѣсколько сотъ коровъ; опять негры и негритянки, сидящіе на пняхъ, на дворахъ фермъ, мужчины въ рубашкахъ, въ шляпахъ, смятыхъ спереди, точно по нихъ ударили кулакомъ, вродѣ тѣхъ, которыя носятъ теперь въ Парижѣ, женщины въ красныхъ и голубыхъ корсажахъ, негрскіе ребята, босоногіе, въ соломенныхъ шляпахъ, и вдругъ городъ съ его заводскими трубами, телеграфными столбами, вокзаломъ.

Я выхожу на солнце и невольно улыбаюсь, чувствуя жару. Мое зимнее платье гнететъ меня. Что дѣлать мнѣ съ мѣховой шубой, съ большими галошами? Эти вещи шокируютъ меня, какъ аномаліи.

Едва выйдя съ вокзала и сѣвъ въ трамвай, я цѣликомъ погрузился въ южную жизнь; позади электрической каретки имѣется четыре мѣста, отдѣленныя отъ вагона проволочной рѣшеткой, на которой написано: «Colored patrons only» (исключительно для кліентовъ-негровъ).

Негры и негритянки сидятъ въ этой клѣткѣ для куръ съ серьезнымъ видомъ, безпокойно озираясь. Меня нѣсколько стѣсняетъ это грубо презрительное отношеніе господствующей бѣлой расы, шокируетъ и удивляетъ. Здѣсь въ первый разъ за мое четырехмѣсячное пребываніе въ Америкѣ я вижу рѣзкое доказательство неравенства гражданъ «свободной Америки». На одинъ моментъ я разочаровываюсь въ Луизіанѣ. Но вотъ въ трамъ входятъ молодыя дѣвушки, блондинки и брюнетки, съ загорѣлыми лицами, въ пастушескихъ шляпахъ, съ яркими разноцвѣтными лентами, но которыя прекрасно идутъ къ нимъ и какъ нельзя лучше гармонируютъ съ общимъ солнечнымъ пейзажемъ. Я забываю о несправедливомъ остракизмѣ, которому подверглись негры, давъ лишь себѣ обѣщанье узнать о причинѣ подобнаго карантина.

Трамвай высаживаетъ меня у отеля Святого Карла, гдѣ кипитъ лихорадочная дѣятельность. Онъ переполненъ, какъ и весь городъ, куда люди пріѣхали со всѣхъ концовъ Америки, чтобы присутствовать на карнавальныхъ празднествахъ.

Обезпечивъ себя комнатой, я отправился знакомиться съ городомъ. По улицамъ снуетъ шумная веселая толпа, которая громко говоритъ и смѣется; колокола трамваевъ примѣшиваютъ свой звонъ къ разговору; это совершенно другая толпа, и мнѣ кажется, будто я въ Марсели! На каждомъ шагу я слышу французскую рѣчь, и никогда родной языкъ не казался мнѣ такимъ прекраснымъ. Негры и негритянки говорятъ по-французски безъ малѣйшаго акцента.

Сегодня великій день—день прибытія короля карнавала. Онъ появляется изъ своего воображаемаго царства на богато разукрашенномъ кораблѣ, окруженный герцогами, придворными и тысячами знаменъ.

Весь муниципалитетъ и почетные гости выходятъ къ нему навстрѣчу, на набережную Миссисипи.

Когда онъ сходитъ на землю въ великолѣпномъ нарядѣ, освѣщенный солнцемъ, его привѣтствуетъ восторженная толпа. Въ этотъ разъ сюда прибыли адмиралъ Шлей, побѣдитель при Санть-Яго, генералъ Вилеръ; тутъ же находятся офицеры судна «Tage», которые получили приглашеніе присутствовать при въѣздѣ «короля». Я различаю ихъ украшенныя галунами фуражки, ихъ усы и черныя бородки. Сидя въ ландо, они сопровождаютъ короля и герцоговъ, которые сѣли на разряженныхъ коней.

Этотъ оффиціальный кортежъ, эти серьезные люди, эти администраторы и эти воины, составляющіе въ настоящее время карнавальную свиту, заставляютъ думать, что мы гдѣ-то далеко отъ Новой Англіи. Нигдѣ ни въ одной странѣ не видалъ я столько смѣющихся лицъ, столько жестовъ, столько оживленія.

Кортежъ проходитъ по городу, разукрашенному разноцвѣтными матеріями и флагами. Король кланяется на привѣтствія толпы. Это вступленіе къ празднествамъ толпы, которыя будутъ продолжаться два дня.

Я остался на улицѣ вплоть до вечера. Я не могъ рѣшиться ни остановиться, ни сѣсть, ни вернуться домой. Я посѣтилъ новый кварталъ, побывалъ въ кварталѣ американскомъ и осмотрѣлъ окрестности.

Новый Орлеанъ, безспорно, самый красивый городъ въ Америкѣ, который я до сихъ поръ видѣлъ, а авеню Святого Карла самая красивая улица въ Новомъ Орлеанѣ.

Благодаря своей длинѣ, тремъ рядамъ деревьевъ и двумъ линіямъ трамваевъ, которые при этомъ нисколько не стѣсняютъ движенія, она является идеаломъ большого города. На улицахъ, пересѣкающихъ ее каждые 100 метровъ, находятся элегантные отели и коттэджи, утопающіе въ цвѣтахъ. Въ большинствѣ случаевъ виллы выстроены изъ дерева, съ красивыми желѣзными балконами, съ греческими портиками и колоннами.

На галереяхъ, украшенныхъ цвѣтами, обитатели виллъ медленно покачиваются въ качалкахъ, въ то время какъ дѣти рѣзвятся на лужайкахъ подъ наблюденіемъ негритянокъ въ желтыхъ тюрбанахъ; птицы порхаютъ въ кустахъ серени, а пыль на дорогѣ хранитъ отпечатокъ сапоговъ и велосипедныхъ шинъ. Чѣмъ-то ласкающимъ, нѣжнымъ вѣетъ отъ земли, деревьевъ и прозрачнаго неба. Красивые темные глаза женщинъ, небрежность ихъ походки, ихъ таліи, гибкія, какъ ліаны, музыка ихъ голоса идеально гармонируютъ съ мягкостью природы, съ этимъ воздухомъ, полнымъ аромата и нѣги, съ облаками, тающими въ небѣ. Это Испанія, но менѣе религіозная, Италія, такая же сладострастная, но не такая нервная.

Я довольно долго прожилъ въ Новомъ Орлеанѣ, гораздо дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Сѣверяне принесли сюда свою дѣятельность, свой предпріимчивый умъ. Они придали креоламъ отвагу, предпріимчивость и увѣренность. Но солнце и креолы въ свою очередь отблагодарили ихъ: они сдѣлали сѣверянъ болѣе чувствительными и болѣе вѣжливыми. Здѣсь ихъ манеры не такъ рѣзки, а обращеніе не такое холодное. Солнце размягчило грубость расы. Здѣсь американцы конкурируютъ въ вѣжливости съ французами.

XXIX.

Карнавалъ въ Новомъ Орлеанѣ.

Не думаю, чтобы гдѣ-либо праздновали такъ карнавалъ, какъ здѣсь. Карнавалъ въ Ниццѣ еще держится, въ Римѣ онъ доживаетъ послѣдніе дни, о венеціанскомъ уже больше ничего не говорятъ. Чтобы увидѣть настоящее карнавальное торжество, великолѣпіе прошлыхъ вѣковъ, надо ѣхать сюда, въ Америку. Нѣтъ сомнѣнія, что пышность карнавала обязана, главнымъ образомъ, латинской расѣ и солнцу Луизіаны.

Ежегодно, начиная съ 1837 года, карнавальныя торжества все улучшаются. Весь городъ принимаетъ участіе. Англичане, французы, испанцы, всѣ профессіи: судьи, нотаріусы, доктора, помѣщики, адвокаты, милліонеры, всѣ ассоціаціи, синдикаты, кружки, однимъ словомъ, все населеніе сыплетъ деньгами и тратитъ время единственно лишь съ тою цѣлью, чтобы отпраздновать какъ слѣдуетъ масленицу.

Вотъ какъ организуются празднества. Есть четыре карнавальныхъ организаціи. Онѣ называются: «Рыцари Момуса», «Комуса», «Протеуса» и «Короля». Эти группы не зависятъ одна отъ другой, и составъ ихъ членовъ хранится въ тайнѣ. Я разспрашивалъ мужчинъ и женщинъ, но, несмотря на мое привилегированное положеніе иностранца, не могъ вывѣдать, кто принадлежитъ къ какой партіи. Даже жены членовъ не знаютъ часто, къ какой организаціи принадлежатъ ихъ мужья... Это совѣтъ десяти, созданный для устройства удовольствія и развлеченій.

Каждый членъ организаціи имѣетъ право пригласить на балъ 20 человѣкъ знакомыхъ. Приглашенія, однако, разсылаются совершенно анонимно.

Каждый клубъ имѣетъ своего предсѣдателя или captain, какъ они его называютъ. Ему передается списокъ приглашенныхъ лицъ; списокъ этотъ подвергается разсмотрѣнію и критики со стороны комитета изъ 15 членовъ, по назначенію предсѣдателя. Случается, что имена вычеркиваются, такъ какъ каждый, приглашая свою жену, дочь и сестру, разумѣется, желаетъ, чтобы на балу присутствовало лишь избранное общество. Каждый годъ предсѣдатель и совѣтъ заботятся о выборѣ сюжетовъ для кавалькадъ, стараясь дѣлать ихъ какъ можно разнообразнѣе. Каждая кавалькада состоитъ изъ двадцати колесницъ, и у каждаго клуба своя кавалькада.

Когда общій сюжетъ намѣченъ, приступаютъ къ выбору украшеній каждой отдѣльной колесницы. Тутъ уже приглашаются художники, разсматриваются эстампы и историческіе рисунки. До послѣднихъ лѣтъ картонажи колесницъ заказывались въ Парижѣ. Для этого предсѣдатель каждаго клуба отправлялся лично во Францію. Но въ настоящее время американскіе фабриканты стали подражать французамъ и заказы на картонажи перешли къ нимъ. Костюмы же продолжаютъ выписывать изъ Парижа. Подобныя затѣи обходятся не дешево. Каждый клубъ ассигнуетъ приблизительно 20.000 долларовъ (т. е. около 40.000 рублей) на расходы по украшенію колесницъ, на музыку и на балъ. Сумма эта покрывается подпиской между членами, такъ какъ каждый уплачиваетъ 100 долларовъ.

Празднества начинаются съ четверга. Въ этотъ день проходитъ ночная кавалькада Момуса, которая стоитъ 50.000 франковъ. Въ понедѣльникъ послѣ полудня прибываетъ король, котораго я уже описывалъ. Въ тотъ же день вечеромъ балъ Протеуса. Во вторникъ послѣ полудня кавалькада короля. Вечеромъ пріемъ короля и балъ Комуса. Это главныя общества, такъ сказать, избранные кланы. Кромѣ нихъ, есть еще 7 или 8 другихъ обществъ, которыя въ свою очередь даютъ балы.

Въ понедѣльникъ на масленой фасады домовъ украшаются флагами всѣхъ странъ. Фіолетовыя, желтыя, зеленыя матеріи, которыя называются цвѣтами карнавальнаго короля, украшаютъ всѣ балконы. На улицахъ люди носятъ кокарды и ленты цвѣтовъ короля. Городъ весь кишитъ народомъ. Масса негровъ и негритянокъ, изъ которыхъ молодыя говорятъ по-англійски, а старыя по-французски.

Вотъ проходитъ кортежъ. Штукъ двадцать колесницъ, раскрашенныхъ въ яркіе кричащіе цвѣта, переполнены масками, одѣтыми въ великолѣпные костюмы. Протеусъ на этотъ разъ выбралъ сюжетомъ для своей кавалькады «Клеопатру». Картонажи изображали сфинксовъ, химеръ, лотосы, крокодиловъ, змѣй, лампады и обелиски. Я невольно выразилъ удивленіе по поводу роскоши костюмовъ и узналъ, что члены кружка, возсѣдавшіе на колесницахъ, одѣваются на свой счетъ. Кавалькада проходитъ въ центрѣ города. Она останавливается передъ помѣщеніями кружковъ; все время играетъ музыка, раздаются аплодисменты и во всемъ этомъ веселая, но дисциплинированная толпа принимаетъ самое живѣйшее участіе.

Солнце горячимъ свѣтомъ заливаетъ это зрѣлище, бросая блики на шелковыя ткани, заставляя горѣть золото на костюмахъ маскированныхъ. Во вторникъ вечеромъ король принимаетъ народъ въ одномъ изъ большихъ городскихъ залъ. Здѣсь все населеніе танцуетъ напролетъ всю ночь. Тронный залъ отдѣленъ отъ танцовальнаго тяжелыми матеріями. Троны короля и королевы украшены балдахиномъ изъ златотканой матеріи съ зелеными и фіолетовыми лентами. Пальмы и лавры поставлены на коврахъ; посреди таинственнаго свѣта разноцвѣтныхъ фонарей на зеленомъ фонѣ растеній вырисовывается роскошная лира изъ живыхъ цвѣтовъ. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть что-либо болѣе красивое. Вотъ объявляютъ о прибытіи королевскаго кортежа. Первой входитъ королева въ бѣломъ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ. На ея головѣ красуется діадема. Въ рукѣ она держитъ скипетръ. Это красивая высокаго роста дѣвушка, съ большими черными глазами и бѣлыми дивными зубами. Ея фрейлины слѣдуютъ по ея стопамъ, держа въ рукахъ букеты изъ розъ. Король одѣтъ въ костюмъ Генриха III, со скипетромъ въ рукахъ и съ короной на головѣ. Своей толстой физіономіей онъ напоминаетъ Гамбринуса, а не мужа этой богини. Королевская чета занимаетъ свои мѣста. Фрейлины становятся рядомъ. Позади каждой дѣвушки стоитъ герцогъ въ черномъ платьѣ. Начинается музыка, подъ звуки которой дефилируетъ толпа.

Около 9 часовъ вечера кавалькады возвращаются. Члены кружковъ мѣняютъ свои маски и костюмы и отправляются на балъ. Балы въ понедѣльникъ и во вторникъ даются въ залѣ «Французской Оперы». Въ партерѣ сидятъ дамы и дѣвушки въ бальныхъ туалетахъ. Это приглашенныя на танцы масками. Ложи переполнены. Въ залѣ не видно ни одной

маски. Только члены кружка могутъ быть наряженными. Они находятся на сценѣ въ своихъ великолѣпныхъ костюмахъ и въ восковыхъ маскахъ. При этомъ, по обычаю, они не смѣютъ сходить со сцены. Среди присутствующихъ дѣвушекъ и дамъ каждый выбираетъ, которая ему больше всего нравится, и приглашаетъ ее черезъ коммиссара подняться на сцену, гдѣ предлагаетъ ей руку и затѣмъ скрывается въ толпѣ.

Каждый високосный годъ дамскій кружокъ подъ названіемъ «Таинственныя» устраиваетъ свой балъ, и тогда въ залѣ сидятъ мужчины, которыхъ уже женщины приглашаютъ на сцену, танцуютъ съ ними и дѣлаютъ имъ подарки.

Вотъ когда сюда слѣдуетъ пріѣхать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XXX *).

Нравы негровъ.

Мнѣ хотѣлось видѣть настоящихъ негровъ и настоящія плантаціи. «Быть можетъ,—думалъ я,—я встрѣчу тамъ новаго философа дядю Тома или какого-нибудь новаго Вашингтона. Кромѣ того, я увижу сахарную плантацію и тѣмъ осуществлю завѣтную мечту моего дѣтства». Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается самое большое очарованіе путешествія.

Друзья представили меня г-ну Бигану, бывшему мэру Новаго Орлеана, плантаціи котораго находятся въ разстояніи четырехъ часовъ пути по желѣзной дороги, въ Уайтъ-Кестль, на берегу Миссисипи. Этотъ любезный господинъ пригласилъ меня посѣтить его виллу, и я пробылъ тамъ три дня, такъ какъ хотѣлъ ознакомиться съ жизнью плантатора.

Плантація называется Альгамбра; самая вилла находится на краю узкой дороги, которая въ дождливое время превращается въ непроходимое болото. Позади дома, насколько видитъ глазъ, тянутся ровныя сѣрыя поля, перерѣзанныя купами деревьевъ и бѣлыми хижинами. Въ это время года поля кажутся мрачными и пустынными. Лишь нѣсколько коровъ и телятъ пасутся на лугахъ. Фабрика погружена въ молчаніе, машины недвижимы. Такъ какъ работъ не производится, то негры прогуливаются безъ дѣла. Одни бродятъ съ гитарами подъ мышкою, другіе удятъ рыбу.

Миссисипи въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно широка. Деревья на другомъ берегу кажутся игрушечными. Въ безпредѣльномъ одиночествѣ водъ громадные стволы деревьевъ быстро несутся внизъ по теченію. Издали ихъ можно принять за индѣйскія пироги. На берегу рѣки мы встрѣтили длинную змѣю желтаго цвѣта съ черными линіями, которая пыталась поднять голову и высовывала заостренное жало. Ударами палокъ по головѣ мы убили ее.

Вскорѣ намъ пришли сказать, что сегодня утромъ умерли двѣ негритянки и завтра ихъ будутъ хоронить. Я зналъ, что похоронные обы-

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит.», кн. V. 1905 г.

чаи у негровъ особенно интересны, и рѣшилъ во что бы то ни стало присутствовать при погребеніи.

Насъ провели въ домъ смерти. Это небольшая хижина, плохо сколоченная изъ досокъ, съ землянымъ поломъ. Странные рисунки, вырѣзанные изъ газетной бумаги, тамъ и сямъ были приколоты на стѣнахъ въ видѣ разнообразныхъ украшеній. Посрединѣ на полу, завернутая въ бѣлую матерію и закрытая еловыми вѣтвями, лежала покойница. При нашемъ приходѣ съ нея сняли покрывало, и я увидѣлъ исхудавшее лицо муміи, совершенно черное, изсохшее. Несчастная, должно быть, сильно страдала передъ смертью, такъ какъ даже теперь черты ея лица были болѣзненно искажены.

Большинство негровъ этой мѣстности принадлежатъ къ сектѣ баптистовъ, у которыхъ церемоніи носятъ варварскій характеръ. По обычаю, гробы умершихъ выносятъ въ часовню,—собственно, нельзя называть такъ простой сарай безъ всякаго религіознаго символа,—причемъ всѣ члены общины должны находиться здѣсь же.

Итакъ, вечеромъ, около 9-ти часовъ, я въ сопровожденіи очаровательной дочери плантатора отправился въ часовню. Залъ былъ полонъ народомъ. Негры посторонились, и мы противъ воли очутились позади пастора-негра, говорившаго проповѣдь. Намъ принесли стулья, и мы сѣли. Пасторъ стоялъ къ намъ спиной. Передъ нами стояли два гроба изъ краснаго дерева, украшенные ручками и орнаментами изъ бѣлаго металла. Довольно обширный залъ освѣщался керосиновыми лампами. Всѣ скамьи были заняты неграми и негритянками. Мы были единственными европейцами въ этомъ многолюдномъ обществѣ. Вотъ вамъ рама и дѣйствующія лица. Но какъ я передамъ вамъ то, на что мнѣ пришлось смотрѣть въ продолженіе 2-хъ часовъ?

Все время, пока пасторъ говорилъ, толпа кричала, стонала, хныкала. Женщины съ закрытыми ртами глухо рыдали, точно отъ невыразимаго горя. Другія плакали, стонали, испуская повременамъ крики отчаянія. Нѣкоторыя причитали, примѣшивая къ фразамъ имена умершихъ. Когда вдохновеніе ихъ покидало, онѣ просто восклицали: «O Lord, o Lord!» (О Боже, о Боже!), причемъ голоса ихъ становились жалобными и молящими.

Пасторъ, между тѣмъ, не переставалъ говорить. Онъ разсказывалъ различныя эпизоды изъ Библіи, комментируя ихъ по своему, очень быстро и безсвязно. Голосъ его постепенно повышался, пасторъ горячился, говорилъ все быстрѣе и быстрѣе, глаза его расширялись, точно у эпилептика, по лбу катились крупныя капли пота, по подбородку у него текла слюна, которую онъ даже не пытался вытирать.

Что говорилъ онъ? Я ничего не могъ понять, и моя спутница тоже говорила, что не понимаетъ ни одного слова. Казалось, что онъ хотѣлъ всѣмъ существомъ своимъ обрушиться на эту толпу наивныхъ и простыхъ людей, заразить ихъ своимъ экстазомъ и безуміемъ. Дѣйствительно, слушатели мало-по-малу начали приходить въ возбужденіе; эти крики, этотъ вышедшій изъ береговъ потокъ гальванизировали толпу, и рыданія, всхлипыванія, крики постепенно принимали все бóльшіе размѣры. Женщины въ особенности выказывали признаки отчаянія; онѣ стонали, точно тысячи иглъ кололи ихъ тѣла. Самъ же пасторъ въ своемъ черномъ сюртукѣ, съ платкомъ вокругъ шеи, съ сѣдѣющими усами, кото-

рые въ настоящій моментъ были совершенно мокры отъ слюны, господствовалъ надъ этимъ тропическимъ опьянѣніемъ своей собственной экзальтаціей. Безумныя восклицанія, странныя междометія раздавались изъ всѣхъ угловъ; мужчины и женщины въ удрученныхъ позахъ уныло раскачивались на скамьяхъ, испуская душу надрывающіе крики:

— O, Lord! Будь милостивъ къ намъ! Будь намъ заступникъ!.. (Helpus, have mercy).—Изъ кармановъ вынимаются платки, и собраніе плачетъ, проливая настоящія слезы...

Вдругъ невдалекѣ отъ насъ раздается великолѣпный женскій голосъ, чистый, металлическій контральтовый звукъ, проникновенный, ясный, который, выдѣляясь, заглушаетъ всѣ остальные. Это молодая негритянка необыкновенной красоты молится за умершихъ.

Она, скандируя, произноситъ молитву къ Богу и говоритъ послѣднее прости покойницамъ. Кажется, будто общее отчаяніе увеличивается еще больше. Ноги начинаютъ быстро стучать по полу: это, повидимому, признакъ наибольшаго волненія. Пасторъ замѣчаетъ это и уходитъ, считая свою роль оконченной.

Уже одиннадцать часовъ. Почти два часа сидѣли мы здѣсь. Пора уходить и намъ, не то и насъ можетъ заразить безуміемъ это общее волненіе.

На слѣдующій день я хотѣлъ непремѣнно присутствоватъ при погребеніи. Снова мы заняли наши мѣста передъ двумя гробами. Часовня была такъ же полна, какъ и наканунѣ. Всѣ эти люди провели здѣсь всю ночь, не переставая рыдать и стонать. Только пасторъ отдыхалъ во время ночи. Онъ, повидимому, хорошо возстановилъ свои силы, такъ какъ снова началъ разсказывать исторію Іова, уснащая ее тѣми же безчисленными лирическими восклицаніями. При этомъ онъ такъ разукрасилъ сюжетъ, что разсказъ сталъ неузнаваемъ. Затѣмъ онъ разсказалъ, что посѣтилъ умершихъ, когда онѣ находились въ агоніи, что онѣ простили всѣхъ и, въ свою очередь, просили прощенія у всѣхъ. Онъ сказалъ, что онѣ отправились въ горнее жилище, что ихъ не увидитъ больше на землѣ никто, что жизнь ихъ кончилась, кончилась навѣки, и что нужно плакать, плакать безъ конца, молить Бога о ихъ прощеніи. Онъ такъ настаивалъ на этомъ, голосъ его звучалъ такъ дико, что черезъ полчаса всѣ женщины снова пришли въ экстазъ, воздухъ потрясся отъ криковъ и рыданій, а по полу снова застучали ногами. Наконецъ двѣ дѣвочки умершихъ поднялись и, подойдя къ гробамъ, принялись стучать по нимъ кулаками, крича:

— Матушка, матушка! Бѣдная матушка! О Боже, Боже! Іисусъ, Іисусъ! Не оставь ея одну!

Въ этотъ моментъ присутствующіе походили на одержимыхъ; женщины стучали каблуками, ударяли себя въ грудь кулаками, испуская безумные вопли. Бѣдныя сиротки надрываются отъ горя, пока ихъ не уносятъ на рукахъ. Сцена эта невыразимо больно вліяетъ на зрителя.

Пасторъ зоветъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, чтобы вынести гробы. Кортежъ двигается, сопровождаемый воплями женщинъ. Къ счастью, кладбище находится непосредственно за часовней. Могилы уже вырыты. Онѣ полны водой, вслѣдствіе близости рѣки. Гробы опускаютъ, и восемь человѣкъ поспѣшно закидываютъ ихъ землей. Крики женщинъ становятся еще ужаснѣе.

Сироты хотятъ броситься въ могилы. Нѣсколько человѣкъ удерживаютъ ихъ, но онѣ отбиваются и, сбивъ съ ногъ двухъ мужчинъ, бросаются къ могиламъ; однако, ихъ успѣваютъ схватить. Въ то же время дѣвочки не перестаютъ кричать: «Мама, мама! У меня нѣтъ больше мамы! До свиданья! Я надѣюсь еще увидѣться съ тобой! Господи, Господи! Сжалься, Господи!». Даже мужчины, которые въ церкви оставались пассивными и молчаливыми, начинаютъ теперь рыдать.

И на этомъ маленькомъ кладбищѣ, залитомъ солнечными лучами, вокругъ этихъ свѣжихъ могилъ, поднимается вой безумныхъ. Негритянки въ яркихъ корсажахъ волнуются, дѣлаютъ жесты отчаянія, бросаются другъ другу въ объятія, рыдаютъ и кричатъ. Это какой-то ужасный пароксизмъ истеріи.

Воздухъ теплый и нѣсколько влажный. Солнце, подернутое легкими облаками, смягчающими его лучи, разливаетъ въ природѣ атмосферу нѣги.

XXXI.

Изъ Новаго Орлеана въ Санъ-Франциско.

Я съ большимъ сожалѣніемъ покинулъ южныя земли, гдѣ вновь нашелъ потерянное солнце, зелень и цвѣты. Каждый отъѣздъ есть въ нѣкоторомъ родѣ смерть; оставляя позади себя Луизіану, я оставлялъ тамъ частичку самого себя, свои симпатіи, волненія, которыя не успѣли созрѣть, но которыя могли бы быстро развиться подъ этимъ южнымъ солнцемъ.

Изъ Новаго Орлеана въ Санъ-Франциско три дня пути. Въ продолженіе многихъ льё поѣздъ мчится черезъ дѣвственные лѣса, мимо сломанныхъ деревьевъ или только нагнувшихся, которые поддерживаютъ другъ друга, точно пьяные. Иногда попадаются просѣки, которыя тянутся до самаго горизонта. Немного далѣе приходится пересѣкать огромную водную равнину. Моста въ этомъ мѣстѣ построить было невозможно. Что же придумали американцы? Они выстроили чудовищныхъ размѣровъ пароходъ, приводимый въ движеніе гигантской машиной, и проложили по палубѣ нѣсколько рядовъ рельсъ. Когда нашъ поѣздъ подошелъ къ водѣ, у самаго берега уже стоялъ пароходъ, рельсы котораго были продолженіемъ нашего пути, и насъ повезли вмѣстѣ съ вагонами по водѣ. Если поѣздъ слишкомъ великъ, то его раздѣляютъ на два, и обѣ части ставятъ рядомъ на палубу. Все это дѣлается такъ быстро, ловко, что вы пускаетесь въ дальнѣйшій путь, прежде чѣмъ успѣете понять, что вокругъ васъ происходитъ.

Если внутри вагона ничто не привлекаетъ глазъ, зато видъ изъ окна въ высшей степени живописенъ. Если вы никогда не бывали въ Санъ-Франциско, то я постараюсь описать вамъ все видѣнное мною. По мѣрѣ движенія поѣзда я записывалъ всѣ измѣненія пейзажа. И теперь перепишу ихъ для васъ.

Сперва лѣса, затопленные въ водѣ, рисовыя поля и сахарныя плантаціи, всходы которыхъ едва начинаютъ пробиваться на свѣтъ. На краю ямъ, заполненныхъ водою, лежатъ змѣи съ небольшой приплюснутой головой, ловя приближающихся къ нимъ насѣкомыхъ. Далѣе идутъ

поля, преріи, гдѣ пасутся стада коровъ, овецъ. Нигдѣ не замѣтно никакихъ дорогъ. Во многихъ штатахъ единственной дорогой является желѣзнодорожный путь. Почти каждую минуту видишь, какъ мужчины и женщины при приближеніи поѣзда быстро бросаются съ насыпи въ сторону, а затѣмъ снова продолжаютъ прерванную прогулку. Нерѣдко вслѣдствіе этого происходятъ несчастные случаи. Часто разсѣянный путешественникъ не слышитъ приближенія поѣзда, ночью же легко можно быть раздавленнымъ на поворотѣ.

Выѣхавъ утромъ изъ Новаго-Орлеана, мы вечеромъ въ 7 часовъ пріѣзжаемъ въ Техасъ. Здѣсь уже холоднѣе. Общій видъ мѣстности измѣнился. Огромная равнина, сливающаяся съ горизонтомъ, не радуетъ взора; тамъ и здѣсь голые стволы деревьевъ; маленькія мексиканскія лошади спокойно прогуливаются между быковъ, пасущихся на лугу; повсюду кактусы. Каждые полчаса мимо насъ мелькаютъ хижины, затерянныя въ саваннѣ: это жилища ковбоевъ, стерегущихъ стада. Иногда пейзажъ оживляется запряжкой муловъ, обрабатывающихъ поля. Въ печальномъ небѣ парятъ ястреба, распростирая свои широкія крылья. Наступаетъ вечеръ.

Въ поѣздѣ я познакомился съ католическимъ священникомъ-ирландцемъ, который, узнавъ, что я французъ, охотно разговорился со мной. Его бесѣда меня сильно заинтересовала. Мнѣ рѣдко приходилось слышать, чтобы кто-либо говорилъ съ бо̀льшимъ либерализмомъ. Характеръ его тоже занималъ меня. Онъ былъ во Франціи, въ Ліонѣ, и очень хорошо говорилъ по-французски. Разъ въ Ліонѣ какой-то молодой человѣкъ прокричалъ ему вслѣдъ что-то оскорбительное по поводу его духовнаго званія; священникъ вернулся, потребовалъ, чтобы молодой человѣкъ извинился, а такъ какъ тотъ не хотѣлъ сдѣлать это, то священникъ ударилъ его кулакомъ съ такой силой, что оглушилъ его. Собравшаяся толпа встала на сторону священника.

Онъ говорилъ мнѣ о либеральныхъ стремленіяхъ американскаго духовенства, о независимости священниковъ по отношенію къ правительству, о конкурирующихъ сектахъ. Религію поддерживаютъ только вѣрующіе. Священникъ получаетъ свою долю изъ общаго дохода и въ остальномъ нисколько не зависитъ отъ высшаго духовенства. Онъ развлекалъ меня въ продолженіе трехъ дней, благодаря своему веселому характеру. Онъ познакомился со всѣми путешественниками, и смѣхъ его раздавался въ разныхъ частяхъ вагона. Онъ съ удивительной способностью могъ говорить обо всѣхъ предметахъ: съ плантаторомъ онъ разсуждалъ о сахарѣ и покровительственной системѣ, съ промышленникомъ — о механикѣ, и даже о театрѣ — съ труппой молодыхъ танцовщиковъ и танцовщицъ, ѣхавшихъ въ Санъ-Франциско.

— Видите, каковы здѣсь священники, — говорилъ онъ мнѣ, — мы знаемъ дѣла не хуже спеціалистовъ. Мы интересуемся всѣмъ, чѣмъ интересуются здѣсь люди, и вслѣдствіе этого имѣемъ на нихъ вліяніе. Нужно всегда знать слабую сторону людей. Слабость же, т. е., я хотѣлъ сказать, сила американцевъ — это ихъ дѣла...

Среди пассажировъ находился между прочимъ торговецъ рыбными консервами.

— Правда ли, — спросилъ его священникъ, — что въ Калифорніи осетровъ убиваютъ изъ ружья?

Тотъ, польщенный, что можетъ дать объясненія по вопросу его спеціальности, подтвердилъ слова священника, сказавъ, что въ устьяхъ рѣкъ рыбы такая масса, что ее можно бить изъ ружья.

На второй день мы проснулись въ Санъ-Антоніо, городѣ, находящемся на полпути отъ Эль-Ріасо, который въ свою очередь находится на полдорогѣ отъ Санъ-Франциско. Время отъ времени поѣздъ пересѣкаетъ преріи, покрытыя желтыми цвѣтами, купами деревьевъ, одинокими столѣтними дубами. Вдали, закрывая горизонтъ, тянется голубая линія низкихъ холмовъ. Мы находимся по сосѣдству съ Мексикой: на головахъ у всѣхъ хлѣбопашцевъ надѣты большія шляпы конической формы.

За тучными цвѣтущими преріями тянутся песчаныя поля. Въ продолженіе многихъ часовъ иногда ничего не видишь, кромѣ полей, усыпанныхъ камнемъ, да хаотической стѣны холмовъ, которые иногда близко подходятъ къ желѣзнодорожной линіи. Внизу течетъ Ріо, очень узкая въ этой части своего теченія. На станціяхъ показываются мексиканскія семейства. У нихъ смуглая кожа, какъ у краснокожихъ, твердые волосы, сколотые на головѣ, а ихъ глаза и скулы дѣлаютъ ихъ похожими на монголовъ. Виды попрежнему мрачны и унылы: цѣлыя степи камней и скалъ; въ высохшихъ руслахъ рѣкъ нѣсколько низкихъ кустарниковъ; ничего живого, кромѣ нѣсколькихъ карликовыхъ пальмъ и кактусовъ, растущихъ въ пескѣ. Цѣлыми часами ничего не видишь, кромѣ разбросанныхъ въ безпорядкѣ камней, и радуешься, когда увидишь нѣсколько коровъ, пасущихся на тощей травѣ; въ окрестностяхъ нѣтъ ни фермы, ни сторожей. Я спрашиваю своего друга-священника:

— А развѣ ихъ не могутъ украсть?

— О, нѣтъ! Воры боятся закона Линча! Въ этой странѣ, гдѣ такъ трудно защищать собственность, за воровство животныхъ наказываютъ строже, чѣмъ за воровство денегъ. И это весьма понятно. Если не быть строгимъ до жестокости, нельзя быть спокойнымъ.

Два часа дня. Мы мчимся мимо пустынныхъ полей безъ растительности, безъ признаковъ культуры. Нѣтъ ни лошадей, ни коровъ; повсюду разстилаются пески, дюны, каменистые перекаты. На станціяхъ вмѣсто города видишь деревянный баракъ, представляющій собою вокзалъ, другой баракъ—почтовое отдѣленіе, корову или нѣсколько тощихъ деревьевъ, и это все. Дальше, докуда хватаетъ глазъ, пески и камни. Утромъ на третій день мы все еще въ Техасѣ. Эта страна по своей величинѣ равняется Франціи, Германіи и Италіи, вмѣстѣ взятымъ!

Эль-Пасо. Мы поставили наши часы на два часа назадъ. Здѣсь 9 часовъ утра, въ Парижѣ теперь 5 часовъ пополудни. Мнѣ вспоминается бульваръ на улицѣ Дрюо, гдѣ теперь жизнь бьетъ ключомъ. Какъ это далеко! Мнѣ стоитъ переѣхать мостъ, и я буду въ Мексикѣ. Но поѣздъ стоитъ полчаса, и я боюсь опоздать. Я удовольствуюсь тѣмъ, что смотрю изъ окна вагона на набережную, гдѣ стоятъ бѣлые мексиканскіе домики.

Мы трогаемся въ дальнѣйшій путь. Со вчерашняго дня локомотивъ питается керосиномъ, который здѣсь ничего не стоитъ. Дымъ, вылетающій изъ трубы, не такъ черенъ, какъ дымъ отъ угля, но медленнѣе опускается и разносится вѣтромъ. Преимущество отопленія керосиномъ состоитъ въ томъ, что онъ не даетъ столько грязи, какъ уголь. Мы проѣзжаемъ Аризону и пустыню Юма. Огромныя поля безъ признаковъ жизни, безъ деревьевъ, безъ культуры. Снова безъ конца смотришь на

камни и на причудливыя формы холмовъ. Иногда кажется, что видишь развалины гигантскаго замка или базальтовую фигуру человѣка, иногда холмъ представляется въ видѣ разрушеннаго барельефа, фронтона дворца, базилики, которые погибли милліоны лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе какого-нибудь стихійнаго переворота или вслѣдствіе проклятія пророка временъ Ассура. При этомъ ядовитая земля не порождаетъ рѣшительно ничего, даже травы.

Послѣ долгаго созерцанія этихъ мрачныхъ пейзажей, печальныхъ и безутѣшныхъ, начинаешь испытывать желаніе видѣть людей. Это легко исполнимо, такъ какъ рѣшительно всѣ скучаютъ и рады поболтать о чемъ-нибудь. Лучше всего смотрѣть на пейзажъ изъ такъ называемой observation-car (вагонъ для наблюденія), который весь состоитъ изъ оконъ, и бѣгущій мимо васъ пейзажъ можно наблюдать справа, слѣва и сзади. На задней площадкѣ устроены тоже сидѣнья, и въ хорошую погоду большинство путешественниковъ сидитъ тамъ. На третій день вечеромъ я присутствовалъ при великолѣпномъ зрѣлищѣ, которое вознаградило меня за 60 часовъ унынія.

Въ этихъ широтахъ солнце заходитъ весьма быстро. Сумерокъ здѣсь не знаютъ. Въ этотъ день съ утра шелъ дождь. Но вдругъ солнце разорвало тучи, повисшія черными и сѣрыми клочками по вершинамъ холмовъ. Горы на западѣ окутались великолѣпнымъ голубымъ чехломъ. Небесная лазурь казалась обширнымъ морскимъ горизонтомъ, залитымъ солнечнымъ свѣтомъ. Проклятыя степи Аризоны, усѣянныя бѣлыми камнями и голыми скалами, уподобились арабскимъ городамъ. Надъ голубыми вершинами горъ, надъ позлащенными пиками разсыпались тысячи лучей. Солнце садилось за жемчужныя облака. Этотъ дивный видъ вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, отразился на землѣ. Вдали должны были быть либо рѣка, либо море, въ которомъ отражалось все небо. Поѣздъ летитъ и даетъ намъ возможность любоваться зрѣлищемъ на болѣе близкомъ разстояніи. Цвѣта, красные, розовые, золотисто-желтоватые, фіолетовые, отражаются въ водѣ. Огромные блики чудно голубого цвѣта, какъ глаза дѣвственницы, манятъ зрителя. Я не могъ оторваться отъ этого феерическаго зрѣлища. Вечеръ надвигался, и чѣмъ скорѣе подвигался поѣздъ къ волшебному озеру, тѣмъ быстрѣе исчезало чудо.

Наступила полная темнота. Безконечный амфитеатръ холмовъ принялъ отвратительный видъ. Задулъ свѣжій вѣтеръ. Приходилось возвращаться въ вагонъ.

XXXII.

Лосъ-Анхелесъ.

Проснувшись на четвертый день утромъ, мы замѣтили, что оставили позади себя безлюдныя равнины Техаса и Аризоны. Прежнихъ кондукторовъ смѣнили новые. По обѣимъ сторонамъ поѣзда тянулись огромныя поля персиковъ, сливъ, абрикосовъ, разсаженныхъ въ геометрическомъ порядкѣ. Небо смѣялось, серебристыя облака медленно плыли по лазури. Солнечные лучи ласкали бѣлые и розовые цвѣты деревьевъ. Маленькіе деревянные домики, свѣтлые, веселые, окаймляли поля. На

краю дороги росли перцовыя деревья съ нѣжной листвой, съ длинными падающими гроздями. Въ глубинѣ пейзажа синѣли горы, вершины которыхъ нестерпимо сверкали на солнцѣ своими вѣковѣчными снѣгами. Нѣжный восхитительный ароматъ травы, свѣжей зелени проникалъ въ поѣздъ. Старая испанская миссія Св. Гавріила, выстроенная какъ разъ противъ желѣзной дороги, грѣлась на солнцѣ, выставляя свои стѣны вотъ уже болѣе ста лѣтъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы проѣзжаемъ мимо нея, на ажурной колокольнѣ раздается звонъ.

Спустя немного времени поѣздъ останавливается у Лосъ-Анхелеса. Мнѣ говорили, что это очаровательный городъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мало красивыхъ городовъ, вслѣдствіе чего если таковой попадается на пути, то спѣшишь воспользоваться случаемъ. Я схожу съ поѣзда, и онъ уходитъ безъ меня.

Впрочемъ, я не сожалѣю. Южная Калифорнія очаровательная страна, съ идеальнымъ климатомъ, съ несравненными богатствами. Ея пляжи, зимніе и лѣтніе курорты расположены самымъ удачнымъ образомъ. Отели, гдѣ приходится за все платить очень дорого, комфортабельны и обставлены очень хорошо, хотя кормятъ здѣсь, какъ и вездѣ въ Америкѣ, отвратительно.

Лосъ-Анхелесъ городъ новый. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ здѣсь было не болѣе 2.000 жителей, теперь же ихъ болѣе 100.000 Этотъ быстрый ростъ былъ вызванъ искусственнымъ путемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ компаніи покупали цѣлые не застроенные участки и пускали ихъ въ продажу небольшими кусками. Чтобы вызвать повышеніе цѣнъ, онѣ строили трамваи. Затѣмъ, когда мѣста были проданы, они переносили рельсы въ другіе кварталы, и это продолжалось, пока всѣ земли не были раскуплены! Послѣ этого, конечно, произошелъ крахъ. Большинство домовъ были доведены постройкой лишь до перваго этажа. И теперь еще на главной удицѣ города можно видѣть рядомъ съ очень высокими домами одноэтажныя хижины. Но это не помѣшало городу развиваться и процвѣтать, и въ настоящее время онъ считается вторымъ по величинѣ городомъ въ Калифорніи.

Какъ великолѣпны зато его окрестности! Я никогда не забуду радостнаго ощущенія, охватившаго меня, когда трамвай остановился на одной изъ окраинъ города и мы съ ирландскимъ священникомъ вышли на улицу, окаймленную китайскими оливковыми деревьями, перцовыми деревьями, латаніями съ ихъ вѣерообразными листьями и цѣлой массой другихъ деревьевъ. Чистенькія аккуратныя лужайки окружаютъ деревянныя и кирпичныя виллы, окрашенныя въ самые веселые тона—въ розовый, голубой, зеленый, палевый, красный, желтый, которые какъ нельзя лучше гармонируютъ съ смѣющимся небомъ, съ цвѣтами и зеленью! Здѣсь въ первый разъ за свое путешествіе по Америкѣ я встрѣтилъ оригинальную архитектуру. Эти виллы не только не походятъ на видѣнныя мною раньше, но онѣ, кромѣ того, выстроены со вкусомъ, онѣ элегантны, разнообразны, граціозны и удобны. Многія выстроены въ стилѣ испанскаго возрожденія: у нихъ плоскія крыши, маленькія башенки, галереи съ аркадами; другія представляютъ счастливое сочетаніе стилей мексиканскаго и колоніальнаго. Сквозь окна различаешь складки кокетливыхъ занавѣсей, красивыя вазы съ цвѣтами. Смѣло можно заключить, что люди, живущіе въ этихъ домахъ, стараются насколько возможно

украсить свою жизнь. Это не только аферисты-капиталисты, но еще и артисты, а если нѣтъ, то вскорѣ будутъ ими... Природа поможетъ имъ. Нельзя жить безнаказанно на лонѣ красоты. И какая здѣсь природа!

Пальмы достигаютъ въ вышину десяти метровъ; юкки не менѣе колоссальныя, растрепанныя, какъ волосы Эвменидъ; всѣ сорта ползучихъ растеній, розы, герани, глициніи, клематиты, капуцины, обвивающіе стволы финиковыхъ деревьевъ, кипарисовъ, кокосовыхъ деревьевъ, взбирающіеся на ихъ вѣтви, поднимающіеся до самыхъ вершинъ каучуковыхъ деревьевъ, гигантскихъ алоэ, заостренныхъ, какъ кинжалы! Воздухъ напоенъ ароматомъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, мимозъ, стоящихъ въ цвѣту, и всѣхъ цвѣтовъ, покрывающихъ, землю: гвоздики, лиліи, ириса, геліотропа и въ особенности розъ! Это изобиліе растеній и запаховъ производитъ впечатлѣніе неисчерпаемыхъ богатствъ и плодородія почвы.

Въ Лосъ-Анхелесѣ не часто идетъ дождь, но зато когда идетъ, то внушительный. При мнѣ шелъ дождь только разъ. Улицы и аллеи моментально превратились въ потоки, подернутые опаловымъ налетомъ керосина, котораго здѣсь изобиліе. Поддерживали сообщеніе только трамваи. Ихъ снѣгоочистители разсѣкали воду, какъ носъ судна. Хорошо, что тротуары довольно высоко подняты надъ мостовой, не будь этого, дома, т. е. нижніе этажи, были бы залиты. На улицахъ люди снимали сапоги и завертывали панталоны, чтобы выйти изъ кареты. Болѣе индифферентные спокойно шагали въ ботинкахъ, погружаясь въ воду по икру, а иногда и по колѣно. Собакамъ не нужно было нагибать головы, чтобы напиться. Дамы, которымъ нужно было сѣсть въ трамвай, переносились на рукахъ кондукторами или какимъ-либо изъ услужливыхъ пассажировъ. И все это дѣлалось спокойно, безъ криковъ и безъ смѣха.

Одинъ изъ зимнихъ курортовъ, лежащій на разстояніи часа ѣзды въ трамваѣ отъ Лосъ-Анхелеса, называется Пасадина. Здѣсь, кажется, природа еще роскошнѣе, чѣмъ въ городѣ. Здѣсь среди виллъ, деревьевъ и цвѣтовъ великолѣпныя апельсинныя деревья въ одно и то же время цвѣли и имѣли золотистые плоды. Близъ нихъ находились кусты розъ бѣлыхъ и красныхъ. Тысячи розъ ползли по апельсиннымъ деревьямъ, ниспадая каскадами среди яркой листвы. Улицы Пасадины, обсаженныя деревьями, усѣянныя цвѣтами, походятъ на самыя красивыя улицы Лазурнаго берега. Но здѣсь чувствуется болѣе новая, болѣе могучая почва, здѣсь болѣе истинной силы и богатства природы и меньше изысканности и элегантности. Иногда мимо быстро проносятся автомобили. Что дѣлаютъ здѣсь эти сумасшедшіе? Мнѣ почему-то кажется, что здѣсь должны быть только люди, любящіе созерцать природу. Зрѣлище, представляющееся глазамъ, поистинѣ очаровательно. Окна всѣхъ виллъ открыты настежь. Фасады покрыты сплошь розами и гераніумомъ или другими неизвѣстными мнѣ цвѣтами; впереди домовъ—клумбы гвоздики, вервены, примаверы, геліотроповъ; стволы пальмъ кажутся поднимающимися изъ вазъ, наполненныхъ розами, гіацинтами. Вдали видны голубыя горы, съ снѣговыми вершинами; птицы поютъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Воздухъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ; молодыя дѣвушки въ красныхъ шляпахъ, сидя по-мужски верхомъ на лошадяхъ, галопируютъ рядомъ съ легкими каретами, которыя управляются женщинами. Зрителя охватываетъ ощущеніе подавляющаго богатства, изобилія, почти

преувеличеннаго, красоты, почти слишкомъ совершенной, тиранической нѣжности; не хочется сдѣлать ни одного движенія, ни одного жеста, не хочется ни работать, ни дѣйствовать.

Изъ Лосъ-Анхелеса, я поѣхалъ на островъ Каталину, расположенный въ Тихомъ океанѣ, въ трехъ часахъ разстоянія. Тамъ обыкновенно проводятъ цѣлый день, лазая по обрывистымъ тропинкамъ, любуясь на обильную флору и на панораму Тихаго океана, по волнамъ котораго ныряютъ огромные пароходы, идущіе въ Санъ-Франциско. Затѣмъ спускаешься внизъ, берешь лодку, дно которой сдѣлано изъ стекла, и ѣдешь въ одинъ изъ тихихъ заливовъ любоваться подводной растительностью. Сквозь зеленоватую воду ясно видно всѣ водяныя растенія. Лодочникъ называетъ вамъ ихъ имена, а рыбы указываютъ глубину. Смотришь, разспрашиваешь, удивляешься, иногда вскрикиваешь. Вотъ скалы, покрытыя, точно инкрустаціей, ракушками, вотъ красныя рыбы, зеленыя, серебряныя, которыя медленно извиваются сквозь колеблющіяся растенія; иногда видишь цѣлыя деревья съ огромными вѣтвями, раскачиваемыя волнами, точно бурей; огромныя рыбы всевозможныхъ формъ мелькаютъ передъ глазами, какъ въ акваріумѣ; иногда видишь морскую звѣзду, прилипшую къ скалѣ, иногда растенія съ плодами, напоминающими оливы. Приникши къ прозрачному стеклу, люди глядятъ и восторгаются.

Я побывалъ также и въ Голливудѣ, отстоящемъ отъ Лосъ-Анхелеса на 10 километровъ. Вдоль дороги тянутся поля, усаженныя апельсинными и лимонными деревьями, персиками и другими фруктовыми деревьями, которыя заслоняютъ собой горизонтъ, позволяя лишь видѣть граціозные контуры дальнихъ холмовъ.

Вначалѣ глазъ восхищается этими стройными рядами деревьевъ, украшенныхъ на подобіе рождественскихъ елокъ, но вскорѣ ихъ геометрическое расположеніе и монотонная зелень надоѣдаютъ и утомляютъ. На краю дороги стоитъ отель, нѣсколько коттэджей и банкъ.

На этой дорогѣ за два дня до моего пріѣзда электрическій трамвай изъ Санта-Моника былъ остановленъ двумя или тремя бандитами, которые пытались отнять багажъ у путешественниковъ. Вы знаете, какъ это дѣлается. Они кричатъ: «Hands!» (руки кверху), и если хочешь остаться въ живыхъ, нужно повиноваться; съ револьверомъ въ рукахъ они заставляютъ путешественниковъ очистить свои карманы, выдать всѣ деньги, драгоцѣнности. Горе тому, кто противится. При малѣйшемъ движеніи они не задумываясь стрѣляютъ. Обыкновенно имъ не сопротивляются. Въ этотъ день въ трамваѣ находился какой-то молодой человѣкъ съ своей матерью; онъ рѣшилъ защищаться и не замедлилъ получить пулю въ грудь, отъ которой спустя нѣсколько часовъ скончался. Зато бандиты, не окончивъ начатаго, убѣжали. Газеты Лосъ-Анхелеса разсказывали про это событіе, какъ про самый обыкновенный случай. Въ этой благословенной странѣ калабрійскія традиціи хранятся во всей чистотѣ.

XXXIII.

Пляжи милліардеровъ.

Въ Лосъ-Анхелесѣ мнѣ всѣ повторяли одно и то же:

— Нельзя уѣхать изъ Калифорніи, не побывавъ въ Санта-Барбара, Коронадо-Бичъ, Монтерей, Санъ-Діего, Риверсидѣ. Это самые модные пляжи на Западѣ. И если вы вернетесь въ Европу, не видавъ ихъ, вы не будете въ состояніи утверждать, что знаете Америку.

Хотя нельзя сказать, чтобы я не зналъ Америки послѣ того, какъ въ продолженіе долгихъ восьми мѣсяцевъ изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, я все же не хотѣлъ покидать эту страну съ угрызеніями совѣсти, что не поинтересовался полюбоваться на дивное зрѣлище и познакомиться съ типичнымъ учрежденіемъ.

Поэтому я отправился на южно-калифорнійскіе пляжи. Они приблизительно всѣ похожи одинъ на другой по своему жаркому климату, нѣжности волнъ, роскоши растительности, обилію цвѣтовъ, дороговизнѣ жизни въ гостинницахъ и по людямъ, съ которыми встрѣчаешься тамъ. Въ Риверсидѣ, вблизи колоссальной аллеи могнолій, растутъ фантастическіе кактусы-свѣчи, превосходящіе по высотѣ деревья и стволы которыхъ, достигающіе десяти метровъ высоты, возносятся къ небу, какъ стройныя іоническія колонны съ капителью изъ зубчатыхъ листьевъ. Въ Санъ-Діего я видѣлъ пальмы болѣе 20 метровъ вышины, посаженныя въ 1769 году. Близъ Санта-Моника показываютъ аллею эвкалиптовъ въ 16 километровъ длины. Повсюду разсыпаны испанскія миссіонерскія общины, ютящіяся обыкновенно гдѣ-нибудь въ укромныхъ уголкахъ у подножія горъ, вдали отъ шума, въ центрѣ роскошной растительности, среди изобилія фигъ, апельсиновъ, персиковъ и цвѣтовъ. Здѣсь францисканскіе монахи живутъ подъ сводами бѣлыхъ монастырей; старый источникъ журчитъ посреди двора, въ каменной поросшей мхомъ цистернѣ; розы и гераніумъ ползутъ по кирпичнымъ стѣнамъ. Монахи ведутъ тамъ жизнь такую же, какую вели первые испанскіе и португальскіе миссіонеры, которые въ то же время были и колонистами. Эти мѣста посѣщаются, какъ единственные остатки далекаго прошлаго. Американцы въ своей наивности относятся къ этимъ стѣнамъ съ такой же почтительностью, съ какой европейцы смотрятъ на Партенонъ или средневѣковые соборы.

Огромныя рекламы, афиши, брошюры, проспекты и объявленія въ газетахъ пытаются привлечь американцевъ, желающихъ отдохнуть, въ западные курорты, но напрасно... Американецъ хочетъ работать, ему день малъ, а путешествіе въ южную Калифорнію отнимаетъ 4—5 дней пути. Вслѣдствіе этого тамъ относительно мало посѣтителей: эти курорты посѣщаютъ только мужчины, перешедшіе 50-ти-лѣтній возрастъ, и дамы среднихъ лѣтъ, молодыхъ же дѣвушекъ очень мало.

Вечеромъ въ отелѣ, во время прогулки по освѣщеннымъ заламъ, среди элегантной толпы мнѣ показываютъ Рокфеллера-отца!

Вамъ, конечно, извѣстно имя этого человѣка, самаго богатаго изъ всѣхъ американскихъ милліардеровъ и самаго богатаго человѣка въ мірѣ. Въ этой странѣ, гдѣ личная энергія находитъ для себя примѣненія больше,

чѣмъ гдѣ-либо, и гдѣ только она одна принимается въ разсчетъ, Джонъ Д. Рокфеллеръ, очевидно, самый оригинальный человѣкъ. Его состояніе исчисляется болѣе чѣмъ въ 4 милліарда франковъ. Но, впрочемъ, никто его капитала не считалъ, и онъ самъ никому о немъ не разсказывалъ. Извѣстно только, что восемь лѣтъ тому назадъ на его имя имѣлось 4%-хъ билетовъ казначейства Соединенныхъ Штатовъ на сумму 800 милліоновъ долларовъ. Извѣстно также, что «Standard Oil», его главное предпріятіе, т. е. керосиновый трестъ, приноситъ ему ежегодно 100 милліоновъ франковъ дохода. Наконецъ, его имя фигурируетъ среди наиболѣе крупныхъ пайщиковъ самыхъ грандіозныхъ американскихъ желѣзнодорожныхъ компаній.

Между тѣмъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1863 году, у него не было и 1.000 долларовъ за душой. Это былъ бѣдный приказчикъ въ книжномъ магазинѣ въ штатѣ Огайо, въ Кливлэндѣ. Затѣмъ онъ началъ изучать нефтяное дѣло, попробовалъ спекулировать, выигралъ, и послѣ счастье уже не покидало его. Въ настоящее время онъ нефтяной король; каждая новая капля нефти обогащаетъ его, и если иногда утромъ ему приходитъ въ голову подарить нѣсколько милліоновъ своему другу президенту Чикагскаго университета Гарнеру, то ему стоитъ только росчеркомъ пера повысить на одинъ су курсъ бумагъ.

Вотъ всемогущій человѣкъ! Въ то же время это человѣкъ, котораго боятся. Въ Нью-Іоркѣ, Питсбургѣ, Чикаго я встрѣчалъ его друзей или, вѣрнѣе, его хорошихъ знакомыхъ, такъ какъ у Джона Рокфеллера друзей нѣтъ. Эти люди, владѣющіе сами сотнями милліоновъ, стоящіе во главѣ колоссальныхъ банковыхъ, промышленныхъ или желѣзнодорожныхъ предпріятій, охотно давали мнѣ свѣдѣнія о самихъ себѣ, принимали меня у себя, но какъ только я произносилъ имя Рокфеллера, лица ихъ омрачались, тонъ разговора измѣнялся, и если я просилъ познакомить меня съ нимъ, съ ихъ «другомъ», я видѣлъ по ихъ смущенію, что поступлю нетактично, если стану настаивать.

И я не настаивалъ.

Но вотъ однажды вечеромъ, когда мы собирались сѣсть за столъ, мой другъ, ирландскій священникъ, съ которымъ мы все еще не разстались, показалъ мнѣ этого владыку.

Какъ пишется исторія!

Во Франціи я читалъ, что Рокфеллеръ—полуразвалившійся трупъ, согбенный, передвигающійся при помощи костыля, что онъ ничего не ѣстъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ, что онъ живетъ только благодаря искусственно вводимой пищи. Мнѣ помнится, тамъ была такая фраза: «Онъ умираетъ, понимаете, онъ умираетъ отъ голода, какъ послѣдній нищій!»...

Джонъ Д. Рокфеллеръ человѣкъ высокаго роста, могучаго тѣлосложенія. Спина чуть-чуть согнута, ходитъ онъ безъ палки, легко и увѣренно. Ему только 64 года. Правда, онъ некрасивъ. Вы напрасно будете искать волосъ на его головѣ: ихъ нѣтъ ни спереди, ни сзади, но его худощавое костистое лицо съ выдающимися скулами кажется здоровымъ, краснымъ, какъ у сангвиника. Его длинный носъ выдается между двухъ круглыхъ черныхъ глазъ съ прямымъ и жесткимъ взглядомъ. Очень тонкія, почти невидныя губы исчезаютъ въ заостренномъ бритомъ подбородкѣ. При внимательномъ взглядѣ на этого человѣка получается впечатлѣніе силы и несокрушимой воли. Съ капюшонамъ на головѣ онъ

походилъ бы на монаха инквизиціи, вродѣ тѣхъ, которыхъ можно видѣть въ испанскихъ музеяхъ; задрапированный въ тогу, онъ походилъ бы на римскаго судью.

Пробило семь часовъ, и всѣ направились въ столовую. Я не терялъ изъ виду милліардера. По пути онъ раскланивался съ разными американскими капиталистами и за столомъ занялъ мѣсто очень близко отъ меня. Случай мнѣ благопріятствовалъ, и я могъ увидѣть, какъ умираетъ отъ голода керосиновый король!

Онъ сидѣлъ посреди своей семьи за большимъ круглымъ столомъ. Здѣсь были: его жена, маленькое тонкое существо съ сѣдыми волосами, некрасивая, въ розовомъ платьѣ; сынъ его, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, гладко выбритый, въ золотыхъ очкахъ на носу, съ расчесанными на проборъ волосами; одна изъ его дочерей, черноволосая, высокая, безличная дѣвушка, очень безвкусно одѣтая (за ней, какъ я слышалъ, всего только 15 милліоновъ приданаго); домашній докторъ, высокій, сильный молодой человѣкъ, съ короткими усами, жизнерадостнымъ лицомъ. Джонъ Рокфеллеръ въ этотъ вечеръ, однако, не умеръ, такъ какъ не отказался ни отъ одного блюда, которое ему подносили, несмотря даже на то, что обѣдъ былъ куда какъ неваженъ!

Когда мой милліардеръ ушелъ, я спросилъ горничную, прислуживавшую ему. Я видѣлъ, что онъ ѣлъ, но все же хотѣлъ убѣдиться въ этомъ со словъ другихъ. Дѣвушка отвѣтила мнѣ:

— Онъ не только ѣстъ все, но у него, можно сказать, великолѣпный аппетитъ!

Говорившая со мной дѣвушка была высока ростомъ, у ней были блестящіе глаза и румяныя щеки.

— Вотъ, должно быть, щедрый господинъ,—замѣтилъ я по адресу Рокфеллера.

Та разсмѣялась.

— Онъ пріѣхалъ сюда изъ Пасадины,—отвѣтила она,—и газеты пишутъ, что онъ выѣхалъ изъ отеля Грипъ, не давъ ни одного су на чай прислугѣ.

— Хотѣли бы вы быть на его мѣстѣ?

— О, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула дѣвушка.—Если бы еще у него были волосы!..

И вотъ жизнь, г-нъ Рокфеллеръ! Бѣдная служанка отеля не завидуетъ, вамъ, хотя, быть можетъ, вы и думаете, что являетесь предметомъ зависти. Съ своей стороны я тоже не завидую вамъ.

Послѣ обѣда всѣ собрались въ большомъ залѣ. Я подсѣлъ къ г-ну Фрику. Это тоже человѣкъ далеко не ординарный. Онъ швейцарецъ по происхожденію и въ настоящее время ему 54 года. Пріѣхавъ въ Америку безъ гроша въ карманѣ, онъ теперь обладаетъ капиталомъ въ 50 милліоновъ долларовъ, имѣетъ 23.000 гектаровъ земли, 83 угольныхъ шахты, гдѣ работаетъ 110.000 рабочихъ. Фрикъ только-что передъ тѣмъ разговаривалъ съ Рокфеллеромъ. Передъ ними стояли Линкольнъ и маршалъ Филдъ. Это былъ красивый букетъ капиталистовъ. Фрикъ своимъ невысокимъ ростомъ и полнотой напоминалъ короля Эдуарда VII; Линкольнъ, высокій, съ рыжеватой бородой, съ растрепанными волосами, походилъ на «артиста»; Филдъ казался нервнымъ, ажитированнымъ. Что останется отъ этихъ основателей династій черезъ сто лѣтъ?

У американцевъ еще нѣтъ чувства исторіи. Они слишкомъ заняты настоящимъ. Впослѣдствіи они пожалѣютъ, что плохо собирали свѣдѣнія объ этихъ піонерахъ ихъ богатства и славы. По крайней мѣрѣ, какъ это ни странно, эти герои будущихъ легендъ не привлекали въ настоящее время на себя вниманія общества. Что это, аффектація или индифферентизмъ? Этого Рокфеллера, который изъ собственнаго кошелька могъ заплатить сразу почти всю контрибуцію, наложенную на насъ Пруссіею въ 1871 году, разглядывали безъ особаго любопытства. Вотъ онъ всталъ и пошелъ, раскланиваясь съ дамами почтеннаго возраста, но онѣ едва обращаютъ на него вниманіе. Я увѣренъ, что я былъ единственнымъ человѣкомъ, который замѣтилъ его большіе сапоги, стоячій воротникъ, бѣлый галстухъ, смокингъ и его тонкую усмѣшку стараго Пьерро. Когда онъ повернулся ко мнѣ спиной, я увидѣлъ на его голомъ черепѣ, какъ разъ позади оттопыренныхъ ушей, два громадныхъ возвышенія, значеніе которыхъ пусть объяснятъ френологи.

Въ маленькомъ салонѣ организуются танцы. Рокфеллеръ, стоя въ амбразурѣ окна, глядитъ на танцующихъ. Не теряя его изъ виду, я завожу о немъ разговоръ съ однимъ изъ его друзей, только-что бесѣдовавшихъ съ нимъ. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ:

— Капиталъ Рокфеллера въ настоящее время равняется 7.500 милліонамъ долларовъ (приблизительно полтора милліарда рублей). Керосиновый трестъ приноситъ ему ежегодно приблизительно 25 милліоновъ долларовъ. Онъ ведетъ очень регулярную жизнь. Рокфеллеръ ложится всегда въ 10 часовъ вечера. Каждый годъ въ третій четвергъ мая мѣсяца онъ уѣзжаетъ изъ Нью-Іорка въ Кливлэндъ, всегда въ томъ же поѣздѣ. Тамъ онъ остается до сентября, возвращается въ Нью-Іоркъ, затѣмъ ѣдетъ въ Лэквудъ, оттуда же сюда, на западъ. Крѣпкій, сильный, выносливый, онъ любитъ игру въ гольфъ и вообще всѣ игры, требующія пребыванія на воздухѣ, причемъ выказываетъ себя неутомимымъ игрокомъ; онъ обладаетъ завиднымъ аппетитомъ, ѣстъ все, а пьетъ молоко, потому что любитъ его. Онъ страстно любитъ садовое искусство, занимается разбивкой аллей, газоновъ, клумбъ, цвѣтовъ...

— Говорятъ, онъ скупъ?

— Скупъ? Онъ, между прочимъ, далъ 30 милліоновъ Чикагскому университету. Но онъ, правда, отказывается давать на чай, потому что находитъ это несправедливымъ. Онъ платитъ то, что слѣдуетъ, и это все. Онъ не любитъ швырять деньгами. Онъ одинаково обращаетъ вниманіе какъ на затрату въ 100 франковъ, такъ и на затрату въ 10 милліоновъ. Теперь онъ почти совершенно не занимается дѣлами. Онъ поручилъ ихъ своему сыну, который обладаетъ большой сметкой (very keen) и изъ котораго выйдетъ первоклассный дѣлецъ...

— Говорятъ, онъ неумолимъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ?

— Онъ точенъ. Что должно быть, то будетъ. Онъ преслѣдуетъ свою цѣль и осуществляетъ ее всѣми средствами. Если онъ сдѣлался богатъ, то это по винѣ другихъ. Когда онъ устраивалъ свои тресты, онъ всегда предлагалъ свои акціи тѣмъ, съ кѣмъ велъ переговоры. Тѣ же предпочитали наличныя деньги. Онъ одинъ вѣрилъ себѣ, и теперь вознагражденъ за это...

Въ большомъ залѣ пробило 10 часовъ. Я видѣлъ, какъ Рокфеллеръ

провѣрилъ свои часы, сдѣлалъ знакъ женѣ и направился къ подъемной машинѣ.

XXXIV.

Санъ-Франциско. Нѣкоторыя учрежденія.

На Дальнемъ Западѣ есть два знаменитыхъ университета: Государственный университетъ Берклей и Станфордъ—частный университетъ.

Берклей расположенъ въ очаровательной мѣстности у подножія холма, посреди лужаекъ и столѣтнихъ дубовъ, какъ разъ передъ бухтой Санъ-Франциско, съ великолѣпнымъ видомъ на Золотыя Ворота и Тихій океанъ. Нельзя себѣ ничего представить болѣе великолѣпнаго, какъ видъ, которымъ любуешься здѣсь во время солнечнаго заката. За исключеніемъ этого, пожалуй, единственнаго въ мірѣ мѣстоположенія, университетъ Берклей ничѣмъ не отличается отъ прочихъ американскихъ университетовъ. Единственное отличіе состоитъ въ томъ, что сюда допускаются дѣвушки на-ряду съ мужчинами. Кромѣ того, есть небольшая разница въ одежѣ: всѣ студенты носятъ черныя шляпы. Приэтомъ наиболѣе поношенныя, грязныя считаются самыми шикарными. На нѣкоторыхъ имѣются какіе-то фантастическіе рисунки. Но чѣмъ больше пятенъ, чѣмъ больше дыръ, тѣмъ болѣе онѣ цѣнятся. У нѣкоторыхъ студентовъ я видѣлъ такія шляпы, которыя своимъ истрепаннымъ видомъ могли бы съ успѣхомъ конкурировать съ шляпой капитана Фракасса. Нужно видѣть, съ какой лицемѣрной простотой, съ какимъ гордымъ безразличіемъ носятъ студенты свои рваныя шляпы. Кромѣ этого, отъ посѣщенія Берклея у меня еще сохранилось воспоминаніе объ естественномъ амфитеатрѣ, гдѣ происходятъ представленія и конференціи. Вообразите себѣ круглую площадку, окруженную соснами. Голосъ здѣсь звучитъ, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ то время, какъ я проходилъ, тамъ устраивали эстраду, съ которой Рузвельтъ долженъ былъ произнести свою рѣчь.

Вы, навѣрное, слышали объ университетѣ Берклей. Одна изъ американскихъ капиталистокъ, г-жа Гирстъ, мать издателя «New-Iork Jurnal», пожертвовала 500.000 франковъ, предназначенные на расходы по конкурсу архитектурныхъ проектовъ для окончанія постройки университетскаго зданія.

Другой университетъ построенъ на средства вдовы капиталиста, которая, повидимому, хотѣла хоть чѣмъ-нибудь подѣлиться съ людьми такъ легко доставшимся ей колоссальнымъ состояніемъ послѣ смерти ея мужа Станфорда. Университетъ обладаетъ капиталомъ въ 150 милліоновъ франковъ. Онъ посвященъ памяти безвременно скончавшагося Станфорда. Всѣ огромныя постройки, всѣ дворы, стѣны, двери, ворота, все напоминаетъ «скромныхъ» основателей университета. Между прочимъ, есть тріумфальная арка, фризъ которой изображаетъ г-жу Станфордъ на лошади во всей красѣ. Церковь вся цѣликомъ посвящена памяти отца; есть музей молодого Станфорда. Тамъ можно видѣть его первые карманные часы, его дѣтскія платьица, его гетры, игрушки, кнуты, пушки, лошади, локомотивы, коляски, затѣмъ цвѣты, стоявшіе у него на столѣ во время предсмертной болѣзни, его книги и

рисунки, чучела птицъ, убитыхъ имъ, разные мелкіе сувениры, привезенные имъ изъ путешествій по Европѣ, и Богъ знаетъ что еще!

Я уважаю чувство матери, которая сохранила всѣ вещи своего любимаго и единственнаго ребенка. Но она прятала ихъ у себя, не желая, чтобы другіе профанировали ея чувства. Г-жа Сара Бернаръ возитъ съ собою повсюду первый чепчикъ и первую рубашку своего сына, и я ее понимаю. Наоборотъ, г-жа Станфордъ выставляетъ свои реликвіи на обозрѣніе равнодушной толпы. На что это? Или она хочетъ доказать намъ свою преданность мужу? Но она, кромѣ того, выставила здѣсь же курительныя трубки Станфорда-отца, рядомъ съ которыми разложены гребни и гребенки, которыми причесывалась г-жа Станфордъ, находящаяся и въ настоящее время въ живыхъ.

Говорятъ, что основательница немножко слабовата разсудкомъ. Люди, которые покушаются на ея кошелекъ, пользуются ея слабоуміемъ... Они приходятъ къ ней, увѣряютъ ее, что ея умершій сынъ навѣрно согласился бы удовлетворить ихъ просьбу. Она постоянно проситъ отсрочки на двадцать четыре часа для совѣщанія со своимъ сыномъ и затѣмъ, смотря по вдохновенію умершаго, она даетъ или отказываетъ...

Такимъ образомъ эта нѣсколько экстравагантная выставка извинительна, хотя все равно никто не смѣется ни надъ сыновнимъ музеемъ, ни надъ материнскимъ гардеробомъ, ни надъ папашинами трубками, ни надъ бронзовыми статуями. Такъ какъ все это заключено въ мраморныя стѣны съ затратой нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, а въ особенности потому, что чувство ироніи здѣсь неизвѣстно, то при видѣ всего этого люди довѣрчиво дивятся, какъ дивятся они и въ историческомъ Бостонскомъ музеѣ.

Къ счастью, не всѣ филантропическія учрежденія носятъ на себѣ отпечатокъ наивнаго тщеславія. Settlemens—великолѣпное учрежденіе. Тѣ, кто имъ занимается, не считаются вовсе богатыми людьми. Они отдаютъ имъ свое время, свою энергію со скромностью, которая въ тысячу разъ пріятнѣе тщеславія г-жи Станфордъ. Settlemens не имѣетъ опредѣленной цѣли. Его аттрибуты варьируются, смотря по дѣятельности и фантазіи организатаровъ, а также смотря по нуждамъ. Обыкновенно нѣсколько дамъ и молодыхъ дѣвушекъ нанимаютъ на собственныя средства въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ какой-нибудь домъ. Затѣмъ онѣ отправляются по разнымъ кварталамъ и приглашаютъ приходить къ нимъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь, напримѣръ, т. е. въ томъ домѣ, куда привела меня миссъ Джемсси Пейксото и гдѣ она усердно работаетъ, основанъ «клубъ матерей». Жены рабочихъ и ихъ дочери приходятъ туда для чинки платьевъ; здѣсь ихъ учатъ шить, такъ какъ многія женщины въ Америкѣ ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ, показываютъ, какъ нужно гладить, дѣлать выкройки и стряпать. Сегодня имъ показывали десять различныхъ способовъ варки куска мяса въ десять су. Мужчины тоже допускаются сюда; они занимаются здѣсь всѣмъ, что ихъ интересуетъ. Все, что имъ нужно знать для того, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, и для того, чтобы быть въ состояніи бороться со своими конкурентами, со всѣмъ этимъ они знакомятся здѣсь. Здѣсь устраиваются лекціи о пользѣ торговыхъ союзовъ, такъ какъ въ Америку каждый годъ прибываютъ отъ семи до восьми сотъ тысячъ новыхъ лицъ, которыя никогда не принадлежали ни къ какой ассоціаціи.

ціи. Ихъ посвящаютъ въ тайны ассоціаціи, объясняютъ имъ ихъ права, прочитываютъ главы изъ законовъ, ихъ побуждаютъ вотировать, заботятся о соблюденіи законовъ работодателей и о законѣ относительно работы дѣтей и пр. Въ короткое время они выучиваются руководить преніями и произносить рѣчи. Однимъ словомъ, всѣмъ этимъ людямъ, пришедшимъ съ разныхъ концовъ свѣта, по большей части невѣжественнымъ, одинокимъ, создаютъ общественную жизнь, очагъ, занятія, которыя расширяютъ ихъ горизонтъ и улучшаютъ матеріальную сторону ихъ жизни.

Дѣти тоже присутствуютъ на этихъ собраніяхъ. Для нихъ имѣются гимнастическій залъ, библіотека, различныя игры. Иногда группа молодыхъ людей изъ этого же квартала является съ просьбой дать имъ мѣсто для учрежденія клуба. Ихъ просьбу удовлетворяютъ. Клубъ процвѣтаетъ, и они считаются полными хозяевами въ немъ.

Въ этой цвѣтущей странѣ благотворительность развита въ высшей степени. Вслѣдствіе этого благотворительныя общества нерѣдко эксплуатируются профессіоналами. Но практическій геній расы съ успѣхомъ защищается противъ злоупотребленій. Въ настоящее время въ Санъ-Франциско образуется трестъ благотворительности. Онъ называется «Комитетъ благотворительныхъ пожертвованій». Онъ учрежденъ не только для огражденія общества отъ шарлатановъ, но также противъ ненужныхъ предпріятій. Онъ даетъ свѣдѣнія всѣмъ благотворительнымъ обществамъ, которыя къ нему обращаются, онъ раздаетъ карточки людямъ испытанной честности, и только такіе могутъ принимать пожертвованія и даянія.

Трестъ смотритъ на благотворительность съ дѣловой точки зрѣнія. Такъ, онъ отказывается устраивать лично концерты и другія увеселенія. Онъ передаетъ это профессіоналамъ. Организаторъ бала и концерта получаетъ изъ чистой прибыли 50 %, а остальное идетъ въ пользу треста. Такимъ образомъ трестъ ничѣмъ не рискуетъ. Организація помощи бѣднымъ такая же. У треста есть безпристрастные агенты въ лицѣ устроителей settlement'овъ, которые лишь посѣщаютъ жилища рабочихъ. Онъ занимается также устройствомъ на мѣста дѣтей. У него для этого имѣются опять-таки агенты, состоящіе на жалованіи.

Все это дѣлается безъ всякаго вмѣшательства со стороны государства, безъ полицейскаго контроля, безъ правительственныхъ субсидій.

Французы, живущіе въ Калифорніи, въ концѣ концовъ стали подражать американцамъ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, французское благотворительное общество, основанное въ Санъ-Франциско въ 1851 году, достигло въ настоящее время фантастическаго процвѣтанія. У него слишкомъ много денегъ въ кассѣ! Оно не знаетъ, что съ ними дѣлать! Одинъ изъ членовъ общества сказалъ мнѣ:

— Если французскому правительству нужно нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, то они въ его распоряженіи.

Они основали здѣсь чудный госпиталь, который пристыдилъ бы всѣ французскіе госпитали. Я осматривалъ его весьма подробно и, какъ ни старался, нигдѣ не могъ отыскать ни одной пылинки на блестящихъ фаянсовыхъ стѣнахъ. Главный принципъ въ этомъ великолѣпномъ учрежденіи—это изолированіе заразныхъ больныхъ въ отдѣльные бараки, чтобы они не соприкасались не только съ другими заразными, но даже и съ обыкновенными больными.

Госпиталь состоитъ изъ четырнадцати корпусовъ, операціоннаго павильона, барака для туберкулезныхъ и помѣщенія для выздоравливающихъ, не считая дезинфекціонныхъ печей, морга, кухонь, залъ совѣтовъ и всевозможныхъ бань, душей и массажевъ. Энергія, вырабатываемая машинами, двигаетъ элеваторы и гидравлическія помпы. Всѣ комнаты устроены въ два свѣта, то есть черезъ потолокъ и черезъ окна. Воздухъ возобновляется каждыя десять минутъ въ операціонныхъ залахъ и каждыя пятнадцать минутъ въ больничныхъ палатахъ, и каждыя двадцать минутъ въ остальныхъ комнатахъ посредствомъ вентилирующихъ механизмовъ.

Общество насчитываетъ 4.900 членовъ, со взносомъ въ шестьдесятъ франковъ въ годъ. Оно имѣетъ въ годъ дохода до шестисотъ пятидесяти тысячъ франковъ, причемъ ежегодно получается излишекъ дохода надъ расходами на сумму сто тридцать пять тысячъ франковъ. Вотъ разительный примѣръ, чего можетъ достичь группа людей, оторванныхъ отъ родной земли, въ свободной странѣ.

XXXV.

Санъ-Франциско. (Китайскій городъ).

Мнѣ показывали китайскій раіонъ въ Нью-Іоркѣ, но онъ показался мнѣ недостаточно интереснымъ и недостаточно типичнымъ, чтобы разсказывать вамъ о немъ. Къ тому же я зналъ, что увижу китайскій городъ въ Санъ-Франциско. Если вы хотите себѣ составить представленіе о китайской жизни, не побывавъ въ Китаѣ, то поѣзжайте сюда. Цѣлый кварталъ Санъ-Франциско занятъ гражданами Небесной Имперіи. Я отправился туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ французовъ и агента сыскной полиціи, такъ какъ никто не осмѣлится войти одинъ ночью въ этотъ плохо освѣщенный кварталъ.

Эти двадцать пять тысячъ китайцевъ, укрывшихся въ тѣни холмовъ, которые образуютъ бухту, такъ и кажутся занесенными сюда, въ одну изъ бурь, волнами океана. На самомъ же дѣлѣ они прибыли сюда иначе. Въ 1848 году ихъ было всего трое: двое мужчинъ и одна женщина. Въ 1850 году здѣсь уже было 789 мужчинъ и 2 женщины. Въ слѣдующій годъ 4.018 мужчинъ и 7 женщинъ, а въ маѣ 1852 года общее число китайцевъ достигало 12.000 мужчинъ и 8 женщинъ. Въ настоящее время китайцевъ насчитывается 25.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 100 женщинъ.

Чтобы оградить себя отъ этого наплыва, практичные американцы приняли серьезныя мѣры. Рабочіе синдикаты, видѣвшіе въ китайцѣ страшнаго соперника, такъ какъ онъ довольствовался до смѣшного незначительнымъ содержаніемъ, добились у конгресса законовъ, направленныхъ противъ китайской имиграціи. Въ настоящее время ни одинъ изъ жителей Небесной Имперіи не можетъ пристать ни къ одной американской гавани, и если теперь китайцы и проникаютъ въ Америку, то только черезъ Канаду.

Днемъ, идя по улицамъ китайскаго квартала, вы видите ярко раскрашенные фасады, загнутые углы крышъ, позолоту, отвратительную выставку неизвѣстныхъ блюдъ, заплѣсневѣлыя внутренности живот-

ныхъ, сухіе остовы птицъ, корзины съ пыльными фруктами, увядшія овощи, таинственные аптечные товары, аптекарскія лавки, внутри которыхъ видишь самихъ аптекарей съ вѣчной улыбкой на устахъ, фабрикующихъ своими длинными грязными пальцами съ крючковатыми ногтями пилюли, въ другихъ домахъ видишь въ окнахъ публичныхъ писателей, которые быстрыми ударами кисточки, обмокнутой въ сепію, выводятъ перпендикулярныя строчки на дощечкахъ или пергаментѣ; видишь парикмахеровъ, которые на-голо бреютъ черепа своихъ кліентовъ. Мужчины, женщины, дѣти проходятъ мимо въ длинныхъ черныхъ одѣяніяхъ съ блестящими напомаженными косами, въ люстриновыхъ кофтахъ, короткихъ панталонахъ, въ остроконечныхъ башмакахъ на толстой эластичной подошвѣ.

Вечеромъ на улицахъ, освѣщенныхъ электричествомъ, движеніе еще оживленнѣе. Въ чайные дома и игорные притоны входятъ безпрерывно. Деревянныя двустворчатыя двери то-и-дѣло отворяются и захлопываются. Войдемъ въ одинъ изъ чайныхъ домовъ. Передъ нами большой залъ, съ лакированными, позолоченными деревянными предметами; мебель изъ чернаго дерева поставлена по стѣнамъ и вокругъ столовъ; имѣются также мраморныя скамейки и небольшія мягкія канапе. Сюда немного позже заходятъ китайцы, чтобы выпить чаю и покурить опіума. Запахъ холоднаго дыма носится въ воздухѣ. Мы подходимъ къ торговцу колоніальными предметами. Огромныя связки сахарнаго тростника заполняютъ всю лавку: здѣсь тростникъ продается въ розницу. По стѣнамъ развѣшены какіе-то черные звѣри отталкивающаго вида, которыхъ обожаютъ китайцы.

Далѣе мы идемъ въ театръ. Эти грязные, плохо освѣщенные залы, переполненные внимательной, молчаливой толпой людей съ маленькими черными глазами, выдающимися скулами и длинными косами, описывались неразъ. Мужчины и женщины сидятъ въ разныхъ мѣстахъ: мужчины внизу, женщины на галереяхъ въ первомъ ярусѣ. Любопытнѣе всего наблюдать, съ какой наивностью воспринимаютъ эти люди зрѣлище и какъ они сами, не замѣчая того, подражаютъ мимикѣ актеровъ. Сюжетъ пьесы, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ, совершенно дѣтскій, а перипетіи еще наивнѣе. Въ зрительномъ залѣ вмѣсто торговцевъ апельсинами и конфетами какой-то человѣкъ торгуетъ сахарнымъ тростникомъ, и торгуетъ, повидимому, очень ходко. Во время антракта мы были допущены въ артистическое фойе, грязное и вонючее, заставленное коробочками съ красками. Зеркало въ десять сантиметровъ, къ тому же еще разбитое, было повѣшено на стѣнѣ и служило для всей труппы.

Мы поспѣшили покинуть театръ и вошли въ другое помѣщеніе. Китайцы съ трубками въ зубахъ играли въ карты въ крошечныхъ каморкахъ, освѣщенныхъ однимъ газовымъ рожкомъ. Ихъ лица желты, какъ воскъ, они избѣгаютъ всякихъ движеній и почти ничего не говорятъ. Въ дверяхъ этого притона возвышается маленькая статуэтка Будды, освѣщенная лампой.

Пятьсотъ человѣкъ живетъ въ этомъ погребѣ безъ воздуха. Среди жильцовъ есть дѣти, и нужно видѣть этихъ несчастныхъ, одинъ видъ которыхъ возбуждаетъ невыносимое страданіе. Мы буквально задохнулись въ этомъ спертомъ воздухѣ и сейчасъ же вернулись на улицу, гдѣ

стали глубоко вбирать въ себя воздухъ, какъ люди, только-что возвращенные къ жизни. Луна высоко сіяла въ небѣ. Мы были спасены. Но, какъ искатель жемчуга, поднявшись съ морского дна на поверхность, немного передохнувъ, опять бросается въ море, такъ и я захотѣлъ еще разъ войти въ домъ китайцевъ.

Въ новомъ помѣщеніи, куда мы вошли, мы встрѣтили китайскаго музыканта, игравшаго на какомъ-то странномъ инструментѣ, звуки котораго не очаровывали нашего слуха. Затѣмъ мы попали къ предсказателю будущаго. Онъ написалъ на листахъ красной бумаги все, что должно съ нами случиться въ будущемъ, но его предсказанія были такъ же неопредѣленны, какъ и предсказанія нашихъ знаменитыхъ хиромантокъ. Сыщикъ спросилъ насъ, не желаемъ ли мы взглянуть на курильщиковъ опіума. Послѣ нашего утвердительнаго отвѣта онъ повелъ насъ по какому-то длинному и грязному корридору, въ концѣ котораго находилась плохо освѣщенная комната съ постелями, на которыхъ спали китайцы. Сыщикъ разбудилъ одного изъ нихъ и сталъ съ нимъ разговаривать. Китаецъ взялъ что-то вродѣ толстой бамбуковой палки, посрединѣ которой находилось небольшое отверстіе, взялъ при помощи палочки кусочекъ темной массы, положилъ ее въ отверстіе и закурилъ. Онъ, безъ сомнѣнія, уже курилъ сегодня, такъ какъ его лицо носило слѣды экстаза.

Ему пришлось открыть во всю ширину ротъ, чтобы втянуть дымъ изъ толстой трубки. Его желтая кожа, плотно облипавшая его кости, блестѣла, какъ старая слоновая кость, смазанная масломъ, ротъ его, непрестанно точившій слюну, складывался въ идіотскую улыбку. Онъ вытянулъ свою руку—это была буквально одна кость безъ мяса, гладко обтянутая кожей. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ выкурилъ трубку и растянулся на постели, закрывъ свои мертвые глаза.

У меня сердце сжималось отъ ужаса, но я не переставалъ разсматривать несчастнаго къ лицомъ старухи. Сыщикъ далъ ему нѣсколько монетъ и, ударивъ въ сосѣднюю дверь, показалъ намъ точно такую же картину въ другой комнатѣ. Здѣсь тоже лежали опьянѣвшіе китайцы; одинъ изъ нихъ, проснувшись, разсказалъ намъ, что онъ выучилъ свою кошку курить опіумъ не хуже его. Въ самомъ дѣлѣ, едва онъ зажегъ трубку, какъ бѣдное животное поднялось и, приблизившись, не спускало глазъ съ китайца. Тогда человѣкъ, сдѣлавъ сильную затяжку, схватилъ голову кошки и вдохнулъ ей дымъ въ глотку. Та послушно стояла, закрывъ свои затуманенные глаза, и затѣмъ медленно отправилась на прежнее мѣсто.

— Если я ей не дамъ,—объяснилъ онъ намъ,—она дѣлается больна, совсѣмъ какъ я.

Наконецъ мы вышли и стали прогуливаться по улицамъ, полнымъ оживленія. Улицы, на которыхъ расположены клубы, были переполнены игроками. Большія электрическія лампы освѣщали разноцвѣтные фасады домовъ. Была полночь. Въ лавкахъ еще торговали. На краю тротуаровъ китаянки жгли маленькія разноцвѣтныя свѣчки и клочки бумажекъ, отгоняя этимъ демоновъ отъ порога своихъ жилищъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XXXVI *).

Школа краснокожихъ.

Одна ночь пути, и мы вступаемъ въ Колорадо. Эта мѣстность находится на 1.200 метровъ надъ уровнемъ воды. Тѣмъ не менѣе въ воздухѣ не чувствуется теплоты, хотя стоитъ конецъ апрѣля въ то утро, когда поѣздъ останавливается у станціи, на которой я долженъ сойти, чтобы отправиться на золотыя и серебряныя розсыпи Урэй.

Что дѣлать въ этой далекой странѣ въ столь ранній часъ, въ ожиданіи поѣзда, который отправится только черезъ четыре часа? Я справляюсь, что можно было бы посмотрѣть вблизи этой пустынной станціи, и узнаю, что въ трехъ километрахъ отсюда находится школа для молодыхъ индѣйцевъ. Такимъ образомъ, мнѣ представляется случай узнать, какъ американцы обращаются съ побѣжденными. Я приказываю запрячь коляску и немедленно пускаюсь въ путь.

Мы задаемъ себѣ вопросъ въ Европѣ: что дѣлаютъ американцы съ туземцами-индѣйцами? Говоря откровенно, они мало занимаются ими. Побѣдивъ ихъ, они съ каждымъ годомъ оттѣсняютъ ихъ все дальше къ востоку. Земли, которыя имъ даютъ, постепенно ухудшаются. Какъ только мѣсто, занятое индѣйцами, понадобится американцамъ, послѣдніе прогоняютъ ихъ. Такія земли называются резервомъ, которыя правительство имѣетъ въ каждомъ штатѣ. Индѣйцы повинуются, но горько жалуются. Этимъ способомъ, конечно, нельзя заставить этотъ народъ заниматься земледѣліемъ, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если отъ времени до времени происходятъ возмущенія дикарей. Въ настоящее время въ Америкѣ около 200 тысячъ индѣйцевъ.

По моему мнѣнію, нѣтъ ничего болѣе грустнаго, какъ видъ какого-нибудь индѣйца изъ племени апаховъ или ирокезовъ, которые встрѣчаются въ Америкѣ или въ Канадѣ. Правда, ихъ глаза сухи, но такъ и кажется, что они страшно страдаютъ внутренно отъ глубокаго неутѣшнаго горя.

---

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит»., кн. VI. 1905 г.

Эти мужчины и эти женщины, перенесенные въ Парижъ, кажутся странными и неловкими. Но на родинѣ странности этой не замѣчается и въ ихъ взглядѣ, въ меланхоличномъ выраженіи лица чувствуется глубокій упрекъ. Такъ и кажется, что они думаютъ: «Материкъ этотъ принадлежитъ намъ тысячи вѣковъ, вы же пришли сюда какихъ-нибудь десять, сто лѣтъ, а между тѣмъ смотрите на насъ, какъ на пришельцевъ».

Таковы были мои довольно меланхоличныя мысли во время пути. Теперь же посмотримъ на самихъ дикарей и убѣдимся, что они дѣйствительно о насъ думаютъ.

Школа индѣйцевъ находится посреди пустынной равнины, мрачной и непривѣтливой, окруженной вдали зубцами Скалистыхъ горъ. Кромѣ школы и пристроекъ, здѣсь нѣтъ ничего. Вы видите только десятокъ легкихъ построекъ изъ кирпича и дерева. Ни рощи, ни рѣчки. Огромная пустыня тянется до самаго горизонта. Тѣмъ не менѣе директоръ школы человѣкъ очень жизнерадостный. Онъ часто смѣется, что не въ обыкновеніи у американцевъ.

На своемъ посту онъ, по его словамъ, находится тринадцать лѣтъ. Я сказалъ ему, что во Франціи есть учителя, пробывшіе въ одной и той же школѣ до пятидесяти лѣтъ.

Директоръ подумалъ, что я шучу, и смѣясь отвѣтилъ мнѣ:

— Но какіе же это учителя? Вѣдь это руины.

Въ Америкѣ, если какая-нибудь вещь существовала пятьдесятъ лѣтъ, ее считаютъ исторической. Учитель, пробывшій на посту пятьдесятъ лѣтъ, былъ бы посаженъ подъ стеклянный колпакъ.

Директоръ прежде всего объясняетъ мнѣ, что у него воспитываются 160 человѣкъ; изъ нихъ 120 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ.

— Чему вы ихъ учите?

— Всему. По крайней мѣрѣ мы пробуемъ... Прежде всего англійскій языкъ, чтеніе, письмо, затѣмъ земледѣліе, столярное мастерство, сапожное, кузнечное, токарное, портняжное, шорное. Дѣвочекъ мы учимъ поваренному искусству, шитью, рукодѣлію, стиркѣ, молочному хозяйству и домоводству.

Мы посѣтили классы. Это были младшіе классы, гдѣ шло преподаваніе элементарныхъ правилъ англійскаго языка и ариѳметики. У мальчиковъ были чрезвычайно серьезныя физіономіи. Ихъ быстрые пристальные взгляды, ихъ гибкія движенія напоминали плохо прирученныхъ животныхъ. Ихъ черные, какъ чернила, волосы съ проборомъ по серединѣ головы были сколоты на темени и блестѣли отъ жира и масла. Ихъ костлявыя лица съ выдающимися скулами, ихъ нѣсколько раскосые глаза, ихъ красноватый цвѣтъ кожи свидѣтельствовали, что они потомки или братья монголовъ. Въ китайскомъ кварталѣ Санъ-Франциско я видѣлъ родственниковъ этихъ дѣтей. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Конечно, американскіе индѣйцы не подверглись вліянію цивилизаціи. Я не знаю, что думаетъ о нихъ этнографическая наука, но если она не сближаетъ краснокожихъ съ мексиканцами и китайцами, то она неправа. Стоитъ лишь взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ этомъ родствѣ.

Дѣвочки не имѣютъ столь мрачнаго вида, онѣ смѣются гораздо охотнѣе. Но здѣсь, какъ иногда и въ Китаѣ, неопытному глазу трудно различить полъ, если судить лишь по физіономіи. Къ счастью, онѣ разнятся одеждой.

— Кромѣ того, — сказалъ мнѣ директоръ,—есть разница и въ сложеніи.

Въ самомъ дѣлѣ мальчики между двѣнадцатью и семнадцатью годами кажутся вполнѣ развитыми мужчинами.

Во всѣхъ классахъ, которые мы посѣтили, у молодыхъ индѣйцевъ былъ такой скучающій видъ, такой мрачный и такой угнетенный, что ихъ скорѣе можно было принять за плѣнниковъ, чѣмъ за свободныхъ учениковъ.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ я директору,—что они съ большимъ удовольствіемъ отправятся охотиться за медвѣдемъ въ сѣверные лѣса.

— И мнѣ такъ кажется!—воскликнулъ онъ, громко смѣясь.

Увидѣвъ, какъ ученики раскрашивали на улицѣ фасадъ деревяннаго дома, я вспомнилъ о татуировкѣ, которой они украшаютъ свои лица, и не могъ воздрежаться, чтобы не замѣтить:

— Я думаю, они съ большей охотой раскрасили бы себѣ лица этой краской.

Мы вошли въ какой-то классъ, гдѣ директоръ захотѣлъ блеснуть знаніями своихъ учениковъ. Обратившись ко всему классу, онъ, указывая на меня, произнесъ:

— Вотъ этотъ господинъ пріѣхалъ изъ Парижа. Гдѣ находится этотъ городъ?

Никто ему ничего не отвѣтилъ.

— Парижъ? Гдѣ находится Парижъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.

Но напрасно. Тогда онъ прибѣгнулъ къ новому способу.

— Знаете ли вы, что такое Франція?

Но снова ему никто ничего не отвѣтилъ.

Это начало смущать директора. Я тоже былъ нѣсколько смущенъ за него. Пожавъ плечами, онъ увлекъ меня, проговоривъ:

— У нихъ нѣтъ никакой памяти...

Это, повидимому, была истинная правда. Онъ провелъ меня по кухнямъ, спальнямъ и жилымъ комнатамъ. Все содержалось въ образцовомъ порядкѣ.

— Какъ набираете вы вашихъ учениковъ?

— А, это не такъ легко.

И онъ объяснилъ мнѣ, что принужденъ отыскивать ихъ въ разныхъ концахъ Америки.

—При этомъ, — прибавилъ онъ, — ихъ не легко заманить въ школу, такъ какъ они не хотятъ уходить изъ своихъ лѣсовъ и предпочитаютъ лучше погрязать въ своемъ невѣжествѣ. Они,—продолжалъ директоръ,— хотятъ стоять еще ниже негровъ: тѣмъ хуже для нихъ.

— А вы не думаете, что краснокожіе превосходятъ негровъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Негръ опередилъ ихъ и они болѣе податливы...

— Какія же качества у краснокожихъ?

— Они обладаютъ терпѣніемъ, превосходящимъ все на земномъ шарѣ. Нѣчто вродѣ idée fixe замѣняетъ у нихъ волю.

— А развѣ это не служитъ доказательствомъ сильной индивидуальности?—спросилъ я.

— Да, если хотите,—отвѣтилъ директоръ.—Но индивидуальность, медленно развивающаяся и обладающая бѣднымъ мозгомъ. Зато игры они понимаютъ быстро: это ихъ сфера. Отъ работъ они иногда утомляются, но играть въ мячъ могутъ вѣчно.

— А лукъ и стрѣлы?

— Нѣтъ, они предпочитаютъ ружье. Однако, имъ не совсѣмъ безопасно давать въ руки оружіе. Затѣмъ,—продолжалъ директоръ, — они страшно боятся показаться смѣшными. Онъ согласятся скорѣй умереть, чѣмъ оказаться въ смѣшномъ положеніи.

— А дѣвушки?

— Тѣ гораздо нѣжнѣе и кокетливѣе, съ ними можно сдѣлать многое. Вотъ посмотрите...

Пять или шесть молодыхъ индѣянокъ проходили передъ нами, направляясь на ферму. Ихъ черные глаза были устремлены на насъ. Въ ихъ черныхъ, какъ смоль, волосахъ были вплетены розовыя ленты и воткнуты большія золоченыя шпильки.

— При помощи этихъ шпилекъ и этихъ лентъ съ ними можно сдѣлать все, что угодно.

— А чтобы ихъ наказать?

— Это довольно просто. Когда онѣ сдѣлаютъ что-нибудь дурное, вы должны дать имъ понять, что это дурно; послѣ этого можете быть увѣрены, что онѣ не повторятъ своего поступка.

XXXVII.

Золотоискатели.

Я не могъ проѣхать Колорадо безъ того, чтобы не посѣтить нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Здѣсь вѣдь повсюду: въ городахъ, отеляхъ, на станціяхъ, въ поѣздахъ вѣчно слышишь одно и тоже слово: разрабатывать. Всѣ мечтаютъ объ этомъ. Лакеи во французской гостинницѣ въ Лосъ-Анхелосѣ говорили со мной объ этомъ, какъ о весьма осуществимомъ проектѣ. Двое изъ нихъ собирались купить въ складчину лошадь, палатку, консервовъ, двѣ кирки, два молота и отправиться затѣмъ весною въ горы. Къ концу лѣта они должны были возвратиться обратно въ городъ, и если ихъ первая попытка разбогатѣть окончится бы неудачей, то черезъ два года они возобновятъ ее.

Небольшой городокъ Урэй, гдѣ я остановился, представляетъ собою типичный центръ американскихъ рудокоповъ. Главная улица съ деревяннымъ тротуаромъ, съ маленькими лавчонками и салонами, гдѣ танцуютъ и играютъ въ рулетку и гдѣ женщины обираютъ послѣднія деньги у рудокоповъ. Повсюду лежитъ снѣгъ, такъ какъ мы находимся на 2.500 метровъ надъ уровнемъ воды. Городокъ напоминаетъ швейцарскую деревушку. Въ витринахъ выставлены всѣ сорта минераловъ, находимыхъ въ Колорадо, а также самородки золота и серебра.

Здѣсь я познакомился съ мѣстнымъ священникомъ-іезуитомъ. Благодаря своему образованію и наблюдательности о. Беатанъ далъ мнѣ массу интересныхъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ золотоискателей. Онъ хорошо знаетъ ихъ, такъ какъ живетъ много лѣтъ вмѣстѣ съ ними, постоянно вращается въ ихъ средѣ и каждый день слушаетъ ихъ разсказы.

Нѣтъ ни одного рабочаго, который не находился бы подъ чарами навязчивой идеи открыть золотоносную жилу въ одной изъ тѣхъ скалъ, которая еще не нашла себѣ хозяина. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, а иногда и годовъ работаетъ онъ, отказывая себѣ въ самомъ необхо-

димомъ, и когда, наконецъ, у него оказывается скопленнымъ нѣсколько сотъ долларовъ, онъ съ киркой на плечѣ, съ товарищемъ, чаще же одинъ отправляется разрабатывать горы. Онъ ударяетъ своей киркой по голому камню, отламываетъ кусокъ и внимательно разсматриваетъ его составъ. Такъ продолжается нѣсколько дней, пока, наконецъ, впавъ въ отчаяніе, онъ рѣшается возвратиться въ городъ. Иногда, неувѣренный въ цѣнности осмотрѣнныхъ имъ породъ, онъ беретъ нѣсколько кусковъ съ собой, предварительно занумеровавъ ихъ, и несетъ къ химику, который за одинъ-два доллара указываетъ точно составъ минераловъ. Если въ одномъ изъ кусковъ оказывается жила, тогда приходится уже совершить нѣкоторыя формальности. Рабочій идетъ къ начальнику округа и заявляетъ желаніе купить на свое имя извѣстный раіонъ, кусокъ земли.

Съ этого момента онъ становится собственникомъ. Что же предприметъ онъ теперь? Будетъ ли онъ разрабатывать свой участокъ одинъ? Конечно, ему хотѣлось бы овладѣть одному всѣми сокровищами, находящимися на его участкѣ, но разработка требуетъ колоссальнаго труда, а слѣдовательно и капитала. Каждый футъ туннеля обходится въ 30—40 долларовъ. Правда, у счастливаго собственника есть нѣсколько сотъ долларовъ, но что это за деньги? Быть можетъ, ему лучше продать весь участокъ и право разработки какому-нибудь капиталисту? Объ этомъ онъ думаетъ долго и упорно. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что рудники никогда почти не обогащаютъ тѣхъ, которые ихъ открыли, а всегда капиталиста и посредника, умѣющихъ «ловко» обдѣлывать дѣла съ наивными владѣльцами. Нерѣдко бываетъ и такъ, что рудникъ вмѣсто того, чтобы обогатить владѣльца, разоряетъ его окончательно. Предположимъ, что золото находится въ скалѣ. Но чтобы добыть его экономическимъ путемъ, нужно рыть не сверху внизъ, а снизу наверхъ. Такимъ путемъ съ большимъ удобствомъ можно пользоваться динамитомъ. Это же важно по тому, что жила, которая проходитъ подъ землей, нерѣдко измѣняетъ свое направленіе и иногда даже прерывается. И вотъ золотоискатель, попавъ на ложное направленіе, можетъ нарыть безъ всякаго успѣха цѣлую массу подземныхъ галерей и потерять на этомъ все состояніе. Иногда случается такъ, что ему остается прорыть еще какихъ-нибудь сорокъ метровъ, и онъ найдетъ золото. Но, къ сожалѣнію, денегъ на продолженіе работы у него нѣтъ. Тогда является капиталистъ, который и говоритъ ему:

— Найти золото это еще ничего или почти что ничего! Прежде всего нужно знать, какое количество металла заключаетъ въ себѣ руда, на какое разстояніе тянется золотоносная жила. Для этого же нужно буравить землю, рыть галерею, истратить значительныя суммы. Есть онѣ у васъ?

— Нѣтъ!

— Можетъ быть, онѣ у васъ будутъ черезъ пять лѣтъ?

— Нѣтъ!

— Тогда не хотите ли получить за вашъ рудникъ такую-то сумму? (Чаще всего нѣсколько тысячъ долларовъ).

— А будетъ мнѣ идти какой-нибудь процентъ отъ добычи рудника?

— Нѣтъ, мой милый. Или тогда разрабатывайте рудникъ сами.

Обыкновенно владѣлецъ уступаетъ свое право, довольствуясь не-

медленнымъ полученіемъ сравнительно небольшой суммы. Онъ получаетъ деньги и на нѣсколько дней отправляется въ городъ, гдѣ неизмѣнно попадаетъ въ одинъ изъ «салоновъ», тамъ встрѣчается съ женщинами, играетъ въ азартныя игры и выходитъ окончательно разореннымъ. Но есть такія упорныя натуры, которыя не приходятъ въ отчаяніе послѣ потери всего состоянія. Подобные люди снова отправляются въ горы, разбиваютъ палатку и въ продолженіе всей весны ихъ кирка не перестаетъ изслѣдовать горы.

Всѣ эти свѣдѣнія мнѣ были сообщены аббатомъ Бэатаномъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы посѣтили одинъ изъ рудниковъ. Но такъ какъ на другой день я побывалъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ рудниковъ Колорадо и такъ какъ устройство рудниковъ, какъ для золота, такъ и для серебра одинаково, то я опишу вамъ лишь одинъ золотой пріискъ.

XXXVIII.

Золотые пріиски въ Колорадо.

Золото обыкновенно находится на вершинахъ горъ. Подъемъ на эти горы чрезвычайно затруднителенъ, тѣмъ болѣе, что дорогъ здѣсь нѣтъ. Мы употребили три часа ѣзды въ каретѣ, чтобы пріѣхать изъ Урэя въ Кампъ-Бердъ. Какой холодъ! Вокругъ ничего нѣтъ, кромѣ снѣга да нѣсколькихъ печальныхъ сосенъ, простирающихъ свои симметричныя вѣтви, отягощенныя снѣгомъ. Въ продолженіе трехъ часовъ мы поднимаемся по извилистой дорогѣ, не встрѣчая нигдѣ ни жилища, ни человѣческаго существа. Мы идемъ къ золоту! По пустынной мѣстности, среди печальнаго ужаса этой природы, по краю пропасти—вотъ гдѣ нужно искать тотъ драгоцѣнный металлъ, который приноситъ намъ счастье...

Холодъ непрестанно усиливается. Мы поднялись на 3.200 метровъ надъ уровнемъ моря. Еще 1.000 метровъ, и мы достигнемъ Кампъ-Берда. Какъ живутъ круглый годъ среди этихъ горъ золотоискатели?

Едва прибывъ, мы отправляемся на такъ называемую мельницу. Самый пріискъ расположенъ гораздо выше и гораздо дальше. Земля вмѣстѣ съ золотомъ спускается оттуда въ вагонеткахъ по воздушной дорогѣ. Мы видимъ, какъ по воздуху спускаются и поднимаются вагонетки, имѣющія видъ игрушечныхъ ящиковъ, повисшихъ надъ пропастью. Прибывъ на мѣсто, земля моментально превращается механическимъ путемъ въ пыль. Къ этой пыли примѣшивается вода, и жидкая сѣроватая грязь медленно стекаетъ по металлическому жолобу. Тонкій слой золотистой пыли блеститъ на этой жидкой грязи. Это и есть то золото, которое котируется на биржахъ обоихъ полушарій. Мнѣ объяснили, что всѣ эти широкіе металлическіе жолобы покрываются ежедневно слоемъ ртути, имѣющимъ свойства притягивать къ себѣ золото. Отвратительный соусъ, стекающій по жолобу, постепенно теряетъ свою золотую пыль, пристающую къ ртути. Въ концѣ дня рабочій соскабливаетъ со всѣхъ жолобовъ смѣсь ртути и золота и несетъ ее въ доменную печь. Тамъ эта смѣсь нагрѣвается при помощи высокой температуры до тѣхъ поръ, пока вся ртуть не улетучивается и остается одно чистое золото. Вотъ и вся операція.

Послѣ этого мнѣ захотѣлось увидѣть самый рудникъ.

На это мнѣ отвѣтили, что тамъ нечего смотрѣть, и даже выразили удивленіе по поводу моего любопытства. Тѣмъ не менѣе, желая оказать мнѣ любезность, одна изъ вагонетокъ была остановлена съ приказаніемъ отвезти меня на пріиски. Поверхъ своего платья я надѣлъ костюмъ рудокопа, такъ какъ вагонетка была грязная, и вмѣстѣ съ директоромъ мельницы отправился наверхъ. Ощущеніе подъема, испытанное мною, было странно и непріятно. Вися на тонкой проволокѣ на громадной высотѣ, чувствуешь себя отданнымъ во власть какой-то невѣдомой силы. На одинъ моментъ я взглянулъ внизъ: у меня закружилась голова, и я почувствовалъ дурноту. Я увидѣлъ подъ собою деревья, покрытыя снѣгомъ, которыя съ этой вышины казались небольшими комнатными растеніями; телеграфные столбы походили на спички, воткнутыя въ землю. Передо мною возвышались горы, къ которымъ мы направлялись. Снѣгъ такъ ослѣпительно блестѣлъ на солнцѣ, что я принужденъ былъ закрыть глаза.

— Вамъ не страшно?—спросилъ меня молодой янки.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—И если бы я даже боялся, вы все равно этого не увидѣли бы.

— У насъ никогда не бывало катастрофъ; наоборотъ, на сосѣднемъ пріискѣ несчастные случаи нерѣдки. Въ прошлый мѣсяцъ проволока оборвалась, и два человѣка были убиты на смерть.

— Какъ я ихъ понимаю!—сказалъ я шутя.—Мнѣ кажется, что если мы упадемъ, то непремѣнно поступимъ такъ же, какъ и они.

— Навѣрно,—отвѣтилъ онъ.

— Бывали вы въ Парижѣ?—задалъ я вопросъ молодому директору.

— Нѣтъ, но хотѣлъ бы тамъ побывать.

Между тѣмъ мы продолжали летѣть; чистый холодный воздухъ проникалъ въ мои легкія; въ голову мнѣ приливала кровь. Мы непереставая возносились кверху. Впереди насъ вырисовывалась огромная гора.

— Тамъ?—спросилъ я.

— О, нѣтъ, нужно перелетѣть черезъ эту гору, пересѣчь долину, еще одинъ пикъ и еще одну долину.

Мы пересѣкли промежуточную станцію, расположенную на склонѣ горы. Это былъ огромный деревянный баракъ, гдѣ работало нѣсколько рабочихъ.

При нашемъ проѣздѣ начальникъ станціи, на обязанности котораго находилось давать направленіе вагонеткамъ, спросилъ насъ:

— Какъ вы себя чувствуете джентльмэны?—и, пуская насъ въ пространство, проговорилъ:—Счастливаго пути!

Передъ нами снова вырисовалась огромная гора.

— Скоро мы будемъ на пріискѣ,—проговорилъ мой спутникъ.—Черезъ четверть часа мы уже будемъ тамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени показались красныя постройки Кампъ-Берда. Нашъ спускъ на заводъ былъ поистинѣ головокружителенъ.

Гдѣ находились мы? Передъ нами находился печальнѣйшій въ мірѣ пейзажъ, покрытый къ тому же однообразной снѣжной пеленою. Въ складкѣ узкой долины стояло нѣсколько красныхъ бараковъ. Это были конторы, дортуары и кухни рудокоповъ. Нигдѣ не замѣчалось никакого

движенія. Здѣсь царили холодъ и молчаніе. Кому пришло въ голову придти сюда, въ это уединенное мѣсто, искать золото? Бѣдный человѣкъ! Онъ не могъ даже воспользоваться своей находкой. Ему пришлось послѣ долгихъ усилій продать свой пріискъ. Послѣ него за дѣло взялось общество, но и оно должно было отказаться отъ надежды на успѣхъ. Послѣ этого третій капиталистъ продолжилъ работы двухъ первыхъ искателей и, прорывъ туннель на нѣсколько футовъ дальше, открылъ жилу. Онъ быстро нажилъ колоссальное состояніе. Въ настоящее время 225 рудокоповъ ежедневно работаютъ на пріискахъ по 8 часовъ въ день, а 75 рабочихъ заняты на мельницѣ.

Мнѣ становилось дурно, въ головѣ у меня шумѣло, и воздухъ, который я вдыхалъ, казалось, оставался въ легкихъ такимъ же холоднымъ, какимъ входилъ. Я спросилъ, на какой высотѣ находимся мы.

— 14.000 футовъ,—отвѣтилъ мнѣ директоръ.—Это очень высоко и вслѣдствіе этого рабочіе часто заболѣваютъ, такъ какъ не могутъ долго выносить жизни при этихъ условіяхъ.

— Сколько они получаютъ?

— Немного. Три или три съ половиною доллара. Главное, что ихъ привлекаетъ сюда, это желаніе открыть другой рудникъ по сосѣдству и продать его.

У меня стучало въ вискахъ. Тѣмъ не менѣе я хотѣлъ увидѣть золотоносную жилу. Не каждый разъ бываютъ подобные случаи.

Ко мнѣ подошелъ главный инспекторъ и повелъ меня съ собою. Мы прошли нѣсколько машинныхъ отдѣленій, гдѣ вращались колоссальныя колеса, затѣмъ дортуары рабочихъ, комнату сушки, посѣтили кухни, гдѣ на крючкахъ покачивались цѣлыя туши свиней, и вошли въ сырую галерею. Повсюду текла вода. У каждаго изъ насъ въ рукахъ была свѣча.

На одномъ изъ поворотовъ галереи навстрѣчу намъ со всею скоростью несся электрическій поѣздъ. Мы едва успѣли отскочить къ скалѣ, чтобы пропустить локомотивъ и 20 вагонетокъ. Пропутешествовавъ съ четверть часа, мы подошли къ перекрестку, у котораго нашъ проводникъ остановился и сказалъ:

— Вотъ жила.

Я смотрѣлъ, щупалъ и ничего не видѣлъ, кромѣ сѣроватой скалы, усѣянной пятнами кварца и изрѣдка маленькими песчинками золота съ булавочную головку.

— Итакъ, это-то и есть золото?

— Да, жила въ два метра ширины на глубинѣ 300 футовъ. Далѣе мы спустимся на 1.200 футовъ.

— И сколько содержится здѣсь золота?

— Отъ 30 до 50 долларовъ въ тоннѣ. Это очень много. Въ Трансваалѣ не вырабатываютъ болѣе шести—десяти долларовъ изъ тонны.

Я испыталъ нѣкоторое разочарованіе. Вмѣсто пещеръ Али-Бабы, полныхъ разноцвѣтнымъ золотомъ, я увидѣлъ здѣсь сѣрую грязную массу, похожую на уличный булыжникъ, и чтобы достать одинъ луидоръ, нужно промыть цѣлую телѣгу этой земли.

Три четверти часа спустя мы были уже на обратномъ пути къ мельницѣ.

— Сейчасъ вы увидите,—сказалъ мнѣ директоръ,—всю добычу вчерашняго дня, которую отправляютъ въ городъ.

Въ лабораторіи мнѣ показали желтую глыбу чистаго золота. Я взвѣсилъ ее на рукѣ и рѣшилъ, что тутъ 10 килограммовъ.

— Немного меньше,—сказалъ химикъ. — Этотъ кусокъ стоитъ только 25.000 франковъ, десять же кило стоили бы 34.000

У дверей два всадника, вооруженные ружьями и револьверами, готовились въ путь. На ихъ обязанности лежало отвозить въ Урэй золото.

XXXIX.

Пуэбло.—Канзасъ.—Сити.—Сенъ-Луи.

На площадкѣ вагона, который мчалъ насъ въ Сенъ-Луи, путешественники, и въ томъ числѣ я, замѣтили, что насъ покрываетъ золотая и серебряная пыль. Ею были покрыты наши платья, руки и лица. Эта страна поистинѣ необычайная... Въ европейскихъ поѣздахъ смахиваешь съ себя слѣды пыли и угля, здѣсь же, если почиститься, то можно уплатить за проѣздъ.

Нѣкоторые американцы, какъ говорили мнѣ, упрекали меня, будто я преувеличилъ ихъ фамильярныя отношенія съ желѣзнодорожными служащими. Сомнѣваюсь, чтобы они ѣздили куда либо дальше Пенсильваніи. Чтобы имѣть понятіе объ этихъ вещахъ, не нужно родиться въ Америкѣ. Если же они не сходятся со мною во взглядахъ, то лишь потому, что находятъ вполнѣ естественнымъ, если кондукторъ хлопаетъ ихъ дружески по плечу и садится на ручку кресла.

На станціи Пуэбло поѣздъ нѣсколько опоздалъ; какой-то рабочій пришелъ и сѣлъ рядомъ со мною въ кресло, обитое краснымъ бархатомъ. Мнѣ лично очень нравится костюмъ рабочихъ: я нахожу его болѣе удобнымъ и болѣе симпатичнымъ, чѣмъ всякій другой. У сѣвшаго рабочаго куртка и панталоны изъ голубого полотна были совершенно черны отъ жира и масла. Я сразу догадался, что это былъ кочегаръ поѣзда. Развалившись въ бархатномъ креслѣ и закуривъ сигаретку, онъ довольно фамильярно сталъ болтать съ путешественникомъ, одѣтымъ въ безукоризненный костюмъ, съ золотой булавкой въ галстухѣ и съ фетровой шляпой на головѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ, когда этотъ путешественникъ вмѣсто шляпы надѣлъ на голову фуражку съ галуномъ и преобразился въ кондуктора, я понялъ, почему между ними такія интимныя отношенія.

Въ дорогѣ я разговорился съ моимъ элегантнымъ кондукторомъ. Это былъ выходецъ изъ Франціи. Его отецъ, рожденный въ Мецѣ, эмигрировалъ въ Америку. Самъ онъ былъ рожденъ въ Сенъ-Луи. Я пробовалъ заговорить съ нимъ о Франціи, но это его нисколько не интересовало. Онъ совершенно преобразился въ американца; къ тому же онъ не зналъ ни одного слова по-французски. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ о своемъ прошломъ и о своихъ видахъ на будущее.

—Я скопилъ небольшой капиталъ, будучи управляющимъ въ гостинницѣ, и рѣшилъ завести собственное дѣло, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ неудачъ потерялъ все, что имѣлъ. Послѣ этого я поступилъ сюда кондукторомъ. Здѣсь мнѣ приходится встрѣчаться съ массою людей и я жду случая, когда счастье повернется въ мою сторону. О, я совершенно спокоенъ.

Я замѣтилъ, что у него были рѣшительный видъ, энергичное лицо, нервные и быстрые жесты,— однимъ словомъ, всѣ присущія черты истаго американца. Было ли въ немъ что-либо французское? Не знаю. Разговаривалъ онъ охотно. Съ чувствомъ зависти онъ разсказалъ мнѣ, что въ Санъ-Франциско, гдѣ онъ жилъ, каждый житель имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы пойти въ театръ или въ ресторанъ.

Тамъ умѣютъ веселиться, говорилъ онъ. Это не то, что на Западѣ, гдѣ ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ только о заработкѣ.

Дѣйствительно, на Западѣ мужчина говоритъ о развлеченіяхъ, какъ о незнакомомъ ему предметѣ. Негръ же, напротивъ, говоритъ объ удовольствіяхъ, какъ о мечтѣ своей жизни. На Югѣ и на Востокѣ, но особенно въ Калифорніи и Луизіанѣ, развлеченіе является наградой, вполнѣ законной наградой послѣ трудовъ. Молодые люди понимаютъ развлеченіе, напримѣръ, въ поѣздкѣ въ Парижъ. Рабочіе, получающіе 20 франковъ въ день, а такихъ здѣсь очень много, уѣзжаютъ лѣтомъ на воды, на берегъ моря, въ горы; они нанимаютъ лошадь и карету и въ продолженіе мѣсяца, а то и двухъ очень хорошо развлекаются.

— Я понимаю это,—говорилъ мнѣ мой бывшій соотечественникъ,—и когда я разбогатѣю, то поступлю точно такъ же.

— Это непремѣнно должно случиться,—сказалъ я.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ.—У меня не хватаетъ немного денегъ для начала дѣла, но скоро я ихъ буду имѣть.

— Займите. Мнѣ кажется, банки легко даютъ въ долгъ предпріимчивымъ людямъ.

— Да. Но въ Америкѣ вамъ никто не дастъ въ долгъ меньше чѣмъ за 8%. А вы знаете, что имѣніе приноситъ всего только 10%?

Сравните этотъ языкъ съ рѣчью его французскаго коллеги. Первый чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ лишь временно, ожидая случая начать собственное дѣло и составить состояніе; другой, довольный своею судьбою, ждетъ лишь момента отставки и полученія пенсіи.

* * *

Изъ Пуэбло въ Канзасъ-Сити поѣздъ мчится по безплодной пустынѣ, на которой не видишь ни одного дома, ни одного дерева, ничего. Штатъ Канзасъ вотировалъ колоссальныя суммы, чтобы устроить орошеніе въ этой пустынѣ и сдѣлать ее столь же цвѣтущей, какъ сдѣлали мормоны пустыню Ута.

Меня предупреждали, что я не увижу ничего интереснаго въ Канзасъ-Сити. Но мое любопытство неисправимо. Побывавъ чуть не въ тридцати американскихъ городахъ и удостовѣрившись, что всѣ они похожи другъ на друга, я всетаки не могу удержаться, чтобы не посмотрѣть на новый городъ, тѣмъ болѣе, что меня подталкиваетъ желаніе сообщать только лично провѣренные факты. Я ничего не увидѣлъ въ Канзасъ-Сити, ничего, за исключеніемъ безчисленнаго множества трамваевъ и домовъ, изъ которыхъ съ 9 часовъ утра неслись звуки игры на механическомъ роялѣ. Населеніе здѣсь не такое элегантное, какъ въ западныхъ городахъ Америки, болѣе вульгарное, сказалъ бы я. Напрасно я искалъ достойныхъ осмотра памятниковъ,—ихъ здѣсь нѣтъ, и въ концѣ концовъ мнѣ пришлось удовольствоваться осмотромъ выставки портного. Я, кажется, говорилъ вамъ, что магазинныя выставки являются здѣсь наиболѣе рѣдкимъ развлеченіемъ. Эта выставка была довольно забавна. Гирлянды

зеленыхъ листьевъ (конечно, искусственныхъ) сбѣгали съ одного костюма на другой, окружали шляпы, обвивались вокругъ тросточекъ, простирались на крахмальныхъ рубашкахъ. Костюмы въ 15 долларовъ были украшены красными камеліями. Я видѣлъ еще выставку бриллiантщика, въ окнѣ у котораго красовался портретъ Рузвельта со слѣдующею надписью: «Эта фотографія стоитъ 2.000 долларовъ». Бриллiантщикъ воткнулъ въ галстухъ Рузвельта булавку съ огромнымъ бриллiантомъ.

* * *

По отъѣздѣ изъ Денвера появились вновь негры; на Дальнемъ Западѣ ихъ очень мало. Мы приближаемся къ области большихъ рѣкъ, и вотъ снова передъ нами зелень, деревья, поля кукурузы, цвѣтущія яблони. Я снова радуюсь веснѣ, которую оставилъ въ Луизіанѣ, нашелъ въ новыхъ садахъ Калифорніи и потерялъ въ Соленой пустынѣ.

Прибывъ въ Сенъ-Луи, я узналъ, что всѣ лошади были законтрактованы на три дня для празднествъ, даваемыхъ въ честь Рузвельта. Во время этихъ трехъ дней нельзя было даже похоронить, мертвыхъ и отъ 80 до 100 покойниковъ лежали во льду и ожидали, когда освободятся лошади, которыя должны были отвезти ихъ на кладбища.

Тѣмъ не менѣе я вышелъ на вокзалъ съ удовольствіемъ. Мнѣ было извѣстно, что городъ этотъ былъ основанъ французами, а я уже давно страдалъ тоской по родинѣ. Я не сталъ припоминать исторію основанія этого города, но просто вообразилъ себѣ, что прибылъ во французскій городъ, гдѣ могу нѣсколько разсѣять свою грусть.

И я не ошибся! Въ самомъ дѣлѣ, я встрѣтилъ здѣсь настоящихъ парижанъ съ ихъ женами, настоящими парижанками. Многія изъ нихъ прибыли сюда по случаю выставки и были мнѣ хорошо извѣстны. Я провелъ здѣсь около недѣли, наслаждаясь обществомъ этихъ очаровательныхъ людей, и увѣряю васъ, что совершенно излечился отъ скуки. Они создали въ Сенъ-Луи настоящую парижскую атмосферу, которой я старался какъ можно больше надышаться.

XL.

Сенъ-Луи.

Удовольствіе встрѣтить здѣсь парижанъ увеличивалось еще любопытствомъ, а также возможностью наблюдать ихъ удивленіе при столкновеніи съ незнакомыми имъ нравами и обычаями, ихъ смущеніе передъ людьми, говорившими на непонятномъ языкѣ, ихъ веселость, которой они такъ ярко доказывали свою принадлежность къ гальской расѣ. Привыкнувъ повсюду быть законодателями вкуса, вездѣ давать тонъ, привыкнувъ на все жаловаться, все критиковать, французы въ здѣшнихъ отеляхъ и ресторанахъ наталкиваются на несокрушимую флегму, о которую разбиваются ихъ гнѣвъ, ихъ мольбы и даже фамильярность. Мнѣ чрезвычайно интересно было наблюдать, какъ наши парижане, послѣ криковъ, упрековъ по адресу управляющихъ и слугъ, послѣ угрозы никогда не возвращаться сюда, наконецъ заговорили тономъ людей, которые хотятъ кушать, и стали обращаться мягко, любезно и даже льстиво.

* * *

Естественно, что прежде всего я отправился осматривать подгото-

вительныя работы выставки. Выставка занимаетъ площадь, находящуюся въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города. Это пространство въ 500 гектаровъ два года тому назадъ было покрыто лѣсомъ. Въ настоящее время повсюду возвышаются роскошные дворцы, устройствомъ которыхъ заняты 7.000 рабочихъ. Американцы желаютъ устроить выставку не только лучше другихъ, но главнымъ образомъ чтобы она была больше, чѣмъ у другихъ. Здѣсь находится 14 дворцовъ, изъ которыхъ каждый равняется приблизительно галереи машинъ, бывшей на парижкой выставкѣ 1900 года.

Вы спросите, что это за зданія съ точки зрѣнія архитектуры? У Америки нѣтъ собственной архитектуры. Ея архитекторы подражаютъ и копируютъ разные стили. Здѣсь вы можете найти, напримѣръ, точную копію казино Монте-Карло, но можете также встрѣтить пилястры, которые рѣшительно ничего не поддерживаютъ.

«Гвоздь» выставки находится на вершинѣ холма, гдѣ помѣщается дворецъ искусствъ. Передъ этимъ дворцомъ возведена великолѣпная колоннада, идущая полукругомъ и центръ которой образуетъ залъ Празднествъ, увѣнчанный куполомъ. Это будетъ самый огромный куполъ въ мірѣ. Онъ имѣетъ 60 метровъ вышины, а такъ какъ холмъ, на которомъ онъ находится, равняется 30 метрамъ, то значитъ общая высота достигаетъ 90 метровъ.

Колоннада украшена 14 мраморными статуями и бронзовыми монументальными лампами, поддерживаемыми медвѣдями Миссури. На концахъ колоннады возвышаются два трехъэтажныхъ павильона, гдѣ будутъ устроены рестораны и откуда можно будетъ любоваться видомъ на выставку.

Между этими двумя павильонами разстояніе равняется двумъ километрамъ. По всему холму будутъ раздѣланы огромныя лужайки. Передъ центральнымъ заломъ и передъ обоими павильонами будутъ течь каскады, резервуаромъ для которыхъ послужитъ колоссальный бассейнъ въ 200 метровъ ширины. Изъ бассейна вода потечетъ въ широкіе каналы, окружающіе дворцы, которые такимъ образомъ окажутся окаймленными водою и зелеными лужайками. По бассейну и вдоль каналовъ могутъ свободно двигаться гондолы! Вода будетъ доставляться изъ Миссиссипи посредствомъ помпъ, доставляющихъ 300.000 литровъ въ минуту. На пути она будетъ проходить фильтры.

Прогуливаясь по выставкѣ съ однимъ изъ французовъ, пріѣхавшимъ сюда въ качествѣ коммиссара, я спросилъ его, какое впечатлѣніе произвела на него Америка. Онъ отвѣтилъ, что больше всего удивило его движеніе трамваевъ и плохая прислуга въ отеляхъ.

— Между прочимъ,—сказалъ онъ,—мнѣ пришлось присутствовать при сильномъ пожарѣ. Въ одинъ мигъ туда прибыли паровые насосы, кареты и раздвижныя лѣстницы. Быстрота организаціи помощи была прямо головокружительна. Въ пять минутъ прискакало 25 насосовъ. Пожаръ, угрожавшій сосѣднимъ постройкамъ, былъ потушенъ въ 20 минутъ. При этомъ не присутствовало никакихъ полицейскихъ кордоновъ для удаленія толпы. Прохожіе могли идти, гдѣ хотѣли: имъ предоставлялась полная возможность быть раздавленными. Передо мной остановился карманный воръ. Полисмэнъ отвелъ его метровъ за 50 отъ меня. Я, какъ истый парижанинъ, сталъ наблюдать, что будетъ дальше. Пять минутъ спустя прибыла карета, запряженная двумя лошадьми и управляемая

полисмэномъ. Эта карета походила на желѣзную клѣтку, въ которой возятъ дикихъ звѣрей. Полисмэнъ посадилъ туда пойманнаго, сѣлъ рядомъ съ нимъ, и карета помчалась галопомъ, не возбудивъ ни въ комъ любопытства.

XLI.

Чикаго.

Нью-Іоркъ и Чикаго—два города-соперника, причемъ нью-іоркцы сумѣли заразить Европу своими предразсудками относительно чикагцевъ настолько, что въ Парижѣ, когда начинаютъ говорить о какомъ-нибудь грубомъ, вульгарномъ человѣкѣ, нерѣдко прибавляютъ: «Однимъ словомъ, это торговецъ свиньями изъ Чикаго».

Самый городъ изображается обыкновенно,какъ какое-то отвратительное, грязное мѣсто. Я лично нахожу, что противники и конкуренты Чикаго нѣсколько преувеличиваютъ и что во всякомъ случаѣ жителямъ печальныхъ городовъ Запада не слѣдовало бы слишкомъ строго судить о Чикаго.

Нельзя, конечно, сказать, что улицы Чикаго чисты и хорошо вымощены и что рабочіе кварталы тамъ идеальны. Но я не былъ также восхищенъ ни мостовой Нью-Іорка, ни гигіеничнымъ состояніемъ бѣдныхъ кварталовъ главныхъ центровъ Запада. Въ Чикаго рабочіе кварталы расположены по берегамъ рѣки и въ самомъ дѣлѣ они производятъ отвратительное впечатлѣніе. Улицы пересѣкаются желѣзными мостами; 20, 30, 60 желѣзнодорожныхъ линій, по которымъ безпрерывной вереницей бѣгутъ поѣзда, изрѣзываютъ всѣ улицы. Отъ тяжелаго густого дыма ничего нельзя разобрать впереди себя; непрерывный звонъ паровозныхъ колоколовъ напоминаетъ пасхальное утро. Ни въ одномъ городѣ не видѣлъ я такого оживленія и такого дыма; но зато нигдѣ не испыталъ столь грандіознаго впечатлѣнія.

Въ двухъ шагахъ отъ этого ада находится озеро Мичиганъ. Всѣ главные дворцы и отели Чикаго расположены на берегу этого озера. Это огромное водное пространство въ 580 километровъ длины, 175 километровъ ширины и 275 метровъ глубины.

Широкая дорога пролегаетъ вдоль берега, вблизи котораго разбито нѣсколько великолѣпныхъ парковъ. Это прекрасное мѣсто для прогулки, такъ какъ здѣсь всегда прохладно, а кромѣ того, видъ на безбрежное озеро съ большими судами на горизонтѣ напоминаетъ море. Здѣсь находится нѣсколько роскошныхъ виллъ американскихъ милліонеровъ. Есть нѣсколько клубовъ и по вечерамъ можно кататься въ лодкахъ и флиртовать съ американками при свѣтѣ луны.

Въ Чикаго насчитывается два милліона съ четвертью населенія; и мнѣ кажется, нигдѣ нѣтъ въ другомъ городѣ улицы, которая бы тянулась, какъ въ Чикаго, цѣлыхъ 35 километровъ. Улица эта называется Западная Авеню; она пересѣкаетъ городъ съ одного конца на другой. По ней проложено нѣсколько электрическихъ желѣзныхъ дорогъ. Если считать съ остановками, то потребуется почти цѣлый день для того, чтобы проѣхать туда и обратно по всей этой улицѣ.

Прибывъ въ Чикаго, нужно полчаса проѣхать въ экспрессѣ, чтобы миновать предмѣстья, которыя отдѣляютъ центральный вокзалъ отъ

ближайшей станціи. Рельсы, какъ и всюду въ Америкѣ, проложены прямо по улицамъ и не защищены никакими барьерами. На маленькихъ станціяхъ, вслѣдствіе того, что одна платформа служитъ для нѣсколькихъ поѣздовъ, путь усѣянъ толпами народа, которыя ждутъ своихъ поѣздовъ. Поѣзда приходятъ ежеминутно, и чтобы дать имъ мѣсто остановиться и пойти далѣе, люди должны тѣсниться и перебѣгать съ одной стороны улицы на другую. Тѣмъ не менѣе все это дѣлается безъ крика и шума.

Относительно нравовъ, манеръ, элегантности и богатства Чикаго немного уступаетъ другимъ городамъ Америки. Я согласенъ, что милліонеры пріѣзжаютъ въ Нью-Іоркъ проѣдать свои доходы, и убѣжденъ, что Нью-Іоркъ столица страны. Я признаю это уже потому, что въ Нью-Іоркѣ больше чѣмъ гдѣ-либо въ Соединенныхъ штатахъ сосредоточена интеллигенція, за исключеніемъ развѣ Бостона.

Но зато въ городѣ Чикаго, который мы привыкли считать за самый вульгарный, я встрѣчалъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь любезныхъ людей и даже больше вѣжливости и вниманія, чѣмъ въ самомъ Нью-Іоркѣ.

Если повѣрить на слово жителямъ западныхъ городовъ, то выходитъ, что въ Чикаго нѣтъ ни одной дѣвушки, которая не была бы дочерью мясника или колбасника. А между тѣмъ, около половины одиннадцатаго утра, когда кончаются курсы прогуляться по Авеню Мичиганъ истинное удовольствіе. Между деревьями, посреди зеленыхъ лужаекъ прохаживаются сотни молодыхъ дѣвушекъ, въ свѣтлыхъ туалетахъ, въ шляпахъ или безъ шляпъ, съ связками книгъ. Все это свѣжія лица; отъ нихъ вѣетъ такимъ здоровьемъ, такой жизнерадостностью, что невозможно пройти мимо нихъ, не оглянувшись назадъ. Между тѣмъ, мужчины и даже молодые люди, проходя по дорогѣ, даже не взглядываютъ на нихъ. Какъ могутъ расцвѣтать въ пыли подобные прелестные цвѣты?

— Это вліяніе воздуха Мичигана,—сказали мнѣ.

* *
*

Я посѣтилъ университетъ, который управляется президентомъ Гарперомъ. Этотъ бывшій пасторъ баптистовъ, большой пріятель Рокфеллера. Благодаря удивительной ловкости Гарперу удалось получить отъ своего друга капиталъ въ 30 милліоновъ, благодаря чему Чикагскій университетъ одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ въ мірѣ. Самъ Гарперъ получаетъ 75.000 фр. и еще 10.000 на ежегодныя поѣздки, чѣмъ онъ, конечно, не пропускаетъ случая воспользоваться.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ президентомъ, и меня провели къ нему.

Гарперъ — человѣкъ средняго роста, совершенно бритый; у него круглая голова, глаза скрываются за золотыми очками. Его лицо сіяетъ жизнерадостностью, довольствомъ и умомъ.

Въ университетѣ оба пола занимаются вмѣстѣ и на совершенно одинаковыхъ правахъ. Именно относительно этого я и хотѣлъ поговорить.

Гарперъ объяснилъ мнѣ, что въ принципѣ совмѣстное обученіе онъ вполнѣ одобряетъ. Онъ прибавилъ только, что опытъ доказалъ ему, что молодыя дѣвушки, пріѣзжающія изъ провинціи и не привыкшія къ мужскому обществу, первые два года должны учиться отдѣльно.

Затѣмъ я задалъ ему вопросъ относительно цѣломудренности студентовъ, о которой незадолго передъ тѣмъ упоминалъ президентъ Гарвардскаго университета. Гарперъ согласился съ мнѣніемъ своего кол-

леги, сказавъ что 70% всѣхъ молодыхъ людей въ Сѣверной Америкѣ до брака остаются совершенно чистыми и только 30 % юношей, принадлежащіе къ немногочисленному праздному классу, являются исключеніемъ изъ этого правила.

XLII.

Чикаго (продолженіе).

Я посѣтилъ, между прочимъ, фабриканта Диринга, компаньона торговаго дома Дирингъ и Кормихъ, изготовляющаго земледѣльческія орудія.

Вмѣстѣ съ Дирингомъ я побывалъ и на заводахъ, которые не стану описывать, вслѣдствіе незнакомства съ технической стороной дѣла. Однако, во время прогулки, длившейся нѣсколько часовъ, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько интересныхъ наблюденій. Такъ, напримѣръ, усовершенствованную вентиляцію мастерскихъ, въ которыхъ помѣщается до 7.000 рабочихъ, комфортъ всего заведенія, піанолу въ мастерской, гдѣ работаютъ женщины.

Чтобы дать вамъ понятіе о работѣ, производимой на заводѣ, могу сказать, что тамъ выдѣлывается 40 тысячъ различныхъ желѣзныхъ кусковъ, которые входятъ въ видѣ составныхъ частей въ земледѣльческія орудія. Машины на заводѣ работаютъ сами; человѣкъ наблюдаетъ лишь за ними. Я, напримѣръ, видѣлъ мальчика 14-ти лѣтъ, который одинъ наблюдалъ за пятью машинами.

Двѣнадцать зданій, по пяти этажей каждое, составляютъ заводъ Диринга. Самый большой залъ имѣетъ 300 метровъ длины и 20 ширины.

Каталоги издѣлій напечатаны на 25 языкахъ. Машины Кормиха и Диринга расходятся по всему міру.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Чикаго рабочіе Диринга забастовали. 7.000 рабочихъ опустошили мастерскія завода. Все время, пока продолжалась стачка, я видѣлъ Диринга каждый день. Несмотря на все мое вниманіе, я не могъ замѣтить въ его чертахъ ни малѣйшаго безпокойства. Наконецъ, какъ-то разъ я не выдержалъ и заговорилъ съ нимъ о забастовкѣ.

— Намъ,—сказалъ онъ,—нужно было бы имѣть достаточно сильную армію, чтобы поддерживать свободу труда, такую армію, которая могла бы защищать рабочихъ, желающихъ работать. Это самое главное что намъ нужно.

XLIII.

Чикагскія бойни.

Закалываніе быковъ самое трагическое зрѣлище. Чтобы увидѣть его я отправился къ Армуру.

Я вступаю на порогъ высокаго зала, освѣщеннаго однимъ окномъ. Бойцы, подобно паладинамъ какого-то всепожирающаго бога, вооружены ножами. Ихъ сапоги въ крови, ихъ передники смочены пурпуромъ. Быки приводятся по какимъ-то лабиринтамъ и вводятся по шести

штукъ въ большіе ящики безъ крышъ. Когда за ними закрывается дверь, сверху падаетъ мясничій топоръ. Одного удара обыкновенно достаточно. Шесть разъ падаетъ топоръ съ едва замѣтнымъ стукомъ. Изъ ящика не слышится ни одной жалобы. Затѣмъ дверь открывается и къ моимъ ногамъ валятся шесть мертвыхъ быковъ. Ужасъ и жалость охватываютъ при видѣ этихъ огромныхъ труповъ.

Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ присутствующихъ привязываетъ быка за заднія ноги къ цѣпи, которая прикрѣплена на блокѣ къ потолку, и животное вздергивается на воздухъ, испуская изъ себя потоки черной крови. Нѣсколько секундъ спустя быкъ лежитъ уже передъ потрашителемъ, который погружаетъ въ него свой ножъ. Однимъ ударомъ онъ разрѣзаетъ сверху до низу шкуру на брюхѣ животнаго, перерѣзываетъ артеріи и связки, которыми прикрѣплена голова къ туловищу, и скоро шкура вмѣстѣ съ головою и рогами совершенно отдѣляется отъ туши. Туша разрѣзается на куски, которые, еще дымясь, выставляются для продажи.

Мой проводникъ не можетъ понять, почему я интересуюсь этимъ зрѣлищемъ, оставаясь такъ долго въ залѣ, атмосфера котораго пропитана теплой кровью и откуда мы принуждены выйти, завернувъ панталоны, чтобы не вымазать ихъ кровью.

Около бойни находятся комната врача и узкій залъ съ постелью. Я спрашиваю его, что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Каждый день,—отвѣчаетъ онъ,—бываетъ 20—25 случаевъ порѣзовъ пальцевъ и ударовъ въ голову.

Ровно въ полдень бойцы бросаютъ свои ножи, омываютъ руки въ красноватой водѣ, освобождаются отъ своихъ передниковъ и идутъ ѣсть...

— Они будутъ кушать мясо,—говоритъ проводникъ.

Какъ могутъ они ѣсть мясо, когда я при одномъ зрѣлищѣ получилъ къ нему отвращеніе.

— Вамъ, кажется, надоѣло быть здѣсь?—спрашиваетъ меня проводникъ.

— А что еще осталось смотрѣть?

— Телятъ.

Отдохнувъ съ полчаса и успокоившись отъ тяжелаго впечатлѣнія, я отправился къ телятамъ.

Въ низкихъ залахъ пары отъ теплой воды и крови дѣйствуютъ удушающе. Слышатся крики животныхъ, нѣжное, невинное блеянье, которое вдругъ прерывается отъ удара ножомъ. Телятъ такъ же быстро потрошатъ и такъ же быстро освобождаютъ отъ ихъ шкуры, какъ и быковъ.

Я быстро покинулъ это ужасное мѣсто, гдѣ ноги скользятъ въ лужахъ крови, запутываются въ кишкахъ, шкурахъ и головахъ, и съ облегченіемъ вздохнулъ, очутившись на свѣжемъ воздухѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ АМЕРИКѢ.

Путевые очерки Жюля Гюре.

XLIV *).

Необычайный человѣкъ.

Я разскажу вамъ о Дови. Признаюсь, что здѣсь придется мнѣ достигнуть максимума невѣроятности. Уже одно то, что подобный человѣкъ можетъ существовать въ XX вѣкѣ, и въ особенности что его можно найти въ Америкѣ, въ городѣ наиболѣе меркантильномъ изъ всѣхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, а именно въ Чикаго, и которому десять тысячъ человѣческихъ существъ покорны, какъ овцы, уже одно это, мнѣ кажется, переходитъ границы европейскихъ понятій.

Сейчасъ мы увидимъ, преувеличиваю ли я.

Если объяснить въ двухъ словахъ, кто такой Дови, то прежде всего нужно сказать, что онъ глава и основатель секты, которая называется «Церковью Сіона».

Начавъ свою проповѣдь безъ гроша въ карманѣ, онъ въ настоящее время архимиллiонеръ. Занимаясь прежде проповѣдничествомъ, онъ теперь превратился въ пророка Илію и излечиваетъ и убиваетъ больныхъ простымъ наложенiемъ рукъ.

Изъ простого гражданина онъ превратился въ основателя города. Три года тому назадъ онъ купилъ на берегахъ озера Мичигана болѣе трехъ тысячъ гектаровъ земли и основалъ тамъ Zion City, куда за нимъ послѣдовали десять тысячъ его сектантовъ, которыхъ онъ эксплуатируетъ и обманываетъ.

Вотъ въ двухъ чертахъ портретъ феномена.

Но самое интересное—это исторія этого апостола обмана, этого геніальнаго плута, этого безстыднаго эксплуататора человѣческаго легковѣрія, который центромъ своихъ операцій избралъ страну наиболѣе практичную, наиболѣе позитивную изъ всего, что произвела до сихъ поръ цивилизація.

Я разскажу вамъ эту исторію, такъ какъ думаю, что равной ей нѣтъ ничего на свѣтѣ.

---

*) Окончаніе. См. «Вѣстн. Ин. Лит.», кн. VII. 1905 г.

Но сперва вотъ вамъ портретъ апостола:

Новому мессіи въ настоящее время пятьдесятъ семь лѣтъ. Невысокій, довольно плотный человѣкъ; черепъ его совершенно лишенъ растительности, но его лицо съ выдающимися скулами обрамлено длинной сѣдой бородой апостола, начинающейся чуть не отъ самыхъ глазъ, острый взглядъ которыхъ даетъ возможность угадывать любовь къ власти и гипнотическую силу. Голосъ у него сильный и ясный, рѣчь колоритная, уснащенная библейскими метафорами и образами, а нерѣдко бранью и грубыми выраженіями. Его физическая сила и энергія заслуживаютъ удивленія. Онъ безъ отдыха можетъ работать 20—24 часаи охотно сравниваетъ себя съ св. Павломъ.

Дови сталъ извѣстенъ въ Америкѣ съ 1888 г. Родившись въ 1847 году въ Эдинбургѣ, онъ оставался тамъ до тринадцати лѣтъ. Въ 1860 году родители его покинули Шотландію и переселились въ Австралію, гдѣ молодой человѣкъ поступилъ въ торговую фирму. Его замѣчательная дѣловая смѣтка, а также его интересъ къ религіознымъ вопросамъ уже тогда обробращали на сеөе вниманіе.

«Съ 16-ти лѣтъ,—говормтъ Дови,—Спаситель былъ моимъ другомъ, и съ самаго ранняго дѣтства я переставалъ разговаривать съ Нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Въ 20 лѣтъ Дови возвратился въ Эдинбургъ, гдѣ въ продолженіе 5-ти лѣтъ слушалъ богословіе въ тамошнемъ университетѣ.

Это былъ замѣчательный ученикъ, особенно ревностно занимавшійся изученіемъ языковъ и религій. Къ греческому, латинскому и нѣмецкому—языки, которые онъ зналъ основательно уже раньше,—онъ присоядинилъ отличное знаніе китайскаго, санскритскаго, французскаго, итальяскаго. Онъ въ подробностяхъ изучилъ религииИндіи, что дало ему возможность вступать въ пренія во послѣдователями Магомета столь же успѣшно какъ и съ священнослужителями христіанства и буддизма.

Выйдя изъ университета и награжденный степенью доктора теологіи, Дови возвратился въ Аделаиду въ 1872 году. Въ томъ же году онъ получилъ назначеніе и со страстью принималъ участіе въ религіозныхъ полемикахъ. Было у него также какое-то недоразумѣніе и съ правосудіемъ. Дови не любитъ вспоминать объ этомъ періодѣ своей жизни, и когда съ нимъ заговариваютъ, онъ отвѣчаетъ: «Говорятъ, я ничего не сдѣлалъ хорошаго въ Австраліи. Но почему сэръ Парисъ, тогдашній министръ-президентъ, предлагалъ мнѣ портфель министра народнаго просвѣщенія?».

Однако, Дови не сдѣлался министромъ и въ 1878 году, уже извѣстный по всей Австраліи, онъ объявилъ, что отправляется за свой собственный счетъ проповѣдывать Евангеліе. Разъ какъ-то, когда Дови съ энтузіазмомъ призывалъ къ необходимости перестройки царства Божія, одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ сказалъ ему: «Не Илія ли ты, преобразователь?». Дови сперва энергично протестовалъ противъ этого, но мысль эта засѣла у него въ мозгу, и мало-по-малу онъ убѣдилъ себя, что Богъ послалъ его на землю, чтобы приготовить людей ко второму пришествію.

Впослѣдствіи онъ самъ постарался выяснить происхожденіе своей миссіи въ надѣлавшей много шума деклараціи 1901 года передъ многочисленной аудиторіей въ Чикаго. Въ этотъ день Дови представился слу-

шателямъ какъ третье воплощеніе пророка Иліи. Первый Илія, тотъ, который былъ взятъ живымъ на небо въ огненной колесницѣ, явился вторично въ видѣ Іоанна Крестителя. Что касается его, то онъ третій— Илія Возстановитель.

Достаточно ли было такого утвержденія, чтобы повліять на воображеніе довѣрчивыхъ и наивныхъ людей? Дови имѣлъ основаніе опасаться и искалъ въ Евангеліи такого текста, который бы, будучи истолкованъ, могъ бы помочь его гордымъ замысламъ. Онъ нашелъ его въ XVI главѣ Евангелія отъ Марка:

«Наконецъ Онъ (Іисусъ) явился одиннадцати апостоламъ, когда они были за столомъ, и сказалъ имъ: Идите по всей землѣ и проповѣдуйте Евангеліе всякой твари человѣческой.

«Тотъ, кто увѣруетъ и кто будетъ крещенъ, будетъ спасенъ, но тотъ, кто не увѣруетъ, будетъ осужденъ.

«И вотъ чудеса, которыя будутъ сопутствовать тѣмъ, которые увѣруютъ: они станутъ изгонять демоновъ во имя Мое; они будутъ говорить новыми языками; они будутъ изгонять змѣй, и когда они выпьютъ какой-нибудь смертный напитокъ, онъ не причинитъ имъ вреда; они станутъ налагать руки на больныхъ, и тѣ исцѣлятся».

Дови нашелъ лазейку. Хорошо освѣдомленный о феноменахъ психофизіологіи, одаренный огромной силой внушенія, подкрѣпленный съ другой стороны авторитетомъ Новаго Завѣта, онъ сталъ исцѣлять «вѣрою». Онъ собралъ въ своей библіотекѣ всѣ книги, въ которыхъ есть нападки на медицину и докторовъ, и создалъ «Ассоціацію исцѣленія путемъ вѣры». Дови началъ съ того, что исцѣлилъ свою жену отъ мигрени, но вскорѣ онъ сталъ проявлять чудеса, исцѣляя больныхъ невралгіей, ревматизмомъ, подагрой.

Хорошо начатое дѣло произвело религіозное движеніе, которое распространилось по всей Австраліи и Новой Зеландіи. Затѣмъ Дови рѣшилъ посѣтить Англію, и именно Лондонъ, какъ центръ той церкви, къ которой принадлежатъ всѣ англійскія колоніи, но затѣмъ онъ перемѣнилъ рѣшеніе и отправился въ Америку. Въ 1889 году Дови прибылъ въ Санъ-Франциско въ обществѣ жены и двухъ дѣтей. Отсюда и слѣдуетъ начинать наблюденія за его дѣйствіями и за безумной довѣрчивостью его адептовъ. Вначалѣ его старанія были безуспѣшны. Санъ-Франциско оставался безстрастнымъ по отношенію къ пламеннымъ проповѣдямъ пророка. Діего, Оакландъ, Лосъ-Анхелесъ и Портландъ тоже не оказали ему большой чести. Избраннымъ городомъ явился Чикаго, куда пророкъ и его семья прибыли въ 1890 году.

Въ предмѣстьѣ Вестернъ-Спрингъ Дови началъ свою борьбу съ грѣховъ Чикаго. Въ то время его знала лишь небольшая горсть приверженцевъ и нѣсколько репортеровъ. Однако, разсказы о его громовыхъ проповѣдяхъ служили наилучшими рекламами для Дови.

Число адептовъ быстро увеличивалось и первой заботой пророка было желаніе убѣдить ихъ платить десятину, т. е., какъ это дѣлаютъ мормоны, отдавать свою десятую часть доходовъ и барышей въ пользу церкви. Въ слѣдующемъ году онъ поселился въ Эванстонѣ и оставался тамъ до весны, когда была открыта выставка. Затѣмъ пророкъ снялъ домъ на Каирской улицѣ на Чикагской выставкѣ, построилъ здѣсь первый храмъ «Сіонъ № 1». Само собой разумѣется, что это было одной изъ второсте-

пенныхъ приманокъ выставки. Но имя Дови начало распространяться въ публикѣ, онъ сталъ подвергаться журнальнымъ нападкамъ, на которыя пророкъ отвѣчалъ проповѣдями, уснащенными бранью и образными выраженіями. Тѣмъ не менѣе обращенія увеличивались и было выстроено два новыхъ храма—«Сіонъ №2 и 3». Исцѣленія были такъ же многочисленны, какъ и обращенія. Каждую недѣлю тысячи лицъ приходили къ пророку и требовали исцѣленія. Паломники, приходившіе на костыляхъ, возвращались на собственныхъ ногахъ, паралитики, которыхъ приносили на матрацахъ, уходили обратно, унося свое ложе подъ мышкой. Тогда Дови учредилъ католическую христіанскую церковь Сіона, объявивъ себя главнымъ администраторомъ, а такъ какъ помѣщеніе было недостаточно, то онъ снялъ концертный залъ, а затѣмъ большой аудиторіумъ въ Чикаго и тамъ отправлялъ богослуженіе съ октября 1895 по апрѣль 1896 года. Затѣмъ онъ купилъ церковь св. Павла, которая и стала мѣстомъ собранія вѣрныхъ.

Насталъ моментъ для пророка изложить свою доктрину, что онъ и сдѣлалъ въ двухъ конференціяхъ.

— Я никогда не намѣревался,—говорилъ «пророкъ-финансистъ»,—создать одну изъ тѣхъ незначительныхъ организацій, которыя раздѣляютъ христіанство. Я чувствовалъ, что я могъ бы вернуть церковь къ ея первобытной простотѣ, сдѣлать ее такой, какою она была во времена Христа и апостоловъ. Вотъ наше credo:

1) Мы признаемъ, какъ правило нашей вѣры, непогрѣшимость и вдохновенность Священнаго Писанія.

2) Не одно лицо не можетъ принимать участіе въ нашей церкви, если оно не раскаится и не увѣруетъ въ искупленіе Спасителя.

3) Каждый долженъ заявить отъ чистаго сердца, что онъ раскаялся и вѣруетъ въ Бога и что онъ обладаетъ, до нѣкоторой степени, свидѣтельствомъ Святого Духа.

4) Всѣ другіе вопросы суть дѣло личнаго мнѣнія, не касающіеся единства церкви.

Что касается дисциплины, то пророкомъ запрещены посѣщенія театровъ, пивныхъ, аптекъ, запрещены табакъ, доктора, хирурги, дома съ худой репутаціей, концерты и танцы. Свиноводство и продажа свиного мяса считается предосудительнымъ и, кромѣ того, вреднымъ для здоровья, такъ какъ свиное мясо является прямой причиной болѣзни рака, золотухи, холеры, туберкулеза, ревматизма и т. д. Церковь требуетъ непремѣнной уплаты десятины, безъ которой отказывается въ божественномъ прощеніи. Пророкъ часто призываетъ свой народъ къ уплатѣ: «Слушайте, братья,—говоритъ онъ во время своихъ проповѣдей,—работайте и зарабатывайте, сколько вы можете. Если вы можете заработать тысячу долларовъ или сто тысячъ долларовъ, зарабатывайте ихъ. Сберегайте, но жертвуйте Богу и Его церкви. Развивайте вашу торговлю и вашу промышленность, но ради Бога давайте, сколько вы можете. Аминь!».

Церковь равнымъ образомъ настаиваетъ, чтобы правовѣрные принимали участіе во всѣхъ финансовыхъ предпріятіяхъ. И Дови первый подаетъ примѣръ своей паствѣ. «Я дѣлаю изъ моихъ занятій коммерческое предпріятіе, такъ какъ Самъ Богъ находится повсюду. Онъ принимаетъ участіе въ торговлѣ мукой, такъ какъ Онъ даетъ людямъ зерно,

въ плодоводствѣ—такъ какъ произростаетъ великолѣпные цвѣты. Онъ занимается торговлей рыбой, а Его огромнымъ рынкомъ является безбрежный океанъ; торговлей дичью и живностью, потому что вѣдь это Онъ сотворилъ птицъ и всевозможныхъ животныхъ. Онъ управляетъ даже электрической промышленностью, и когда молніи пересѣкаютъ небеса, развѣ это не великолѣпные пиротехническіе опыты, показываемые смертнымъ!».

Церковь управляется главнымъ администраторомъ Дови при помощи 4-хъ администраторовъ подручныхъ; 46-ью старшинами съ двумя президентами во главѣ; 18-ью евангелистами; 39-ью діаконами; 12-ью діакониссами и батальономъ такъ называемыхъ «септантовъ», которые попарно ходятъ изъ дома въ домъ и вербуютъ новыхъ адептовъ.

Въ 1895 году число приверженцевъ Дови достигало 5.000 человѣкъ въ Чикаго. Церковь въ то время находилась ужь въ полномъ расцвѣтѣ. Дови открывалъ постепенно колледжи и благотворительныя учрежденія, издавалъ журналы и періодическія обозрѣнія, какъ, напримѣръ, «Soleil du Matin», «L'Etoile du soir», главнымъ же его журналомъ былъ «Feuilles de guerison». Между прочимъ, былъ учрежденъ Сіонскій банкъ, главой котораго явился Дови.

Это учрежденіе всецѣло принадлежало ему. Были, правда, акціонеры, но они не занимались дѣлами банка, и когда Дови нужны были деньги, онъ продавалъ столько акцій, сколько находилось покупателей. Въ 1896 году, благодаря собранному капиталу, Дови основалъ «Сіонскій Домъ», нѣчто вродѣ огромнаго отеля, расположеннаго на одномъ изъ самыхъ лучшихъ бульваровъ Чикаго. Объявленія, распространяемыя по всей Америкѣ, расхваливали удобства «христіанскаго дома божественнаго исцѣленія»: первоклассная гостинница съ антипожарнымъ устройствомъ, холодная и горячая вода, фарфоровыя ванны почти во всѣхъ комнатахъ, подъемныя машины, специальныя собранія для исцѣленія три раза въ недѣлю; запрещеніе пить, курить, запрещеніе вносить въ отель медицинскіе яды, превосходный столъ, первоклассная кухня и прислуга.

Сіонскій домъ служилъ въ то же время центромъ администраціи. Здѣсь были устроены: бюро корреспонденціи, финансовъ и т. д. Здѣсь жили старшины, евангелисты, а также и самъ пророкъ.

Въ то же время Дови непрестанно работалъ, пропагандируя свою доктрину. Его евангелисты распространены были по всей Америкѣ, въ Китаѣ, Японіи, Кореѣ, Индостанѣ. Представители посылались въ Каиръ, въ Трансвааль, Наталь, въ Оранжевую республику. Заходили евангелисты и въ Европу.

XLV.

Необычайный человѣкъ. (Продолженіе).

На пути Дови среди розъ были разсыпаны и терніи. Три года тому назадъ умерла его дочь. Ей было 22 года и она слушала лекціи въ Чикагскомъ университетѣ. Каждое утро она завивалась, пользуясь для этого спиртовой лампочкой. Разъ порывомъ вѣтра ея пенюаръ коснулся лампы и вспыхнулъ; у дѣвушки оказалось болѣе половины тѣла въ

обжогахъ. Говорятъ, Дови въ первый разъ позвалъ къ себѣ въ домъ врачей. Два дня спустя дѣвушка умерла.

Враги Дови, а также и его ученики удивлялись, почему онъ не исцѣлилъ свою дочь. Онъ отвѣчалъ, что имъ было запрещено употреблять алкоголь, она же не слушалась и потому погибла. Тѣмъ не менѣе, онъ заявилъ, что дѣвушка передъ смертью раскаялась. Какъ мы увидимъ, его адептовъ случай этотъ не обезкуражилъ.

Разъ, когда Дови долженъ былъ говорить проповѣдь «о докторахъ, демонахъ и лекарствахъ», три сотни медицинскихъ студентовъ ворвались въ залъ съ химическими продуктами, издававшими зловонный запахъ, съ камнями и мертвыми кошками. Дови пришлось убраться по добру по здорову. Для своей личной охраны онъ учредилъ конвой изъ здоровенныхъ молодцовъ, «сіонскихъ гвардейцевъ», которые повсюду сопровождали его. Однако, безпорядки продолжались.

Церковь, полиція, бюро охраненія народнаго здравія, вслѣдствіе его проповѣдей противъ оспопрививанія, всѣ старались умалить его значеніе, но въ результатѣ только увеличивали его популярность. Онъ былъ зло, которое приходилось терпѣть. Въ 1895 году Дови былъ арестованъ болѣе ста разъ! Позднѣе это случалось съ нимъ довольно рѣдко. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ покинуть Чикаго и создалъ очень смѣлый планъ.

Отсюда начинается вторая часть его Одиссеи. Снова онъ издалъ воззваніе къ вѣрнымъ приверженцамъ созданной имъ церкви и при помощи даяній купилъ около 3.000 гектаровъ превосходной земли на берегу озера Мичиганъ, въ 67 километрахъ отъ Чикаго. Земля обошлась ему болѣе 7 милліоновъ франковъ. Онъ раздѣлилъ ее на участки, которые снимались на тысячу лѣтъ. Арендатели обязывались повиноваться Дови и уставу Сіона. 5 тысячъ его адептовъ послѣдовали за нимъ и принялись за основаніе новаго города. Всѣ улицы въ городѣ сходятся къ одному центру, гдѣ находится храмъ. Улицы, идущія отъ запада къ востоку, носятъ вмѣсто названій порядковые нумера; тѣ же, которыя идутъ съ юга къ сѣверу, получили библейскія названія; такимъ образомъ, если вы отправитесь изъ улицы Аарона, то придете въ улицу Завулона, пройдя черезъ улицы Авраама, Іакова и Моисея.

Въ 1901 году были открыты двери Сіона, а въ 1902 году организованный городъ былъ причисленъ къ штату Иллинойсъ.

Въ Чикаго общество чрезвычайно интересовалось, чѣмъ будутъ жить граждане новаго города, когда тамъ нѣтъ никакой промышленности. Но Дови это предвидѣлъ. Его жена приходилась родственницей крупному фабриканту кружевъ въ Ноттингэмѣ—Стивенсону. Дови рѣшилъ, что главной промышленностью города будетъ кружевное производство. Онъ отправился въ Англію, привезъ своего шурина, купилъ инструменты, пригласилъ лучшихъ мастеровъ для обученія сіонистовъ искусству плести кружева, а затѣмъ построилъ огромную фабрику и нанялъ рабочихъ. Сіонисты изучили кружевное производство. Но между Дови и Стивенсономъ произошелъ разрывъ. Дови, какъ всегда, хотѣлъ быть полновластнымъ хозяиномъ. Дѣло дошло до суда. Стивенсонъ выигралъ. Дови уплатилъ ему около милліона, но фабрику удержалъ за собой.

Позднѣе онъ устроилъ конфетную фабрику, болѣе выгодную, чѣмъ фабрика кружевъ. Американцы очень любятъ конфеты и тѣ, которые не жуютъ резины, грызутъ сладости.

Поощряя своихъ подданныхъ къ производству конфетъ и кружевъ, Дови въ то же время продолжалъ играть свою роль апостола.

Въ іюнѣ 1902 года былъ построенъ «страннопріимный домъ». Это огромная гостинница въ сто десять метровъ по фасаду, снабженная современнымъ комфортомъ и настолько обширная, что въ ней могло помѣститься до 1.000 человѣкъ жильцовъ.

Каждое утро Дови собиралъ сюда всѣхъ больныхъ на молитву, а затѣмъ исцѣлялъ ихъ. Каждую недѣлю онъ собиралъ квартирную плату и свой «динарій Петра» подъ видомъ наличныхъ денегъ, чековъ и т. п.

Удивительно, насколько легковѣрна паства Дови, особенно когда представишь себѣ, къ какимъ грубымъ шарлатанскимъ пріемамъ прибѣгалъ пророкъ. О богослуженіяхъ онъ объявлялъ въ газетахъ или въ проспектахъ слѣдующимъ образомъ: «Джонъ-Алексѣй Дови, главный администраторъ католической христіанской церкви Сіона, будетъ совершать богослуженія и исцѣленія по вторникамъ послѣ полудня. Даются свѣдѣнія относительно божественнаго исцѣленія.—Молитва вмѣстѣ съ болящими и наложеніе рукъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ. Спеціальный поѣздъ. Обратные билеты 1 фр. 50 сант. Пріятное путешествіе на разстояніи 84 миль. Служба начинается процессіей хора, одѣтаго въ бѣлую одежду. Каждый посѣтитель можетъ разсчитывать на хорошій пріемъ. Свѣчи безплатно. Пожертвованія принимаются въ любомъ размѣрѣ».

Богослуженіе совершается чрезвычайно торжественно. Процессія изъ 700 дѣтей, одѣтыхъ во все бѣлое, медленно подвигается изъ зала на сцену. Тамъ они начинаютъ пѣть подъ аккомпаниментъ органа. Діаконы, тоже одѣтые въ бѣлое, слѣдуютъ за дѣтьми. Затѣмъ появляется самъ пророкъ—высокій старикъ, съ почтенной бородой, съ магнитическимъ взглядомъ. Послѣ пѣнія «Te Deum» Дови начинаетъ проповѣдь.

Онъ длинно и довольно скучно комментируетъ Библію. Но когда онъ начинаетъ говорить о дѣлахъ, онъ становится краснорѣчивымъ, остроумнымъ, саркастическимъ. Когда онъ замѣчаетъ, что вниманіе слушателей утомляется, онъ начинаетъ говорить съ большимъ жаромъ, его жесты становятся величественнѣе, онъ гремитъ, вскрикиваетъ, бросая огненные взгляды на толпу:

— Вѣруете ли вы въ меня? Илія ли я?

И толпа, увлеченная имъ, отвѣчаетъ:

— Да, да, ты Илія!

Если спросить Дови, какъ онъ исцѣляетъ по своему желанію больныхъ, онъ отвѣтитъ:

— Христосъ сказалъ: «Имѣйте вѣру и спасетесь!». — И онъ объясняетъ происхожденіе всякой болѣзни:—Болѣзнь, — говоритъ онъ,—зло, идущее отъ Бога. Болѣзнь и смерть пришли на землю вслѣдствіе грѣха. Богъ далъ намъ жизнь, хлѣбъ и вино. Богъ не далъ бы намъ нечистыхъ болѣзней, если бы мы просили Его благословенія. Богъ не бываетъ жестокъ къ своимъ дѣтямъ.—Относительно нищеты онъ говоритъ:—Кто учитъ, что бѣдность хорошая вещь, неправъ, такъ какъ мы всѣ знаемъ, что бѣдность нехороша. Бѣдность—проклятіе. Доказательствомъ служитъ то, что Богъ благословилъ трудъ народа Сіона!

Логика эта удовлетворяетъ американцевъ.

Они всѣ удивлены, какъ умѣло онъ воспользовался послѣдними открытіями науки.

Такъ, у Дови есть машина молитвъ. Если онъ, напримѣръ, получаетъ отъ какого-нибудь больного просьбу помолиться, онъ опускаетъ эту просьбу въ машину, которая печатаетъ приблизительно слѣдующее: «Произнесена молитва за господина X. 5-го января въ 10 часовъ утра. Джонъ Дови».

Если больному станетъ лучше, Дови считаетъ это доказательствомъ силы своей молитвы. Если онъ получаетъ просьбу изъ чужого города помолиться за больную женщину, онъ зоветъ мужа или больную къ телефону и произноситъ молитву въ телефонную трубку. Онъ исцѣляетъ также по телефону, по кабелю. Въ свободное время онъ проповѣдуетъ и молится передъ фонографомъ и затѣмъ продаетъ валики своимъ ученикамъ въ Австралію.

Онъ распространяетъ повсюду свои фотографіи. Всему, что онъ дѣлаетъ, онъ придаетъ характеръ общественный. Его жилище настоящій дворецъ.

Исчерпавъ всѣ средства рекламы, въ 1903 году Дови рѣшилъ снова произвести впечатлѣніе на общественное мнѣніе и съ тремя тысячами довистовъ отправился въ Нью-Іоркъ. Въ продолженіе двухъ недѣль онъ устраивалъ огромные митинги. Это предпріятіе, по словамъ Дови, стоило около полутора милліонов франковъ и не принесло ему ничего, кромѣ сарказмовъ репортеровъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ собрался въ другое путешествіе, а именно въ Австралію. Въ обществѣ своей жены, сына и, какъ говорятъ, съ семью милліонами долларовъ онъ въ январѣ 1904 года покинулъ Сіонъ. Весь городъ поспѣшилъ на вокзалъ проводить пророка и получить отъ него свое благословеніе. Свое управленіе онъ передалъ діаконамъ и обѣщалъ возвратиться 1-го іюля. И я увѣренъ, что онъ вернулся.

XLVI.

Ніагара.

Существуетъ два рода снобизма: одинъ, который васъ толкаетъ дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе, это снобизмъ бараній; другой выражается въ томъ, чтобы противостоять примѣру или модѣ, это снобизмъ мула. Я выбралъ тотъ, который меня обогащалъ. Не видѣть катарактъ Ніагары, путешествуя по сѣверу Америки, это значитъ «будировать противъ собственнаго брюха», я же перешелъ возрастъ подобныхъ безплодныхъ жертвъ.

Итакъ, я не буду путешественникомъ, который не видѣлъ Ніагары. Я даже торопился увидѣть ее и боялся, что у меня не хватитъ на это времени, такъ какъ день моего отъѣзда былъ назначенъ.

Отправившись изъ Чикаго въ пять съ половиной часовъ вечера, я на другой день въ восемь часовъ прибылъ въ Буффало. Почти тотчасъ же я сѣлъ въ трамвай, который черезъ часъ доставилъ меня въ небольшой городокъ Ніагару. Съ момента своего прибытія я ни о чемъ другомъ не справлялся, какъ только о ніагарскомъ водопадѣ. Можно было подумать, что я боялся пріѣхать слишкомъ поздно, что какая-нибудь непредвидѣнная вещь помѣшаетъ мнѣ увидѣть водопадъ, что какая-нибудь непредвидѣнная катаклизма заставитъ его исчезнуть съ лица земли; это

то самое душевное состоянiе, которое заставляетъ наивныхъ людей приходить за часъ до спектакля, чтобы быть увѣренными, что они его не пропустятъ.

Такъ, впопыхахъ я достигъ каскадовъ, съ головой, переполненной разными воспоминанiями читанныхъ описанiй, готовясь испытать нѣчто величественное и подавляющее.

Я остановился передъ рѣкой; невдалекѣ отъ меня на поворотѣ я увидѣлъ три каскада, окруженные рядами деревьевъ, ниспадающiе подобно дымчатымъ волнамъ. Я былъ удивленъ тѣмъ, что не чувствую ничего другого, кромѣ лишь того, что всѣ мои воспоминанiя улетучивались передъ реальностью зрѣлища. Это были каскады довольно широкой струи воды, пѣнившейся на скалахъ съ глухимъ и длительнымъ шумомъ. Но какъ это было ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что я представлялъ, и этотъ шумъ, который долженъ быть слышенъ за четырнадцать километровъ, едва уловляло здѣсь ухо.

«Такъ,—подумалъ я,—это ошибка романическихъ описанiй, читаемыхъ мною; мое воображенiе преувеличивало предметы, никогда не видѣнные мною».

Тѣмъ не менѣе я почувствовалъ разочарованiе.

Я сѣлъ въ лодку, которая подвозитъ туристовъ къ подножiю каскадовъ. Намъ предложили одѣть длинныя непромокаемыя пальто, чтобы укрыться отъ дождя, который достигаетъ середины рѣки, и мы приблизились.

Шумъ воды мало-по-малу увеличивался и, когда мы приблизились, онъ походилъ на громъ. Два каскада были какъ разъ передъ нами, третiй, такъ называемый «Лошадиная подкова», самый широкiй, раздѣлялъ ихъ. Въ то же время я понялъ настоящую высоту паденiя воды. Я пожиралъ Бедекера, чтобы узнать точныя цифры. Каскадъ «Лошадиная подкова» имѣетъ 915 метровъ ширины и 48 метровъ высоты. Другiя нѣсколько уже, но столь же высокiе.

Лодка кружится на срединѣ рѣки, позволяетъ туристу любоваться зрѣлищемъ. Тяжелые водяные пары скрываютъ низъ каскадовъ. Не видно поэтому паденiя воды на скалы, но зато слышенъ непрестанный грозный грохотъ. Мелкiй дождь покрываетъ нашу лодку: это брызги катаракты, которая разлетается на тридцать метровъ. Снизу люди, находящiеся на вершинѣ катаракты, кажутся совершенно маленькими. Можно подумать, что ихъ ноги стоятъ въ водѣ, которая сейчасъ увлечетъ ихъ. При этой мысли зрителемъ овладѣваетъ головокруженiе, кажется, что они скользятъ и падаютъ въ пропасть.

Я покидаю лодку и поднимаюсь наверхъ. Мнѣ кажется, что отсюда зрѣлище еще болѣе захватывающее. Въ самомъ дѣлѣ, я испытываю неизвѣданное великолѣпное ощущенiе. Я нахожусь на разстоянiи одного метра отъ катаракты, взобравшись на камень, края котораго купаются въ водѣ. Позади меня широкая рѣка катитъ быстрыя и блестящiя на солнцѣ волны. Быстрота теченiя у края каскадовъ становится головокружительной. Вода торопится покинуть слишкомъ узкое русло и выгибается могучимъ изгибомъ, не производя никакого шума. Затѣмъ быстрота исчезаетъ. Огромная масса воды медленно падаетъ внизъ.

Снизу поднимаются грозное клокотанiе, трескъ и шумъ, точно отъ ружейной перестрѣлки. Что-то разрывается, хлопаетъ, хрипитъ, катится,

стонетъ и рычитъ, не прерываясь ни на одну минуту. Получается впечатлѣніе чего-то вѣчнаго, рокового.

Я нагибаюсь, чтобы заглянуть въ глубину бездны, но оттуда поднимается водяной дымъ, точно выброшенный какимъ-нибудь гигантскимъ сифономъ, и поэтому ничего не видишь, кромѣ толстаго слоя воды, который описываетъ элегантную дугу, прежде чѣмъ разбиться на тысячу капель о скалы. На водяныхъ парахъ играютъ многочисленныя радуги.

Я стоялъ здѣсь больше часу, загипнотизированный этимъ непрестаннымъ движеніемъ. Это зрѣлище поистинѣ прекрасно. Я наслаждаюсь имъ, не принуждая себя къ этому, и въ этотъ моментъ я примирился съ романтическими описаніями.

Внизу, посрединѣ рѣки, вода принимаетъ голубой цвѣтъ, окаймленный бѣлой кипящей пѣной. Можно подумать, что вода здѣсь неподвижна, что она отдыхаетъ послѣ страшнаго скачка.

Бедекеръ сообщаетъ, что можно пройти подъ каскадомъ. Поверхъ своего платья одѣвается непромокаемый макинтошъ, послѣ чего можно отправляться подъ каскады. Проводникъ увѣрилъ меня, что самой интересной изъ этихъ экскурсій является переходъ подъ центральнымъ каскадомъ, куда я и отправился. Сперва нужно было спуститься по узкой длинной лѣстницѣ въ сопровожденіи хромого отъ ревматизма старика, который съ трудомъ тащилъ одну ногу; вскорѣ я очутился на солнцѣ у подножія огромныхъ скалъ, подъ цѣлымъ дождемъ брызговъ.

Я смѣялся надъ моимъ костюмомъ и весело болталъ со старикомъ, который медленно подвигался впередъ, держась за перила изъ елей. Вдругъ на меня хлынулъ цѣлый потокъ, сильный вѣтеръ подулъ мнѣ въ лицо, я былъ ослѣпленъ, затопленъ и я не могу припомнить болѣе ничего точнаго, кромѣ лишь того, что торопилъ своего гида и бранилъ себя глупцомъ.

Ничто не можетъ передать вамъ того состоянія, въ которое повергаетъ васъ тотъ ливень, подъ который вы попадаете. Вы пытаетесь открыть глаза, чтобы хоть что-нибудь увидѣть, но струя холодной влаги хлещетъ вамъ въ лицо, ослѣпляетъ и оглушаетъ васъ. Я кричалъ своему гиду идти какъ можно скорѣе, голосъ мой терялся среди грохота воды, я толкалъ его за плечи, но ужасный вѣтеръ принуждалъ меня прислоняться къ парапету и идти размѣренными шагами, ничего не видя, ничего не думая.

Гдѣ былъ я? Подъ какимъ каскадомъ? Въ какомъ гротѣ вѣтровъ? Далеко ли до горы Араратъ? Найду ли я Ноя? Увы! Прошло десять добрыхъ минутъ, которыя показались мнѣ цѣлою вѣчностью. Я сгорбился и вытиралъ мокрое лицо, мои пальцы нѣмѣли отъ холода, я чувствовалъ себя промокшимъ до костей. Наконецъ дождь пересталъ, вѣтеръ утихъ; я былъ спасенъ. Я взобрался быстро по лѣстницѣ, смѣясь надъ собственнымъ любопытствомъ. Обсохнувъ, я рѣшилъ посмотрѣть на знаменитые водовороты. Линія электрическихъ трамваевъ пересѣкаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣку, показывая болѣе интересные пункты. Здѣсь вода, вслѣдствіе недостаточно широкаго русла, крутится съ такой быстротой, что никакое судно не можетъ пройти. Вода не переставая кружится, клокочетъ и кипитъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уровень воды дѣлается выпуклымъ, поднимаясь на шесть или семь метровъ надъ уровнемъ воды близъ береговъ.

Я уже хотѣлъ уходить, когда изъ деревяннаго барака вышелъ какой-то господинъ и, подойдя къ одинокой скалѣ, на которой я любовался рѣкою, предложилъ мнѣ, не хочу ли я сняться на этомъ мѣстѣ. Я вѣжливо отклонилъ его предложеніе. Тогда онъ разсказалъ мнѣ, что на этомъ мѣстѣ знаменитый эквилибристъ Блондэнъ перешелъ Ніагару по канату, натянутому на восемьдесятъ метровъ вышины, и что здѣсь же отважный англійскій пловецъ капитанъ Веббъ нашелъ свою кончину, пытаясь переплыть рѣку вплавь; его тѣло нашли гораздо дальше отъ этого мѣста, разорванное на куски конвульсіями бѣшеной воды.

Послѣ этихъ свѣдѣній у меня не хватило духа отказать моему собесѣднику, къ тому же онъ въ очень простыхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ посидѣть нѣкоторое время спокойно. Онъ принесъ свой аппаратъ, поставилъ его въ нѣсколькихъ метрахъ отъ меня, и такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день я не могъ противостоять двойному, хотя и невинному снобизму, а именно увидѣть водопадъ Ніагару и унести оттуда свой портретъ.

XLVII.

Реклама.

У меня не было намѣренія изучить американскую рекламу. Въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ смотрѣть только на стѣны, разглядывать магазинныя выставки и журналы, такъ какъ американская реклама безконечна, она живая и разноцвѣтная; она печатная, устная, поющая, механическая, свѣтящаяся, театральная; ее можно видѣть на стѣнахъ, на улицахъ, на дорогахъ, по краю желѣзнодорожнаго полотна и трамваевъ; она плаваетъ по рѣкамъ и летаетъ по воздуху. Какъ набросать въ одной небольшой главѣ могущественный образъ этой національной американской богини?

Невозможно. Я рѣшилъ удовольствоваться упоминаніемъ случайно запомнившихся рекламъ, которыя по своей наивности, практичности или живописности поразили мое воображеніе.

Прежде всего о выставкахъ. Нѣтъ и слѣдовъ вкуса и искусства въ Америкѣ, какъ въ Нью-Іоркѣ, такъ и въ Канзасъ-Сити, какъ въ Вашингтонѣ, такъ и въ Пуэбло, въ устройствѣ магазинныхъ выставокъ. Въ Санъ-Франциско въ витринѣ аптекарскаго магазина лежитъ цѣлая куча змѣй, пожалуй, до ста штукъ, всѣхъ размѣровъ, отъ большого боа до молочныхъ змѣй, которыхъ питаютъ молокомъ и мухами. Онѣ лежатъ подъ стекляннымъ колпакомъ, куда напущены мухи. Прохожіе останавливаются и осматриваютъ животныхъ, которыя свертываются и развертываются, какъ живыя веревки. Змѣи слѣдятъ терпѣливо и внимательно за полетомъ мухъ, которыхъ отъ времени до времени имъ удается поймать однимъ быстрымъ движеніемъ.

На выставкѣ одного торговца мороженымъ въ Чикаго я видѣлъ чучело птицы, посаженное на вѣтку и держащее въ своемъ клювѣ скелетъ ребенка! Объясните, если можете, значеніе этой выставки. Въ одномъ и томъ же магазинѣ купецъ съ одной стороны выставляетъ піанино, съ другой гробы. Вы видите здѣсь гробы всевозможныхъ качествъ: цинковые, аллюминевые, лакированнаго дуба съ металлическими ручками. Этотъ купецъ

устроилъ гробовой трестъ въ городѣ. Разъ какъ-то всѣ рабочіе треста забастовали и для бѣдныхъ не хватило гробовъ, такъ какъ въ запасѣ было только большое число богатыхъ гробовъ. Этотъ родъ промышленности одинъ изъ самыхъ выгодныхъ: онъ приноситъ пятьсотъ на сто. Единственно красивую выставку я видѣлъ въ Чикаго. Модистка поставила въ окнѣ большое металлическое дерево, на вѣтвяхъ котораго были развѣшаны дамскія шляпки. Электрическія лампочки разныхъ цвѣтовъ то зажигались, то потухали, мѣняя цвѣта и разнообразя цвѣта лентъ и цвѣтовъ. Это было красиво и граціозно.

Реклама въ Америкѣ организована, какъ ни въ одной другой странѣ въ свѣтѣ.

Есть агентства болѣе важныя и болѣе сложныя, чѣмъ наши. Вы можете при ихъ посредствѣ помѣщать ваши объявленія въ любомъ журналѣ міра, тамъ есть редакторы, которые напишутъ анонсъ въ вашемъ вкусѣ: остроумно, серьезно, причудливо, а также рисовальщики, которые предлагаютъ всевозможныя афиши всѣхъ размѣровъ.

Нѣкоторые изъ этихъ артистовъ, талантъ которыхъ заключается въ эксцентричномъ воображеніи, зарабатываютъ до шестидесяти тысячъ франковъ въ годъ. На одной изъ стѣнъ дома я видѣлъ огромныхъ размѣровъ рекламу—въ 40 метровъ вышины и 15 ширины. Это была реклама виски; она представляла добраго малаго, радостно сжимавшаго бутылку съ клеймомъ марки.

Въ Америкѣ существуетъ компанія рекламъ при помощи воздушныхъ змѣй. Я видѣлъ, какъ въ Нью-Іоркѣ черезъ Гудзоновъ проливъ летѣли огромныя ленты рекламы, увлекаемыя воздушными змѣями: это были объявленія Рокфеллера.

Но самыми любопытными и типичными рекламами являются уличныя рекламы. Одинъ дрогистъ, выдумавшій какой-то новый ядъ, поставилъ на углу одной изъ оживленныхъ улицъ большіе часы, наверху которыхъ находился указующій перстъ съ надписью: «Насталъ часъ, чтобы испытать тоническое средство такого-то!».

Нѣкій изобрѣтатель предлагалъ освобождать дома отъ крысъ, мышей, таракановъ, клоповъ, муравьевъ, мухъ и т. д. Съ цѣлью рекламы онъ возилъ по городу красивую карету яркаго цвѣта, стѣны которой были стеклянныя. За стеклами были видны сидящія въ клѣткахъ и коробкахъ большія крысы, мыши и т. д.

Изобрѣтатели элексировъ для волосъ не довольствуются афишами съ портретами длинноволосыхъ женщинъ. Въ Бостонѣ въ окнѣ одного изъ магазиновъ, спиной къ публикѣ, сидитъ красивая молодая дѣвушка, блондинка, распущенные волосы которой лежатъ по полу. Чтобы не скучать, она читаетъ. Надпись указываетъ, что эти волосы имѣютъ въ длину одинъ метръ пятьдесятъ сантиметровъ, причемъ эта длина была достигнута путемъ употребленія воды X. Толпа удивляется, останавливается и покупаетъ чудодѣйственныя бутылки.

Наиболѣе удивительная изъ всѣхъ вещей, на которыя наталкивается европеецъ въ Америкѣ, это аптеки. На дверяхъ маленькими буквами написано: «Drogs» (т. е. аптекарскіе товары) и на громадной вывѣскѣ, выдающейся надъ тротуаромъ, красуется надпись: «Мороженое», это любимое лакомство американцевъ, заставляющее блистать глазки самыхъ цѣломудренныхъ дѣвушекъ.

За конторкой съ мороженымъ идетъ табачное отдѣленіе. Рядомъ съ ней кондитерская. Далѣе разложены гребенки, губки, туалетныя принадлежности. Важное мѣсто занимаетъ также торговля канцелярскими принадлежностями. Далѣе разложены бритвы, игральныя карты и принадлежности спорта.

За пять или за десять су въ каждой аптекѣ въ распоряженіи публики находится телефонъ. Кромѣ того, каждая аптека является представительницей одной или нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ компаній. Вы оставляете въ кассѣ распоряженіе, и нѣсколько минутъ спустя къ вамъ пріѣзжаетъ карета, забираетъ ваши чемоданы и везетъ ихъ на вокзалъ или куда вы прикажете; точно такъ же дѣлается при переѣздѣ съ одной квартиры на другую.

Кромѣ того, въ аптекѣ всегда можно получить почтовыя марки и открытыя письма. Наконецъ, газовыя компаніи не принимаютъ уплаты денегъ у себя въ правленіи, но зато вы можете заплатить по вашему счету въ любой аптекѣ.

Въ Чикаго можно, оставивъ у аптекаря свою карточку съ адресомъ, получать безплатно книги для чтенія.

Въ одномъ изъ самыхъ незамѣтныхъ угловъ аптеки, который обыкновенно проходишь, не замѣчая, находится продажа лекарствъ.

Объявленія въ газетахъ и мѣсячныхъ обозрѣніяхъ пестрятъ шедёврами.

Торговецъ часами спрашиваетъ васъ: «Что представляетъ изъ себя домъ безъ ребенка и кукушки?». Мистеръ Дугласъ, сапожникъ, безъ излишней скромности увѣряетъ: «Мистеръ Дугласъ величайшій сапожникъ міра». Нѣкій фабрикантъ виски, болѣе скромный, печатаетъ: «Виски Вильсона, и болѣе ни слова!».

Наиболѣе частыя объявленія и наиболѣе постоянныя поступаютъ отъ женщинъ массажистокъ и маникюрокъ, а также отъ ясновидящихъ. Какъ я уже вамъ неразъ говорилъ и доказалъ примѣрами, народъ американскій самый легковѣрный. Такимъ образомъ промышленность гадалокъ, астрологовъ и медіумовъ процвѣтаетъ во всѣхъ большихъ городахъ Америки и на востокѣ въ особенности. Газеты кишатъ объявленіями вродѣ слѣдующихъ:

«Г-жа Грохамъ, гадалка, извѣстная въ цѣломъ мірѣ, узнавъ, что въ Денверѣ есть много скептиковъ, рѣшила дать имъ случай удостовѣриться въ ея чрезвычайномъ могуществѣ за одинъ долларъ.

«Она увѣрена, что ей нѣтъ равной на землѣ. Даетъ совѣты по спекулятивнымъ вопросамъ, по любовнымъ и домашнимъ дѣламъ, устраиваетъ примиренія влюбленнымъ, соединяетъ людей разлученныхъ; можетъ сказать вамъ, на комъ вы женитесь, какъ добиться любви любимаго чоловѣка, какъ побѣдить вашихъ враговъ, дастъ вамъ средство управлять или влiять на того, кого вы любите. Плата не обязательна, если вы не убѣдитесь, что она превосходитъ всѣхъ другихъ».

Я вырѣзалъ слѣдующее объявленіе изъ одной чикагской газеты:

«Чтобъ облегчить самоубійство.

«Салонъ, въ которомъ тѣ, кому надоѣла жизнь, должны лишь нажать кнопку.

«Д-ръ Чарльзъ Джекобсъ, спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ изучалъ самоубійство. Онъ считаетъ это неизлечимой болѣзнью.

«Я пріѣхалъ въ Чикаго, чтобы облегчать самоубійства. Насъ постоянно шокируетъ нахожденіе утопленниковъ въ озерахъ или висѣльниковъ, повѣшанныхъ въ паркахъ. Въ данный моментъ въ этомъ городѣ находится до ста лицъ, которыя рѣшили покончить съ собой. Они видятъ необходимость прибѣгнуть къ веревкѣ, револьверу или сильному яду. Отказать имъ въ менѣе ужасномъ средствѣ было бы нечеловѣчно! Вотъ почему я основалъ учрежденіе, гдѣ можно найти смерть быструю и безболѣзненную. Человѣкъ, который рѣшилъ умереть, который не видитъ другого средства, можетъ придти въ мое учрежденіе, сѣсть въ удобное кресло, нажать кнопку и отправить свою душу на тотъ свѣтъ».

Нѣкій дѣловой человѣкъ, проживающій въ Калифорніи, рѣшаетъ продать свое имѣніе и движимость, но такъ какъ онъ полагаетъ, что публика не захочетъ ѣхать осматривать вещи, то онъ объявляетъ въ газетахъ, что спеціальный поѣздъ отвезетъ желающихъ на мѣсто продажи безплатно, гдѣ имъ будетъ приготовленъ безплатный завтракъ.

Въ баптистской церкви въ Нью-Іоркѣ вывѣшено объявленіе, что дѣтямъ, которыя будутъ посѣщать церковную службу, будетъ выдаваться денежное вознагражденіе. Они получаютъ пять су за одну службу, десять су за двѣ службы, такъ что самыя благочестивыя и терпѣливыя могутъ въ воскресенье заработать двадцать су.

Я могъ бы еще много разсказать подобныхъ, вещей, но у меня нѣтъ мѣста.

XLVIII.

Прислуга.

Въ этой странѣ, гдѣ почти всѣ матеріальныя жизненныя задачи разрѣшаются при помощи машинъ, существуетъ одно затрудненіе, выходъ изъ котораго не найденъ еще до сихъ поръ. Это вопросъ о домашней прислугѣ. Я увѣренъ, что онъ будетъ разрѣшенъ не сегодня—завтра. Уже и теперь онъ получилъ разрѣшеніе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Пока все же европейцу есть много чего послушать объ отношеніяхъ, существующихъ между господами и прислугою.

Америка ежегодно поглощаетъ массу энергіи, которая не нашла себѣ примѣненія на старомъ континентѣ. При этомъ нужно замѣтить, что почти каждый мужчина и женщина, покидающіе родную страну, не имѣютъ въ виду долго оставаться въ подчиненномъ положеніи прислуги.

Но вотъ вопросъ: почему крестьяне и рабочіе, покинувшіе Европу почти на другой же день послѣ своего прибытія въ Америку, забываютъ сословное различіе? Развѣ въ горахъ Калабріи и на поляхъ Ирландіи они были другими людьми? Конечно, нѣтъ. Но на лонѣ старой цивилизаціи, часть которой составляли они, богатые классы были въ то же время самыми культурными, самыми интеллигентными, наиболѣе образованными и потому господствовали по праву.

Перенесенные же въ новую страну, не имѣющую ни аристократіи, ни прошлаго, гдѣ самые богатые еще вчера были бѣдными, они сразу чувствуютъ себя въ своей средѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди не разнятся отъ

нихъ ни воспитаніемъ, ни образованіемъ. При этомъ всѣ носятъ одинаковый костюмъ. У нихъ одинъ видъ, а благодаря отсутствію усовъ и бороды, даже одно лицо. Этотъ милліардеръ началъ свою карьеру тридцатъ лѣтъ тому назадъ, не имѣя ни одного су; эта вереница милліонеровъ прибыла сюда изъ Германіи, Англіи, Ирландіи, Скандинавіи, Швейцаріи или Тироля такими же нищими, какъ и они. Вслѣдствіе этого человѣкъ инстинктивно поднимаетъ голову, а это положеніе не подходящее для слуги. И такъ какъ новоприбывшій пріѣхалъ въ Америку, чтобы обогатиться, онъ остается слугою только самое необходимое время. Какъ только онъ отложитъ небольшую сумму, онъ тотчасъ же распускаетъ крылья, если, конечно, не попадетъ къ какому-нибудь щедрому милліонеру, который много путешествуетъ и часто принимаетъ у себя богатыхъ друзей. Я видѣлъ такихъ слугъ, которые, благодаря своимъ господамъ, откладывали ежегодно отъ 12-ти до 15-ти тысячъ франковъ.

Благодаря такому положенію вещей, слуги увеличиваютъ свои требованія. Тамъ нельзя найти слугу меньше какъ за сто франковъ въ мѣсяцъ. Кучера же въ хорошемъ домѣ получаютъ отъ 400 до 500 франковъ въ мѣсяцъ. При этомъ вы не можете требовать отъ людей сдѣлать что-либо, что выходитъ изъ предѣловъ ихъ обязанностей. Кухарка не накроетъ на столъ скатерти, а горничная ни за что на свѣтѣ не станетъ чистить сапогъ; она не станетъ также мыть оконъ. Если вы хотите, чтобы ваши сапоги были вычищены, а ваши окна вымыты, то должны позвать для этого негра. Я лично знаю много людей, которые во избѣжаніе лишнихъ расходовъ каждое утро выходятъ съ грязными сапогами и отыскиваютъ чистильщика сапогъ.

Американская прислуга вербуется среди ирландцевъ, итальянцевъ и швейцарцевъ. Маленькія ирландскія крестьянки, пріѣзжающія въ Балтиморъ, Нью-Іоркъ или Бостонъ, рѣшительно ничего не могутъ дѣлать по дому. У себя на родинѣ онѣ выучились только варить картофель. Но я уже говорилъ вамъ, что здѣсь есть школа, которая обучаетъ ихъ хозяйству. Въ продолженіе трехъ недѣль или мѣсяца они обучаются поваренному искусству и затѣмъ уже не идутъ на мѣсто меньше какъ за сто франковъ въ мѣсяцъ.

Вы, конечно, догадываетесь, насколько хорошо выучиваются они стряпать въ три недѣли! Горничныя же не умѣютъ ни шить, ни причесывать, ни одѣвать своихъ барынь. Онѣ абсолютно отказываются не только чистить ботинки, но даже чистить платье! Къ этому нужно замѣтить, что никогда ни одинъ мужчина въ Америкѣ не осмѣлится потребовать отъ своей жены, чтобы она чистила ему ботинки или тронула щеткой его платье.

Я сначала не хотѣлъ вѣрить подобнымъ вещамъ и считалъ это преувеличеніемъ. Но то, что я здѣсь вамъ разсказываю, я видѣлъ во всѣхъ городахъ, въ которыхъ успѣлъ побывать.

Одинъ французъ въ Чикаго, зарабатывающій хорошо, но вовсе не богатый, представилъ мнѣ слѣдующій минимумъ расходовъ на прислугу:

Кухарка (хорошо умѣющая готовить) 125 фр.

Горничная (нужно дѣлать постели, вытирать пыль и служить у стола) 100 фр.

Прачка (горничная отказывается стирать носовые платки), три дня въ недѣлю... 70 фр.

Чистка (нужно вытряхать ковры, мыть коридоры, окна), спеціальный человѣкъ два или три часа въ день... 60 фр.

Садовникъ, который въ то же время согласился мыть автомобиль... 200 фр.

Всѣ эти люди получаютъ столъ, комнату!

И они требуютъ два дня свободныхъ въ недѣлю, съ двухъ до шести часовъ пополудни, и два другихъ дня, съ восьми часовъ вечера до полуночи. Кухарки и горничныя отказываются служить и готовить обѣдъ въ воскресенье вечеромъ. Въ этотъ день онѣ хотятъ быть свободны съ двухъ часовъ дня. Вслѣдствіе этого вы принуждены обѣдать въ половинѣ второго. Если вы захотите ѣсть вечеромъ, вамъ придется идти въ ресторанъ или самому готовить. Это еще не все, есть слуги, которые требуютъ, чтобы имъ уступали салонъ для гостей. Мнѣ показывали даже такихъ, которые хотѣли имѣть право играть на роялѣ одинъ день въ недѣлю.

Если комната имъ не подходитъ, они требуютъ другую. Въ нѣкоторые понедѣльники во всѣхъ большихъ городахъ въ наиболѣе крупныхъ магазинахъ устраивается распродажа. Союзы прислуги—есть нѣсколько союзовъ домашней прислуги—требуютъ, чтобы господа разрѣшили въ эти дни уходить прислугѣ за покупкой. Такимъ образомъ, если въ понедѣльникъ вамъ понадобится прислуга, то вы принуждены сами замѣнить ее.

Даже въ отеляхъ существуютъ тѣ же самые обычаи. Обувь тамъ никогда не чистятъ. За все мое пребываніе въ Америкѣ (за исключеніемъ Нью-Іорка) я не видѣлъ ни одной пары ботинокъ передъ дверями комнатъ ни въ одномъ изъ тѣхъ городовъ, которые я посѣтилъ. Въ первое время, удивляясь, что утромъ находилъ свою обувь въ томъ же видѣ, въ какомъ она была накануне, я звонилъ и требовалъ, чтобы мнѣ ее чистили. Однако, я скоро отказался отъ этого. Меня заставляли ждать съ полчаса, а затѣмъ просили уплатить 75 сантимовъ негру, который приносилъ мнѣ сапоги.

Я сталъ поступать, какъ другіе, т. е. выходилъ въ грязныхъ ботинкахъ и отправлялся отыскивать самъ негра.

Американцы нисколько не страдаютъ отъ этихъ обычаевъ. У первыхъ піонеровъ было много другихъ заботъ. Непрестанная упорная борьба въ продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ колонизаціи закалила американцевъ. Съ другой стороны, рабочіе крестьяне, ежегодно прибывающіе сюда, воспитанны не въ ватѣ. Сдѣлавшись богатыми, они, если нужно, умѣютъ сдѣлать все сами для себя. Главное, что они требуютъ, это чтобы ихъ не заставляли терять время. Американецъ въ жизни все равно, что солдатъ въ походѣ: онъ можетъ довольствоваться минимумомъ удобствъ. У американца такой видъ, какъ будто онъ живетъ на бивуакѣ. Эта страна непрестанно прогрессируетъ, мѣняется. Никогда я не видѣлъ ни одного человѣка, который бы жаловался въ гостинницѣ на дурную прислугу или кухню. Разъ столъ обиленъ, они довольны. Сто разъ я слышалъ, какъ джентльмэны говорили за столомъ «превосходно!» передъ самыми несъѣдобными блюдами. Они примѣшиваютъ столько сой, перцу и соли ко всему тому, что ѣдятъ, что первоначальный вкусъ кушанья совершенно исчезаетъ.

Въ первое время пребыванія въ Америкѣ насъ поражаетъ комфортъ

теплыхъ комнатъ, мягкія постели, тонкое бѣлье, удобство способа передвиженія и т. д. Но всѣ эти выгоды немедленно забываются, когда, желая пришить пуговицу или крючекъ послѣ шести часовъ вечера, грумъ отвѣчаетъ вамъ, что портной ушелъ, а горничная отказывается замѣнить его.

Вы догадываетесь, какія проистекаютъ послѣдствія изъ этого положенія независимости умовъ.

У вульгарныхъ натуръ они выражаются грубостью и невообразимой безцеремонностью. Быстро замѣтивъ, что тѣ, кому они служатъ, не превосходятъ ихъ ничѣмъ, за исключеніемъ денегъ, они откидываютъ всякое уваженіе по отношенію къ своимъ господамъ. Но въ этой странѣ ничто не шокируетъ. Послѣ перваго удивленія каждый скажетъ, что подобная эмансипація законна и нормальна. Но изъ этого также вытекаетъ вѣчная боязнь остаться безъ прислуги. Американка никогда не можетъ быть увѣрена утромъ, что вечеромъ она будетъ обѣдать у себя дома. Слуга не обязанъ оставаться недѣлю послѣ своего отказа, онъ даже не долженъ ждать сорока восьми часовъ. Если ему вздумается, а это бываетъ часто, онъ снимаетъ свой передникъ, достаетъ чемоданъ, надѣваетъ на голову шляпу и требуетъ немедленно разсчета. Союзы установили этотъ обычай, и судъ поддерживаетъ его.

Такая независимость слуги подняла значеніе профессіи. Въ Америкѣ не видятъ въ этомъ никакого униженія. Тогда какъ во всей Европѣ находиться въ услуженіи считается менѣе благороднымъ, чѣмъ быть ремесленниками, тамъ не дѣлаютъ никакой разницы въ способахъ добыванія хлѣба. Такимъ образомъ, въ Бостонѣ я видѣлъ мальчика, присутствовавшаго у подъемной машины, который въ то же время слушалъ курсъ въ технологическомъ институтѣ.

Это не слуга, который сталъ студентомъ. Это студентъ, который принужденъ быть слугою.

Во многихъ американскихъ университетахъ имѣется немало студентовъ, поставленныхъ въ аналогичное положеніе.

XLIX.

Возвращеніе.

Я окончилъ свое путешествіе по Америкѣ, и вотъ я снова у точки моего отправленія.

Я пріѣхалъ сюда восемь мѣсяцевъ тому назадъ, въ серединѣ зимы, въ ужасный холодъ. Я вспоминаю свои первыя впечатлѣнія и первую мысль, пришедшую мнѣ въ голову: «Зачѣмъ эти люди идутъ такъ быстро? Когда у нихъ будетъ время поразмыслить, оглянуться, посмотрѣть вокругъ себя, насладиться нѣсколькими рѣдкими удовольствіями жизни?». Я сожалѣлъ американцевъ и жалѣлъ самого себя въ продолженіе долгой суровой зимы.

Въ настоящее время я весь исполненъ радости при мысли, что снова увижу нормандскіе берега, а затѣмъ Парижъ! Эту мысль я лелѣялъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но вотъ теперь, когда пробилъ часъ отъѣзда, когда я уже связалъ свой чемоданъ, я вдругъ останавливаюсь и погружаюсь въ мечтаніе. Удивительная вещь: впечатлѣнія, ко-

торыя я переживалъ каждое въ отдѣльности, вдругъ стали обобщаться въ моей головѣ. Я почти забылъ препятствія и неудачи, пережитыя вначалѣ, забылъ дурной пріемъ, оказанный мнѣ природой, городами и толпой; мои обиды растаяли подъ яркимъ солнцемъ Луизіаны и окончательно испарились при благосклонной встрѣчѣ, оказанной мнѣ цвѣтами и плодами южной Калифорніи; съ этого момента всѣ предметы приняли для меня другой смыслъ и видъ.

Нѣтъ, никогда не забуду я сладкой радости, охватившей меня, едва я ступилъ на землю Новаго Орлеана. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на сѣверѣ и западѣ Америки, я страдалъ, какъ животное, перенесенное въ чуждый ему климатъ. Тутъ понялъ я сразу оживленную дѣятельность сѣверныхъ американцевъ, постигъ ихъ желаніе быть вѣчно въ движеніи, монотонность ихъ семейной жизни, которую нарушало лишь физическое движеніе.

Въ настоящее время я чувствую, что больше понимаю эту юную колоссальную страну. Симпатичныя и сердечныя лица группируются въ моей признательной памяти, и мнѣ хотѣлось бы еще побыть немножко въ этой странѣ, которой я, безъ сомнѣнія, никогда больше не увижу, мнѣ хотѣлось бы пожать въ послѣдній раза дружескія руки, которыя протягивались ко мнѣ, и снова взглянуть, хотя бы на одинъ моментъ, на панораму пейзажей гордыхъ, грандіозныхъ или очаровательныхъ, видѣнныхъ мною во время восьмимѣсячныхъ переѣздовъ.

И вотъ передо мною появился Нью-Іоркъ, веселый, блестящій, освѣщенный мягкимъ весеннимъ солнцемъ. Кошмаръ, угнетавшій этотъ ледяной городъ, какъ будто испарился подъ лучами солнца. Я снова иду на Валлъ-Стритъ, финансовый кварталъ Нью-Іорка, захожу на островъ Эллисъ, гдѣ высаживаются эмигранты, дополняю свои замѣтки о ресторанахъ; я иду въ Центральный паркъ, деревья котораго покрываются листвою и который дѣйствительно красивъ въ это время года. Мнѣ кажется, что прохожіе смотрятъ не такъ строго, что черты ихъ лицъ какъ будто смягчились, походка сдѣлалась плавнѣе, женщины стали больше походить на женщинъ. Неужели Нью-Іоркъ сталъ городомъ, гдѣ можно жить? Моя записная книжка исписывается новыми замѣтками. Я замѣчаю, что лихорадочная жизнь города теперь кажется мнѣ нормальной. Но я не увижу ничего этого болѣе. Меня ожидаютъ другія ощущенія.

Пароходъ стоитъ наготовѣ. Я всхожу на него посреди фантастическаго шума и суетни, вызываемой послѣднимъ часомъ. Я облокачиваюсь на перила.

Съ набережной люди кричатъ, смѣются, дѣлаютъ послѣднія порученія: «Не позабудь поцѣловать маму!», «Скажи Эдуарду, чтобы писали мнѣ!», «Я поѣду къ твоей матери!». И все это говорится очень громко посреди возгласовъ: «Счасливаго пути!» и маханья платками. Нѣкоторыя плачутъ. Пароходъ содрогается. Мой взглядъ въ послѣдній разъ обнимаетъ набережную и толпу... Какъ красивы глаза опечаленныхъ женщинъ!

Начинается судовая жизнь. Мало-по-малу образуются группы. Люди осматриваютъ другъ друга, обмѣниваются, ощупываютъ взглядомъ. Такъ какъ я схожусь довольно трудно, то ограничиваюсь тѣмъ, что наблюдаю. На пароходѣ есть дамы, очень красивыя американки, къ мнѣніямъ которыхъ относительно мужчинъ и американскихъ нравовъ я внимательно прислушиваюсь.

Днемъ я нѣсколько часовъ посвящаю чтенію, затѣмъ прогуливаюсь по палубѣ, думаю о странѣ, которую увижу, и о той, которую покинулъ. Мой выздоровѣвшій оптимизмъ заставляетъ меня относиться добродушно ко всѣмъ людямъ, къ тому же я знаю, что меня ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Чѣмъ болѣе приближаемся мы къ Франціи, тѣмъ болѣе стираются мои воспоминанія.

Погода великолѣпная, въ воздухѣ не очень холодно, я до поздней ночи остаюсь на палубѣ, глядя все на ту же воду, сверкающую подъ лучами луны, на серебристую пѣну, на корабельныя снасти.

Разъ вечеромъ, незадолго до обѣда, распространился слухъ, что умерла одна изъ пассажирокъ...

Я вспомнилъ, что наканунѣ вечеромъ видѣлъ человѣка, который искалъ врача. Я освѣдомился у него, кто заболѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что захворала его жена, по всей вѣроятности, простудившись на палубѣ...

Итакъ, она умерла. Ее собирались хоронить. Большинство пассажировъ, не зная о случившемся, пошли обѣдать. Только нѣкоторые остались на палубѣ и, облокотившись на перила, смотрѣли внизъ, такъ какъ гробъ долженъ быть брошенъ съ нижняго этажа.

Изъ разговоровъ я узналъ, что покойницѣ было сорокъ лѣтъ, что она съ мужемъ возвращалась во Францію. Говорили, что у нея на тѣлѣ были черныя пятна. Неужели на суднѣ появилась чума или другая какая-либо эпидемія? Но почему ее такъ торопятся хоронить? Завтра мы должны прибыть въ Гавръ...

Вскорѣ на краю палубы второго класса показался гробъ, покрытый красной матеріей. Солнце было близко у горизонта. Тихое море отливало перламутромъ и золотомъ.

Обыкновенно на время похоронъ судно останавливается. Но мы были задержаны при отправленіи туманомъ, а такъ какъ капитанъ непремѣнно хотѣлъ завтра прибыть въ Гавръ, во время прилива, то мы должны были спѣшить.

Прошло тридцать секундъ, во время которыхъ священникъ молился за умершую. Затѣмъ послышался рѣзкій свистокъ, красная матерія была снята, и послѣ второго свистка гробъ съ нѣсколькими живыми розами вертикально бросили въ море. Обыкновенно къ гробамъ привязываютъ какой-нибудь грузъ, чтобы они скорѣе тонули. Однако, этотъ не погрузился въ воду, а поплылъ... Я видѣлъ, какъ онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, и крышка, вѣроятно, плохо прибитая гвоздями, вдругъ отскочила.

Мои пальцы судорожно сжали перила при видѣ ужасной картины... Я увидѣлъ внутренность гроба: тамъ лежалъ какой-то безформенный свертокъ, завернутый въ шотландскіе плэды, зеленые, голубые и красные.. Ящикъ плылъ по лазурной водѣ вслѣдъ за убѣгавшимъ отъ него пароходомъ... Я мысленно помянулъ бѣдную одинокую покойницу и спустился въ столовую. Капитанъ въ знакъ траура въ этотъ вечеръ не пришелъ къ столу, Но супругъ спустя пять минутъ уже сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, читая меню обѣда. Окончивъ обѣдъ, онъ отправился въ курительную комнату и сидѣлъ тамъ съ сигарой въ зубахъ.

Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что умеръ какой-то грекъ, пассажиръ третьяго класса, котораго тоже должны были хоронить сегодня.

Въ половинѣ второго ночи я еще не сплю. Пока я пишу въ своей

каютѣ эти строки, внизу подо мною слышны тѣ же самые свистки. Я представляю себѣ видѣнную мною церемонію. Въ окно я вижу море совершенно чернаго цвѣта, за исключеніемъ полосы, освѣщенной луною. Вдругъ раздается шумъ и плескъ воды отъ брошеннаго тяжелаго тѣла. Моя мысль невольно возвращается къ этимъ двумъ несчастнымъ, и я не могу уснуть до самаго разсвѣта.

Проснувшись, я узналъ, что мы миновали мысъ Лизаръ. Морскія ласточки кружились вокругъ парохода, онѣ точно привѣтствовали насъ.

Вотъ показался нормандскій берегъ, маленкія деревушки, липившіяся на мѣловыхъ холмахъ. Вотъ наконецъ Гавръ!...

Съ берега махаютъ бѣлыми платками. О, какъ бьется мое сердце... Гдѣ же тѣ, которые ждутъ меня? Вотъ наконецъ и они, красные и счастливые, махающіе шляпами, платками, зовущіе меня по имени, вытирающіе лобъ. Отъ радости у меня сжимается въ горлѣ. Подобное возвращеніе для тѣхъ, кто не привыкъ къ длиннымъ путешествіямъ, почти воскресеніе изъ мертвыхъ или спасеніе отъ большой опасности!

Судно пристаетъ, укрѣпляются сходни и постепенно начинается переселеніе на берегъ. Каждый шагъ, сдѣланный впередъ, увеличиваетъ радость, протягиваются руки, могучій, сладкій магнитизмъ охватываетъ васъ своими ласкающими волнами, и еще долго все существо ваше остается потрясеннымъ отъ этой несравненной радости, охватывающей васъ на поляхъ жизненной битвы.

КОНЕЦЪ.